



ОСКВЕРНИТЕЛЬ СОЛОМОН II

Люциан Бэйн

На седьмой день седьмого года... её осквернили. Соломон и Хаос в руках зла. Переменчивые дни в заброшенном приюте для душевнобольных теперь стали их реальностью. Церковь ищет искупление в образе Соломона Горджа. Безумные духи прошлого призывают Соломона прийти... прийти и увидеть секреты, скрывающиеся в стенах психбольницы. *** ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ *** Этот тёмный, готический, с ноткой лёгко эротики, романтический триллер может содержать элементы, которые могут взволновать или оскорбить читателя. Пожалуйста, читайте с осторожностью, даже если вас привлекают описания жестокости и различных форм надругательства.

Люциан Бэйн
Осквернитель Соломон
Серия: *Осквернение* — 2

Перевод: Fragic

Сверка: helenapasad

Бета-корректор: sunshine135, CritiK

Редактор: Amelie_Holman

Оформление: Eva_Ber

Лоботомия.

Только от одного этого слова душный воздух в темной камере постепенно стал прохладным. С каждым ударом сердца Соломон чувствовал, как по его телу распространяется яд, въедаясь в разум все глубже, пока его кровь не начала ощущаться слова кислота, выжигающая кости. Он сосредоточился на вдохах, что давались ему с большим трудом, мысленно цепляясь за этот звук, как за единственную спасительную соломинку собственного здравомыслия, чтобы не быть затянутым в коридоры окружавшей их психиатрической лечебницы.

— Ты хочешь знать, что это означает? — прозвучал из уст Хаос слабый вопрос.

Соломон боролся с собой, чтобы ответить ей и стереть страх, сотрясавший ее тело. Они найдут путь к спасению, они найдут способ выбраться. Он хотел, нет, он должен был сказать ей все это, но его тело было охвачено осознанием того, что им предстоит пережить. Мучительный контраст между бесконечными пытками, изощренность которых невозможно было предсказать и неминуемой смертью.

Смерть подразумевала под собой конец мучений, что было по-своему спасением для них. А другой возможный исход не подразумевал подобной роскоши. Он означал, что они могут остаться в живых. Они будут погребены в могиле, живые и полностью осознающие то, что происходит, не способные заговорить, закричать или позвать на помощь, в то время как все вокруг будут просто наблюдать и задаваться вопросом, живы ли они еще или уже нет.

Так он понимал лоботомию.

Ему нужно бороться. Ему нужно бороться изо всех сил и без остановки. И ему нужно начинать делать это прямо сейчас, в этой грязной камере, в это самое мгновение.

Хаос тихо плакала в паре шагов от него. Соломон издал отчаянный звук, чтобы освободиться от ужаса перспективы лоботомии, который начинал заключать его тело в тиски в этой живой могиле. Он потянулся к ней в крошечной тьме, что царила вокруг них. Тьма была непроглядной, указывая на то, что где бы они не находились, там совершенно не было света, лишь крошечная мгла, в которой оставили их похитители

— Ш-ш-ш, — попытался успокоить он ее.

Соломон крепко прижал Хаос к себе. Это был его основной акцент, его якорь, увещевало сознание Соломона, когда он прикоснулся к ней. Он повиновался инстинкту, даже не задаваясь вопросом о его происхождении. Прижимая ее крепко к своему телу, он провел ладонью по ее спине и рукам, ощущая холод ее кожи.

Он продолжил утешать ее, тихо повторяя "ш-ш-ш, ш-ш-ш", пока не осознал, что дрожала не только она, но и он вместе с ней. Он совершенно позабыл о ее невосприимчивости к окружающему ее безумству. Соломон был счастлив, что ее разум находился в безопасном укрытии и в состоянии изоляции хотя бы к этой реальности.

Но как будто ей было известно, что она обладала иммунитетом, а он нет, ее руки вдруг крепко сомкнулись, обхватив его и удерживая в яростном объятии.

— Я — Сосуд Искупления, — произнесенные шепотом слова коснулись жаром его груди, пока Соломон продолжал прижимать ее к себе, как одинокую веточку на краю утеса. — Я могу поговорить с Мастером и убедить его выбрать меня, — проговорила она, затаив дыхание.

Ее слова прорвались в его оцепеневший разум, и он с усилием боролся с собой за то, чтобы ухватиться за их смысл и значение.

— Выбрать тебя?

Его губы зашевелились, и он услышал слова, и в то же время не мог их расслышать. Словно он был мертв... но в то же время жив. Заключенный в ловушку собственного тела.

Внезапный страх неожиданно потерять свой рассудок еще до того, как до него добрался Мастер, пронзил его уколом панического страха.

— Нет! — ахнул он. — Он не сможет заполучить тебя! И меня он тоже не сможет заполучить.

— Я не хочу, чтобы ты страдал, — задохнулась она с горечью в голосе, словно у них не было выхода, и время страданий неизбежно приближалось. И единственное, что они могли обсудить между собой, так это кем будет принесена эта жертва — им и ею.

— Я — Сосуд Искупления, и именно я все испортила. Я должна быть единственной, кто заплатит за это. Мастер всегда говорил, что я была темной лошадкой в этой беспощадной игре. Я должна быть той, кто спасет этот город, не ты!

Разум и тело Соломона переплелись между собой сильнее. Каждое мгновение его способность думать увеличивалась, мысли становились яснее, превращаясь, словно в искры пламени.

— Ты ничего не испортила, — прошептал он, встряхивая ее. — Никто ничего не разрушал. Хаос? Послушай, мне нужно, чтобы ты выслушала меня. — Соломон сжал ее лица обеими ладонями в темноте и начал оставлять поцелуи вокруг ее губ. — Мне и правда необходимо, чтобы ты меня выслушала. Мне нужно, чтобы ты послушала меня и поняла мои слова сердцем и разумом, ради меня. Тебе под силу это?

Единственный кивок вырвался вместе с ее поверхностным дыханием, коснувшись его губ, когда она впиалась пальцами в его плечи, прижимаясь холодной грудью к его груди. Соломон ахнул от такого тесного контакта, отчаянно желая любой связи, какую только мог разделить с ней.

— Теперь ты моя жена, — яростно произнес он эти слова у ее губ, не желая, чтобы хоть что-то в этой камере украло их. — Я хочу заботиться о тебе. Я хочу иметь от тебя детей, завести семью, это именно то, чего я хочу. Ты слышишь меня?

Она издала всхлип и кивнула.

— Скажи мне, что тоже желаешь этого. Хаос, ты должна мне сказать, что жаждешь того же самого.

— Я хочу этого, хочу, — сказала она с горечью. — Но не могу. Я не могу.

— Нет, можешь, — с яростью проговорил он. — Ты можешь это. Ты же доверяешь мне, Красавица?

Никогда еще слова не причиняли боль, обжигая его изнутри.

Он снова почувствовал ее кивок и сосредоточился, четко понимая, что этот час, это самое мгновение, может стать его последней возможностью.

— Я прекрасно понимаю, что это много значит для города. Я также понимаю, что есть проклятье, которое должно быть снято. Но знаешь ли ты... — проговорил он, и мысли продолжали выстраиваться в его сознании в слова, — что когда ты нашла меня, то отыскала намного больше, чем просто ответ на ваше проклятие?

Соломон осыпал ее поцелуями после каждого произнесенного им слова, и сейчас она боролась с желанием поцеловать его в ответ, ее пальцы отчаянно сжимались на его шее.

— Ч... что это? Скажи мне, — произнесла она.

Зарывшись пальцами в ее волосы, он мягко обхватил ее за голову, пока она оставляла нежные невинные поцелуи на его губах.

— Я здесь для того, чтобы положить конец этому проклятью, — отчеканил он.

Настойчивость ее губ сделала отчаяннее его желание втолковать ей, что им необходимо выжить.

— Да, — прошептала она, ее поцелуи стали жарче.

Соломон следовал плотно сотканной лжи в ее разуме, в то же время стараясь быть очень аккуратным, чтобы не двигаться слишком быстро и внезапно. Последнее, что ему было нужно, это подтолкнуть ее к краю психологически безопасной зоны, выход из которой может ее сломить. Продолжая осыпать ее пылкими поцелуями, он продолжил:

— Наконец, это стало совершенно понятным для меня, Красавица. Я был доставлен сюда, чтобы помочь Мастеру. Мне кажется, ты знаешь это, ты всегда знала это, и именно поэтому я был избран. Потому что я мог бы помочь восстановить все.

— Да, только ты и можешь.

Ее пальцы прошли по его волосам, когда он переместил свой рот от лица к ее ушку.

— Мастер просто не осознает этого... — продолжал увещевать он, выстраивая в ее голове основу для осознания необходимости спасения их жизней. — Он тоже подвергся власти проклятия. Именно поэтому меня призвали сюда, я был призван не только для того, чтобы сохранить город, но и для того, чтобы спасти Мастера. Мастер — не плохой человек, но проклятье стремится сделать его именно таким.

Она издавала негромкие стоны, оставляя поцелуи на его шее.

— Он очень хороший.

Соломон стиснул зубы, когда желчь поднялась в его горле от ее слов. Она совершенно не понимала то, что он пытался донести до нее.

— Я знаю. И я знаю, что ты тоже хороший человек, я поняла это с того самого момента, как встретила тебя.

Теперь ее губы скользили по его груди, и он ахнул, когда ее рот накрыл его сосок и жадно всосал его. Его член решил ожить именно в этот момент, он осознал, что отчаянно желает выжить, чтобы любить ее всю оставшуюся жизнь.

Но только так, чтобы Хаос всецело принадлежала лишь ему одному, находилась в долгу перед ним, слушалась его. Не Мастера. Это требовало от него изменить всю ее жизнь, течение которой ей промывали мозги, и единственное, что могло совладать с этим, — это их любовь.

Это был их единственный шанс. Он должен был воспользоваться им, чтобы разрушить весь этот культ до самого основания.

— Я здесь для того, чтобы прийти ему на смену, — едва слышно произнес он, когда ее алчные поцелуи спустились еще ниже по его телу.

Внезапная мысль, что она могла ласкать ртом это чудовище таким же интимным способом, заставила его застыть на месте в безмолвном гневе. Он принудил ее подняться и поцеловал, позволяя выплеснуться его отчаянной страсти к ней.

— Я здесь для того, чтобы забрать тебя, понимаешь? Ты моя жена, ты моя. Теперь ты принадлежишь мне. Мастер даровал тебя мне, он не может изменить этого сейчас, это незыблемый закон. Понимаешь?

Она кивнула, задыхаясь и смотря ему в лицо, когда он обхватил ладонями ее голову,

сначала пройдясь поцелуями по ее подбородку, затем спустившись к губам и нежной шее.

— Я твоя, — прошептала она еле слышно. — Я твоя.

Он вновь вернулся к ее губам.

— Я знаю, что ты моя, — произнес он, показывая ей своими отчаянными и страстными поцелуями то, насколько хорошо он понимал это, нуждаясь в том, чтобы она почувствовала и увидела, насколько четко он осознавал это. — Я предложил тебе провести со мной весь остаток жизни, даря тебе любовь, ты слышишь меня? Никто и ничто не сможет изменить этого.

Ее ответ раздался приглушенным стоном, и Соломон воспользовался каждой каплей своего желания и погребенной жажды для того, чтобы укоренить правду так, что никакая сила или человек на земле не смогут уничтожить это, особенно Мастер.

— У тебя красивое тело, — проговорил он у ее губ, пока кончики пальцев скользили по напряженным пикам ее груди. — И оно всецело принадлежит мне, чтобы я мог любить его. Оно всецело мое.

Он склонил голову и глубоко втянул в рот нежную плоть, насколько это было возможно.

— Да, — всхлипнула она.

Уверенность в ее словах, произнесенных с придыханием, пробудила алчный голод в Соломоне, желание услышать их снова, поэтому он усилил свой натиск. Он посасывал ее грудь жестче, покусывая твердую вершинку зубами, пока еще больше подтверждений не сорвалось с ее губ, и она не выгнулась навстречу его ненасытному рту.

— Да, да, — всхлипывала она, потягивая его за волосы.

Он вновь накрыл ее рот своим, его пальцы впились в верхнюю часть ее спины, когда его язык и губы продолжили подтверждать испепеляющую правду.

— Ты — моя жена. Ты — моя жена. Ты только моя. И всецело принадлежишь лишь мне, больше никому. Скажи это, произнеси это вслух. Я должен услышать это от тебя.

— Я твоя. Я — твоя жена, и больше никому не принадлежу, только тебе, — прошептала она едва слышно, со всей своей страстью вдыхая эти слова в его рот, она все сделала именно так, как он и хотел.

— Обещай, — настаивал он.

— Я обещаю. Обещаю всем сердцем.

Соломон проложил дорожку из поцелуев вниз по ее шее, готовый подтвердить каждое слово и защищать их жизни единственным доступным для них оружием — любовью. Он мягко обхватил ее груди своими ладонями, посасывая то одну, то другую. Все было прямо здесь — в ее дыхании и столах, в неудержимой необходимости Соломона спасти ее, спасти их, сохранить их будущее. Все это подогревало его невообразимой потребностью действовать, той, которая не имела причины или логического объяснения, оставляя за собой лишь отчаянную необходимость выжить. Желание спастись. Именно так он понимал все это. И он не отрицал этого, он принял понимание собственных желаний, собрав все свои силы, прямо здесь, пока все безумные призраки прошлого наблюдали за их неуклюжими попытками обрести спасение. Наблюдали за ними с молчаливым пониманием, зная, что здесь Соломону не место. Он ни за что не останется здесь умирать. Не в этой жизни.

Он отказывался верить в обратное. Он просто не мог. И не верил.

Соломон с трепетом опускался, скользя вниз по ее телу, его пальцы нежно погладили ее по волоскам в интимном местечке. Услышав, что ее дыхание стало неровным, он замер.

— О-о-о-о-он п-п-подготовил меня, — проговорила она, всхлипывая.

Страх вновь охватил его, и он крепко прижал ее к своему телу, ощущая, как обжигающая его ярость готова выплеснуться из него. В его сознании замелькали воображаемые образы того, что с ней делали, ее нежная плоть была рассечена без жалости. О, Боже. Его желудок скрутило, когда он, наконец, осознал, что за запах пропитал все вокруг, постоянно раздражая его обоняние на протяжении всего времени, что они находились в этом месте. Кровь. Свежая и подсыхая, несомненно, полностью покрывающая ее ноги по внутренней стороне бедра до ступней ног.

«О, Боже, помоги мне. Помоги мне. Не дай мне сдаться, не дай мне сломаться. Я умоляю тебе. Я молю тебя».

— Я-я все еще могу...

Она сжала в ладонях его член дрожащими руками, и Соломон обхватил их своими поверх ее ладоней, останавливая Хаос, чтобы она не опустилась на колени.

— Нет, не можешь, — прошептал он яростно ей на ухо, пока крепко прижимал ее к своей груди, оттесняя назад монстра, который ревел, царапая его грудь изнутри.

— Вместе. Всегда вместе, мы любим друг друга. Если ты не можешь, то не могу и я, ты понимаешь меня?! — он потребовал ответа, его губы все еще прижимались к ее уху. — Мы любим друг друга, и это значит — всегда быть вместе. Как одно целое. Как одно целое!

Он крепко зажмурился, пока сжимал ее в своих объятиях. Ее ногти впились в его шею, она задрожала всем телом.

— Я люблю тебя! — ее слова вырвались всхлипом, уступая место потоку рыданий. — Прости, — проговорила она, ее голос звучал несчастно и надломлено. — Я не знала. Я не знала, что полюблю тебя. Я не знала, что это будет так больно, я не хотела этого!

— Это не будет больно, — он напрягся, поглаживая ее спину. — Клянусь тебе.

Неистово вонзаясь ногтями в его кожу, она двинулась вниз по его плечам.

— Но это так! Это ранит! Сильнее, чем любая боль. Я не могу выносить этого! Я не желаю любить тебя, я не смогу вытерпеть этого! — закричала она, отталкивая его руки прочь.

— Хаос, прекрати, — умолял он, устремляясь в темноте к ней. — Нам нужно быть сильными. Вместе. Не сожалей о нашей любви, не смей делать этого.

— Я хочу ненавидеть тебя, — закричала она громче. — Я хочу ненавидеть тебя!

— Ты должна не ненавидеть меня, — прорычал он в этой беспросветной мгле, борясь с отчаянием. — Ты должна любить меня! — пробормотал он надломленным голосом.

Ее с новой силой охватили рыдания, пока постепенно не перешли в редкие всхлипывания, как у расстроенного ребенка.

— Я уже много страдала, — ответила она между рваными вздохами. — По правильным причинам. И я закончила подготовку, — продолжила она растеряно. — Я закончила свою подготовку, и больше в моей жизни не должно было быть столько страданий, — последние слова вырвались из нее пронзительным плачем. — Я не могу пережить новую боль и мучения... Только не это. Я недостаточно сильная. Я не могу преодолеть это испытание. Я не могу, я просто не могу, мне тааак жаль.

Соломон нащупал Хаос во тьме и крепко сжал в объятиях ее содрогающееся тело.

— Хорошо, все будет хорошо, — прошептал он, прижимая ее к себе. Как она может быть такой хорошей? Настолько красивой? На протяжении всей своей жизни она страдала от безмолвной боли, и все только для того, чтобы помочь остальным. Всем вокруг. И теперь настала его очередь испытывать страдания, которые она больше не могла принять, но

желала вытерпеть ради него. Всегда готова пойти на жертву.

Он нежно погладил ее по спине, отказываясь думать о тех зверствах, что пришлось ей вынести ради якобы благого дела. Для того чтобы помочь.

— Я тебя люблю, Красавица, тебе это известно? Всю свою жизнь я ждал только тебя, — сказал он, подавляя нахлынувшие на него эмоции.

Он вспомнил время, не так давно, когда он бы ощутил чувство вины за сказанное, но он прекрасно знал, что его невеста, где бы она ни была сейчас, живая или мертвая, обязательно бы поняла его.

В крошечной тьме он приподнял ее лицо к своему и с всепоглощающей нежностью оставил поцелуй на ее губах. Она была единственной. Единственной женщиной, предназначенной ему судьбой. В это мгновение он четко ощущал истинное положение вещей, жесткое и опаляющее своей неизбежностью его изнутри. Даже если судьба связала их всего на неделю. Он уповал на то, чтобы это продлилось сотни лет, но сейчас он не был уверен в их будущем. Он был уверен лишь в мимолетном настоящем моменте.

Его наполнила крайняя необходимость узнать больше и так быстро, как только сможет. Мгновение спустя его настигло осознание. Оно снизошло на него в быстрой последовательной цепочке, словно иллюстрации картинок из книг, что вспыхивали в его сознании. То, как он встретил Хаос. Как Мастер расчетливо ввел ее в его жизнь. Как он обучал ее никогда не получать удовольствие, никогда не испытывать любви...

О, блять. Соломон ахнул и стиснул ее в объятиях сильнее. Этот ублюдок все просчитал. Он обдумал каждую мелочь, и, главным образом, ее любовь к нему и ее страдания от мысли, что она может потерять его.

Но почему? Почему Мастер был таким больным ублюдком? Почему он ненавидел ее настолько сильно, чтобы принудить сделать это?

— Можешь сделать кое-что для меня, Красавица? — он целовал ее лоб снова и снова. — Ты не могла бы рассказать мне кое-что, чтобы я мог понять? Чтобы я знал, как исправить все?

— Ты не сможешь ничего исправить, — проговорила она тихим голосом, наполненным отчаянием.

— Смогу, — он постарался придать своим словам твердость, а затем ласково погладил ее по волосам, обрамляющим лицо. — Мне это по силам, именно поэтому я здесь, помнишь? Очень важно, чтобы ты тоже помнила это. Послушай меня, — проговорил он громче, заставляя ее сосредоточиться. — Сейчас не время сдаваться, ты меня слышишь? Как долго тебя готовили к этому?

— С того момента... как мне исполнилось шесть лет.

Слова были произнесены спокойно, но чередовались с резкими выдохами, рвущимися из ее груди толчками.

Соломон сжал ее крепче, успокаивающе поглаживая спину.

— Это очень долгий период времени, ты просто не можешь сдать сейчас, когда конец пути так близок. Ты не можешь сделать это, — она кивнула, и он продолжил: — Нам лишь необходимо разобраться в том, что происходит, и найти наилучший вариант решения. Поэтому... мне необходимо, чтобы ты мне сказала, что, по твоему мнению здесь произошло с самого начала, можешь сделать это для меня?

— Я не хочу, — прошептала она, ее голос был хриплым и звучал испуганно.

Отчетливо слыша страх, он заключил ее лицо в ладони и поцеловал Хаос, долго и

нежно.

— Мне необходимо, чтобы ты это сделала. Я нуждаюсь в тебе. Пожалуйста. Мне нужно знать, чтобы я смог придумать план.

— Какой план?

— Способ, чтобы исправить все.

— Но это нельзя остановить, — ответила она еле слышно.

— Я пытаюсь не остановить это, а исправить, — заверил он. — Мне необходимо уберечь Мастера от принятия неправильных решений, помнишь? Не забывай, что проклятие имеет над ним власть, и оно пытается заставить его делать неправильные вещи. Это то, как работают проклятья, они постепенно подчиняют человека и внушают ему, что он делает правильные вещи, когда на самом деле это не так. Как долго Мастер планировал разрушить проклятье?

— Д... долгое время, — проговорила она, всхлипывая снова у него на груди.

— Точно. Прошло много времени, достаточно много, чтобы проклятье смогло склонить его на свою сторону, понимаешь? Именно так и действуют проклятья, Хаос, под их влиянием может произойти все что угодно во избежание их уничтожения, а Мастер всего лишь человек. Это не его вина. Не его, — он стиснул свои зубы от ужасной лжи. — Но ты особенная. Помнишь? У тебя есть дар, как и у меня, и эти способности указывают и предупреждают, когда что-то идет не так. Мне просто нужно, чтобы ты постаралась все вспомнить, ради меня. — Соломон прекрасно понимал, что это своего рода игра в рулетку, но он был готов поставить на кон все что угодно. — Вспомни самую первую вещь, которая заставила тебя ощутить себя странно в этом месте. — Соломон прикоснулся к ее груди, на уровне сердца.

— Как плохие вопросы? — спросила она обеспокоено и виновато.

Соломон чуть изменил положение головы, его сердце забилось с надеждой, даже в этой крошечной тьме.

— Это то, как Мастер называл их?

— Да, — прошептала она. — У меня всегда были вопросы.

Соломон выдохнул с облегчением.

— Видишь? Твой дар пытался подтолкнуть тебя оказать помощь Мастеру и положить конец мучительному влиянию проклятья, терзающего его! — проговорил он восторженно. — Когда? Когда они начались, какого рода вопросы это были?

— Мастер говорил, что они плохие, — ответила она вполголоса, словно кто-то мог услышать ее. — Эти... злобные духи заставляли меня думать о тех вещах, которые могли снять проклятье, но я никогда не должна была прислушиваться к плохим вопросам.

— О, черт, — прошептал Соломон.

— Что такое? — она мгновенно спросила, выдав свой испуг.

— Я был прав. Проклятье захватило Мастера еще на самом раннем этапе. Но это в свою очередь объясняет, почему он так слеп, ведь он находится под влиянием проклятья уже многие годы.

Соломон ждал во внезапно наступившей тишине, затаив дыхание и уповая на то, что она купится на его слова.

— О, Боже, — едва слышно прошептала она, вырываясь из его объятий. — О, Боже Боже, — она нервно начала вышагивать где-то поблизости, показавшись ему еще более испуганной и виноватой, чем обычно, как будто все, что произошло, было ее виной, и

навсегда ею и останется. — Я-я-я не понимаю, королева...

— Королева, — произнес он, внезапно поймав ее и чуть наклонив, удерживая в руках. — Расскажи мне о королеве, Хаос. Давай начнем с этого вопроса. Кто такая королева? Где она находится?

— Я-я не знаю, кто она... я имею в виду, что мне никогда не позволялось спрашивать. Она живет с Мастером, в его тайной обители.

В его тайной обители? Большой ублюдок считал себя Господом Богом. Тайная обитель, святая святых.

— Как... выглядит королева?

Соломон затаил дыхание, прежде чем, наконец, она прошептала:

— Она очень красивая. Но... мне никогда не позволялось смотреть на нее. Я не была достаточно чиста для этого, — прошипела она, как будто все прекрасно понимая.

Соломон надеялся, что Хаос осознавала, что все это было лишь обманом.

— Откуда тебе известно, что она красива?

Прозвучавший вопрос, должно быть, озадачил ее.

— Потому что... потому что она — королева, она... Я имею в виду, что я полагала...

Соломон устремился навстречу ее растерянному голосу и обхватил ее, обнимая.

— Хорошо, все хорошо, — успокаивающе произнес он.

Ему нужно было двигаться не спеша, но в то же время надо было действовать достаточно быстро, чтобы успеть до того момента, как вернутся их похитители. По крайней мере, она приняла идею того, что ее любимый Мастер может ошибаться, быть одураченным самим дьяволом. И, естественно, она винила себя в том, что не смогла распознать это, но само принятие этого было несомненным прогрессом, и они двигались в правильном направлении.

Дьявол не мог отобрать более идеального человека, чем она. Верного, бескорыстного и порядочного до самой смерти

Внезапно ему в голову пришла идея.

— А кто-нибудь еще видел королеву?

Пронзительная тишина, которая последовала за этим вопросом, заставила его ощутить приступ тошноты от замаячившей надежды.

— Д-да. Я... я уверена в этом

— Ты полагаешь, что ее видели?

— Да, — отчеканила она, ее голос стал увереннее, прежде чем она сделала долгую паузу, пока Соломон подыскивал правильные вопросы.

— Я... я слышала ее! — внезапно выкрикнула она.

— Что ты слышала?

— Ее шепот. Обращенный к Мастеру, из-за занавеса.

— Занавеса?

— Во внутренней обители Мастера, она занавешена. Иногда он говорит там с ней.

Внутренняя обитель. Более личное пространство. Соломон боролся против мерзкого ощущение ужаса, которое постепенно пробиралась ему под кожу.

— Мастеру... нравится королева?

Она с энтузиазмом выпалила в ответ:

— Он любит ее! Очень сильно!

— Любит? Как... мать? Как сестру, как жену?

— Я-я... она только... она же королева, она — Мать Ордена, он любит ее так, словно...

Соломон позволил предположению сорваться с губ: — Словно Господа своего?

Он затаил дыхание, отсчитывая долгие мгновения гробовой тишины, беспокоясь, что мог все испортить.

— Это не его вина. Проклятья всегда создают псевдобогов, Хаос, — прибавил он нежно. — Королева говорила Мастеру, что он должен делать?

— Я думаю... она давала ему советы, да.

Внезапно его посетила еще одна идея.

— Понятно, — проговорил Соломон с притворным пониманием в голове, быстро вырабатывая новую стратегию.

— Что именно? — спросила она, страстно желая услышать какое-то объяснение.

— Возможно, проклятье сначала завладело королевой.

Хаос сделала шумный вздох.

— И она...

— Осквернила Мастера.

Соломон ждал, затаив дыхание в этой крошечной тьме, моля, чтобы она в удивлении приложила ладонь к губам, широко распахнув глаза от шока.

— Точно! — через несколько мгновений она, наконец, с шипением воскликнула. — Да, так и есть, — прошептала она с пониманием, потрясенная.

Ощущение облегчения затопило Соломона, и он почувствовал, как его колени чуть не подогнулись под ним. Королева примет удар на себя, что не могло не радовать его, как и понимание, дошедшее до Хаос, что она была преданна Мастеру, который являлся полным ублюдком.

— Мой первый плохой вопрос, который пришел мне в голову, был задан после того, как Мастер сказал мне кое-что, о чем поведала ему королева, и я спросила об этом, так как это показалось мне... не совсем верным.

Она говорила так, словно не могла произнести слово "неправильный".

— О, Боже мой, — прошептал Соломон, и его голос наполнился еще большим страхом. — Это многое объясняет, не так ли?

— Да, — согласилась она, но уже не с таким энтузиазмом, как раньше.

— Поговори со мной, Красавица, есть что-то еще?

— О, Господи, — едва слышно пролепетала она, вырываясь из его объятий.

— Что? Скажи мне, помоги понять.

— Я не знаю! — она пронзительно закричала в темноте, стоя прямо перед ним. — Что мне известно? Я сама не представляю, о чем знаю! Я только слушала! — прошипела она. — Я внимала словно примерная ученица. Я не задавала вопросов!

Соломону было необходимо притормозить. Ей не стоило так быстро и в таких объемах воспринимать информацию, что могло привести ее к заключению в еще одну психологическую ловушку, и она могла застрять там.

— Я постаралась отстраниться от плохих вопросов, — продолжила она возбужденно. — Я не поддавалась им, я отказалась от них! Как примерная ученица! — она напряглась, скрипнув зубами.

От гнева? Или от сожаления?

— Да, ты поступила как примерная ученица, словно послушное дитя, полное доверия, Хаос, — произнес Соломон, желая что-нибудь разглядеть в этой темноте. — Здесь нет

ничего плохого, ты справилась с этим превосходно.

— Превосходно! — повторила она за ним потрясенно, заставляя его задуматься о неудачном выборе слов. — Я глупая! — взорвалась она. — Как часто говорил мне Мастер: «Ты глупый, глупый ребенок, и никогда не сможешь всего постичь». Поэтому я старалась изо всех сил и училась. Я научилась отвечать «нет» на вопросы! Я научилась подчиняться. Я научилась слушать людей настолько хорошо, что самой противно, — прокричала она.

— Прекрати это, — в темноте приказал Соломон, слыша прерывистые вздохи, что сбивчиво вырывались из нее. — Это не имеет никакого отношения к твоему выполнению работы. Проклятье использовало тебя, как и использовало Мастера, как поработило своей властью королеву. Мне нужно, чтобы ты сосредоточилась и рассказала мне о самом первом твоём плохом вопросе. И, возможно, плохие вопросы помогут нам разобраться, с какого именно момента все пошло не так.

Хаос была так сильно напугана, что ей хотелось закричать или спрятаться. Все, что говорил Соломон, казалось настолько правдивым. Он прикоснулся к ее груди именно в том самом месте. Он знал. Он всегда знал такие вещи. И сейчас она ощущала, как с каждым пройденным мгновением какое-то новое чувство распускалась внутри ее груди. Страх и надежда одновременно. Но он стоял здесь, прямо напротив нее, и он был прав. Он услышал ее зов и пришел за ней. Он откликнулся ей. Ее посланию к нему. Господь прислал его сюда, несмотря на изощренные происки проклятья. Он все еще здесь, и если это так, то Господь также находился здесь. Хаос замерла на месте. Господь был рядом, прямо в том месте, и он пытался помочь ей!

Хаос быстро нашла Соломона в темноте и притянула его в крепкие объятия. «О, Боже, спасибо тебе. Спасибо, что ниспослал мне Соломона». Она, наконец, смогла свободно выдохнуть, сдерживая до этого дыхание, в самом укромном месте, глубоко внутри, в той части себя, шептавшей ей вещи, которые заставили ее замолчать.

Внезапно словно огонь ярко вспыхнул внутри нее. Она вспомнила. Она ощущала то же самое, когда Мастер сказал, что она была избрана для того, чтобы снять проклятье. Когда она утратила этот внутренний дар? В какой момент проклятье смогло отнять его у нее? Она любила свою церковную общину всем сердцем, она любила Господа. Она любила Мастера, бабушку, драгоценные воспоминания о своей матери. Она никогда не хотела ничего большего, чем просто оказать помощь. Помочь свершиться благим деяниям. Остановить страдания. О, Боже, страдания. Муки, через которые прошли все они. Ни один из них не смог избежать проклятья.

Слишком много плохих вопросов переполняло ее разум, их было так много.

Страх медленно начал охватывать тело, ее сознание работало слишком быстро, воспроизводя отрывки прошлого. Она вспоминала осквернение за осквернением, пока ей не стало невыносимо дурно.

Плохие вопросы... в то время они с особой интенсивностью появлялись в ее голове.

— Поговори со мной, Красавица.

Ее глаза были широко распахнуты, глядя в черную, как смоль, мглу, Хаос резко остановилась и развернулась на звук его голоса. Она вдруг почувствовала, словно встретилась лицом к лицу с Господом, и он узрел все ее грехи, все ее самые омерзительные прегрешения. Ее кожа покрылась мурашками, тело напряглось, заставляя ее впиться ногтями в собственные руки и пройти ими по коже.

- Осквернения, — прошептала она, борясь за поток воздуха в окружающем ее ужасе, качая головой. — У меня было... так много вопросов.

— Хорошо, — проговорил он мягко.

Ее охватило дурное предчувствие, и она ощутила, словно насекомые из ее кошмаров покрывают ее кожу. Вопросы были плохими. Они действительно были плохими. Она переминалась с ноги на ногу, пытаясь стряхнуть невидимых жуков.

— Хаос, — прошептал он. — Послушай меня, Красавица.

Девушка уставилась в темноту, скуля и моля о помощи. Господи, пусть кто-нибудь поможет ей разобраться во всем, сделать так, чтобы все прекратилось.

— Вопросы не были плохими. Они были правильными. Ты должна была задать их,

проклятье все опутывало ложью.

Слова, что он произносил, пронзали ее голову, словно рикошетная пуля, но она крепко сомкнула веки, ожидая их удара, чтобы они проникли в нее и сделали то, что должны были. Она знала, близится нечто. Хаос задыхалась в темноте, чувствуя приближение чего-то неотвратимого. Что это могло означать? О, Боже, что это могло быть? Внезапно прошлое с силой нахлынуло на нее и за считанные секунды извергло все грязные подробности в ее сознание, требуя ее просматривать собственные воспоминания, смотреть и размышлять, смотреть и понимать. «Точки, Хаос, точки, соедини их, соедини вместе точки, глупое дитя».

Она не желала вспоминать, но ей пришлось, даже несмотря на то, что она боролась за возможность не делать этого. Невероятный ужас раскрывался перед ней, как иллюстрированные картинки в книге, расплывчатые и кровавые. Части тел, фрагменты младенческих тел; распахнутые глаза, широко раскрытые глаза на бесчисленных лицах, молодых, старых; и муки, муки, искажающие эти лица, красивые и обезображенные; последствия, последствия богохульств, грехи, все были осквернены ими, но не очищены, никто не был очищен от грехов!

Пронзительный полный ужаса крик вырвался из Хаос, заставляя ее яростно содрогаться, заламывая руки в темноте.

— Хаос, — закричал ей Соломон.

Она неуклюже отступила назад, сражаясь за каждый глоток воздуха, и ударилась спиной о стену, неистово тряся головой. Она боролась изо всех, чтобы удержаться, чтобы ухватиться за что-нибудь. Но нечто переполняло ее, и она не могла понять, что это было, она лишь осознала, что нечто приближается, чтобы всецело подчинить ее себе.

— Соломон! — закричала она так громко, как только могла.

— СООООЛОММООООННН ГОРРРДЖЖЖЖЖ!

Он был словно ангел. Ангел, олицетворяющий свет, освещая своим присутствием эту темноту и вырывая ее оттуда. Он спасал ее лишь прикосновением рук, Соломон крепко обхватил ее лицо ладонями. И обрушил на нее поцелуй, целуя ее чертовски сильно, вырывая из тысячи дьявольских рук.

Она вцепилась в него, пребывая в полном отчаянии, чувствуя, как ее разум вырывается из дьявольских лап, устремляясь вверх. Но ее сознание никогда не задерживалось там, никогда. Скоро оно вырвется из ее тела, и искры света разорвут ее пополам и осядут внутри ее души, стремительно пронося ее через всю Вселенную за один вдох.

— Я хочу любить тебя, — захныкала она прямо в его губы, отчаянно желая сделать это сейчас и никогда не останавливаться. — Я хочу тебя. Хочу семью, хочу детей. Я хочу от тебя детей!

Всего лишь вероятность заполучить такой дар заставила ее издать крик радости, за которым последовало паническое чувство страха, что уже слишком поздно для нее. Было слишком поздно исправлять тот бардак, в котором они оказались.

— Неужели проклятье лгало? — ей необходимо было знать наверняка. — Неужели проклятье обмануло меня в том, что мне никогда не будет суждено полюбить? О том, что мне не суждено испытать счастье?

Она с силой выдавливала из себя слова сквозь болезненный ком, стоявший у нее в горле.

— Лгало! — жгучее убеждение заставило надломиться его голос, и ее сердце болезненно сжалось. Она могла лишь задыхаться снова и снова, испытывая радостное облегчение. — Оно лгало тебе, Красавица. Оно породило так много лжи, — он выдохнул,

покрывая ее лицо быстрыми поцелуями, словно мог очистить от всего этого своими губами. — У тебя есть я. У тебя есть моя любовь, и ничто не сможет отнять этого у тебя, — он произнес это так твердо, что она поверила ему. — Нам нужно выбираться отсюда Хаос, ты должна помочь мне вытащить нас отсюда.

Безотлагательность в его голосе и искренность в этих словах подтолкнули ее освободиться из его объятий и броситься на поиски возможности выбраться из комнаты. Ей нужно было предугадать, какой ход Мастера будет следующим.

— Что ты делаешь?

Она замерла на мгновение. Подготовка к ритуалу. Следующим его шагом будет подготовка, он должен был подготовить их должным образом. Охвативший ее страх украл у Хаос дыхание, подтолкнув ее продолжить сумасшедшие поиски вдоль стен этой крошечной комнатки. В какой именно комнате они находились?

— Я знаю эти комнаты, — выдохнула она, чувствуя под ладонями бетонные стены. — Мы находимся под психиатрической больницей, — прошептала она, сохраняя голос тихим, надеясь, что таким образом Мастер не сможет услышать ее мысли. — Есть... скрытые ходы под ней, про которые никто не знает кроме Ордена, но я знаю про них все. И если мы сумеем выбраться отсюда, я смогу нас вывести.

Но четко она понимала одно... не было смысла убеждать Мастера в его заблуждениях, он все равно не станет слушать. Когда Соломон говорил все те вещи про него, открывая правду на то, что Мастер под действием проклятья, она знала, она прекрасно знала, что он был прав во всем. Боже, и это означало, что она не была сумасшедшей на протяжении всех прошедших лет. Она знала, что что-то было не так. Так много раз ее одолевали сомнения, и каждый раз он заставлял ее замолчать, когда она произносила не те слова, пока полностью не поверила, что ее пытается злой дух, и что она была никчемной и нуждалась в строгой дисциплине. Она задрожала в темноте, но подавила рыдание, когда подумала о том, как часто он помогал ей переломить себя.

— Что это? — спросил Соломон.

Она вздрогнула от звука его голоса, понимая, что он обыскивает комнату вместе с ней. Вытянув руку, она подошла к нему.

— Где? — прошептала она.

— Здесь. Я здесь.

Она, наконец, сжала его вытянутую руку и позволила подвести себя к тому, о чем он говорил. Она коснулась того, что на ощупь было похоже на металлическую петлю. Пока она пыталась вспомнить, что это были за комнаты, ее желудок болезненно сжался, а грудь стиснуло от воспоминаний. Стыд начал душить ее, когда она задумалась над вопросом, на который было потрачено так много времени, чтобы подавить его. Уверены ли они, что поступают правильно?

Она не могла позволить себе думать о том, насколько многое из этого могло быть неправильным, или что в этом есть что-то правильное, она просто не могла себе этого позволить. Не сейчас. Или, возможно, она просто хотела остаться и принять то, что заслуживала. Но Соломон не заслужил такой участи.

— Это комната для проведения обряда приготовления, — проговорила она, вспоминая для чего нужны крюки на стене. Чтобы приковывать человека, удерживать в неподвижном положении, пока они подготавливают его.

— Для чего именно? Что они будут делать?

— Все, что будет говорить Мастер. Каждый раз это проходит по-разному. Действия зависят от покаяний. Дверь, давай подойдем к ней.

— Покаяний?

— Да, помнишь? — она ухватила за его руку в темноте, и он повел ее по крошечной камере, которая была площадью не больше десяти на десять метров. — Каждую неделю после исповедей, он знает, какое осквернение будет проведено.

— Как?

— По глубине провинности определяется наказание.

Она вымученно ответила, стараясь не задумываться о том, насколько правильно или неправильно будут звучать ее слова.

— О, Боже, — прошептал Соломон. — Что именно ты ищешь?

Хаос отыскала то, что хотела нащупать, пока ее пальцы двигались по петлям.

— Я помогала устанавливать многие из этих дверей. Я припоминаю, как подумала, что довольно-таки нелепый у них дизайн, но я никогда ничего не высказывала по этому поводу вслух.

— Что ты имеешь в виду?

— Тут стоит металлический стержень, который поддерживает все петли вместе, он похож на штырь, который вставлен посередине.

— О, Господи, ты что шутишь?

— Ты понимаешь, о чем я говорю?

Его руки были на нем, прямо поверх ее рук.

— Нам нужно что-нибудь, чтобы его вытащить, — проговорил тихо он.

А это уже было проблемой.

— Из чего сделан пол?

— Из бетона.

— Давай поищем сколотое место. Возможно, мы сможем отколоть кусок и использовать его.

На протяжении следующих пяти минут они шарили по полу руками, иногда сталкиваясь друг с другом.

— Я пройду до конца комнаты, — проговорил он.

Хаос внимательно прислушивалась к любым звукам, пока они продолжали поиски. Она не хотела думать о том, что грядет, но знала, что это было необходимо.

— Нам нужно обсудить наш план.

— Да, нужно, — тихо ответил он. — Черт. Я отыскал нужное место, — восторженно проговорил он. — Иди сюда.

Она быстро поползла вперед на звук его голоса. Когда она подобралась ближе, он схватил ее за руку.

— Чувствуешь?

Коснувшись пальцами острого края цемента, она резко выдохнула.

— Ты можешь...

— Отодвинься, дай мне попробовать. — Он пытался на протяжении нескольких минут, а она силилась рассмотреть что-нибудь в этой крошечной темноте. — Если бы у нас было что-то, чем можно было бы выбить кусок бетона

— Я продолжу искать, — прошептала она, начиная шарить по полу руками.

— Расскажи мне о "подготовке", пока ты ищешь, мне необходимо узнать, что это

вообще такое.

Ее желудок сильно сжался, когда она провела по полу ногтями в поисках какого-либо осколка. На самом деле он не испытывал большого желания узнать об этом, а она, естественно, не испытывала ни малейшего желания рассказывать ему об этом.

— Я не знаю, что он может сделать в этот раз.

Это было отчасти правдой. Каждый раз он делал разные вещи. Ему нравилось удивлять.

— В таком случае... расскажи мне возможные варианты его действий, Красавица. Мне необходимо знать, что нас ожидает.

Она вздрогнула от того, как он назвал ее.

— Не называй меня так, — прошептала она в полной темноте, слезы обжигали ее глаза.

Приступ тошноты накатывал на нее каждый раз, когда она думала о тех вещах, в которых принимала участие. И Хаос не могла думать о них прямо сейчас, иначе она потеряет связь с реальностью, утратив здравомыслие. А она не могла этого допустить.

— А как ты хочешь, чтобы я называл тебя? — спросил он, как будто понимал на каком-то интуитивном уровне то, что она чувствует.

После нескольких минут размышлений она натолкнулась на еще один тупик в ее жизни, оказалась заключенной в стенах еще одной психиатрической лечебницы. У нее не было другого имени. Она сделала судорожный вдох, когда со всей полнотой осознала, что все предыдущие ее имена были не больше, чем пустым вымыслом. Ее имена были лишь изощренными происками проклятья, как и все остальное, что окружало ее.

— Не думай об этом, — сказал он, давая понять, что не требует от нее ответа на этот вопрос. — Сейчас это не столь важно. Просто давай сосредоточимся на поиске чего-нибудь, что мне поможет вытащить нас отсюда.

Раздавшийся звук привел ее в состояние ступора.

— Хаос, — прошипел он.

— Я слышала это, — ахнула она, двигаясь в спешке по направлению к нему. — Нам придется сражаться.

— Используй все, что у нас есть, — он издал шипение в качестве подтверждения своих слов. — Ты меня слышишь? Пускай в ход зубы, ногти, все!

— Хорошо, — прошептала она, дрожа вместе с ним, когда они забились в угол за дверь.

— Как думаешь, столько их будет?

— Обычно... всех подготавливают здесь. Их четверо. Вместе с Мастером.

— Я хочу, чтобы ты бежала. С первым появившимся шансом я нападаю, а ты убегаешь. Ты меня слышишь? Даже если я не смогу, ты должна бежать и выбраться отсюда. Найди полицию, ФБР, найди дядю Джо. Он поможет тебе! — проскрежетал он.

Боже, он совершенно ничего не понимал, здесь не было никакой полиции. Город намеренно игнорировал происходящее здесь уже долгое время, делая все что угодно, чтобы только уберечь самих себя и свои семьи от губительной силы проклятья. Мастер говорил... она замерла, когда эта мысль достигла ее разума. А что если Мастер говорил не правду? А что если люди не имели истинного представления о происходящем здесь?

— Скажи мне, что ты выполнишь то, что я сказал тебе сделать, — прорычал он, его голос дрожал.

— Я все сделаю, все так и сделаю!

После долгого ожидания в полной темноте, которое напоминало бесконечность, она

вновь услышала звуки. Напрягаясь, чтобы разобрать, что это было, она, наконец, поняла.

— Это церковный зал. Он... он собрал их в церковном зале. Это значит, что он планирует провести публичную подготовку. Он не будет делать этого здесь.

Соломону совершенно не понравился страх в ее голосе, когда она произносила это.

— Что это? Что означает "публичная подготовка"?

— Он собирается проводить ее в церковном зале прямо во время служения!

Служения?

— Как в церкви?

— Да! — издала она шипящий звук, ее горло словно сдавило от страха.

Соломон развернулся к двери и налег всем телом пару раз в то место, где находились петли. После дюжины попыток он постарался понять, удалось ли ему немного ослабить хотя бы одну из них. Нижняя часть заела. И он с силой ударил рукой по верхней.

— О, Боже. Получилось! — прошептал он.

— Пожалуйста, поторопись!

Миллиметр за миллиметром он вытягивал металлический штырь. Когда он смог обхватить его верхнюю часть, то начал яростно расшатывать ее, пока окончательно не вытащил из металлических петель.

— Пожалуйста, быстрее!

Он отчаянно хотел знать, какого хрена эти свихнувшиеся безумцы вытворяли во время подготовки, но в то же самое время он решил, что у него не было ни единого желания знать это. По крайней мере, не в это самое мгновение. Сначала они выберутся отсюда, а поговорить на эту тему смогут и позже. А, может, и никогда.

Соломон использовал металлический стрежень, который вытащил из верхней части, и со всей силы стукнул по нижней, пытаясь ослабить петли, удерживающие дверь. Резкий звук раздался эхом по комнате, словно колокола, звонящие по успошим.

— Тише, — обеспокоенно шикнула она него.

— У меня нет выхода! — раздраженно бросил он в ответ. Продолжая наносить удары и проверять, расшатался ли штырь после каждого третьего удара. После бесконечных попыток, наконец, стержень поддался. — Получилось!

— Да! Да! — прошептала она.

Казалось, прошла вечность, когда он смог извлечь металлический штырь.

— Возьми это, — прошептал он, передавая их ей, подозревая, что они могли стать отличным оружием, если до этого дойдет. Чтобы, например, выбить глаз нападающему.

— Хорошо, — прошептал он, хватаясь за металлический стержень, который располагался в петле, с силой вытягивая его.

— Работает!

Массивная дверь скрипела протяжнее с каждым рывком, словно предупреждая толпу людей наверху, о том, что они хотели сбежать. Наконец, стержень поддался, высвобождаясь из металлических тисков.

Хаос схватила Соломона за руку. Он замер, прислушавшись, замерев на краткий миг, перед тем как налечь всеми силами на дверь, чтобы полностью ее открыть. Если толпа придет за ними, то, что они будут просто стоять, бездействуя, никак не поможет им извлечь ни единого преимущества из знания комнаты. Дверь поддавалась тяжело, и он внезапно осознал, что она была закрыта на засов с той стороны, намертво. Толкая ее, он сумел приоткрыть /достаточный просвет для прохода, через который он смог проскользнуть

наружу и затем помочь выбраться Хаос.

— Я все еще ни хрена не вижу, — прошептал он, держа ее крепко за руку.

— Нам нужно идти направо. Т-там находится место, которое ведет к стволу шахты.

— Ты уверена? — прошипел он, чувствуя, как они движутся вдоль стен тоннеля.

— Да, я уверена.

Его пальцы четко ощущали неровные землястые стены, и его обоняние было согласно с этим предположением. Сырая, старая земля. Боже, он просто не верил в то, что они построили туннели под тем местом, где пытали людей, чтобы очистить от придуманного кем-то проклятья. Он задавался вопросом, что они собирались сделать на самом деле. И, самое главное, зачем?

— Откуда Мастер знает обо мне?

Ему нужно было получить ответы на такое количество вопросов, которое он только сможет задать ей.

— Я не знаю, — проговорила она расстроено из-за того, что не могла дать разгадку на эту тайну. — Я не задавала вопросов.

Ее слова были отягощены страхом и стыдом.

— Хорошо, не волнуйся. Мы обязательно что-нибудь придумаем, — прошептал он едва слышно.

После того как они прошли примерно с милю, он остановился.

— Это что... вода?

Звук ее дыхания говорил о том, словно она пыталась рассмотреть окружающую их обстановку. Пожалуйста, пожалуйста, не дай ей сбиться с пути.

— Мы... О, Господи, тут поворот, нам нужно было свернуть направо. Не думаю, что мы ушли слишком далеко.

— Это что, вода?

— Сточные каналы из подземного туннеля ведут к озеру.

— Он большой? Есть возможность выбраться по нему?

— Я видела некое подобие решетки, но я не знаю, можно ли ее открыть, и насколько она большая, — голос Хаос звучал взволнованно. — Давай вернемся назад, нужно вернуться назад.

Они медленно направились в обратном направлении по туннелю, дорогой, которой пришли сюда. Она шла вдоль стены впереди него, казалось, что все происходящее длилось целую вечность. Каждая клеточка его тела разрывалась агонией от мысли о том, что Мастер уже обнаружил, что они сбежали из камеры и отправился с безумной толпой на их поиски. И так же отчаянно, как он хотел хоть что-то разглядеть в этой крошечной тьме, отсутствие света означало, что никто их не преследовал.

— Здесь! Я нашла его!

Она неспешно повела их в другом направлении.

— Как далеко еще идти? — спросил он еле слышно.

— Эм. Возможно, шагов сто.

Это звучало как хорошее предположение, судя по ее голосу.

— А что теперь мы ищем?

— Мы ищем дверь, которая выведет нас наружу.

— А что если они поджидают нас там?

Она сильнее сжала его руку.

— Значит, мы... побежим по сточному туннелю и попытаемся выбраться через него.

Он ненавидел ощущение сомнения в каждом возможном решении, но ему было необходимо знать все варианты заранее.

— А если мы не сможем выбраться и оттуда?

— Значит, мы войдем внутрь и приложим все усилия, чтобы сбежать.

Ее слова были произнесены дрожащим от отчаяния голосом, пока они медленно продолжали двигаться в темноте.

— Вся территория строения составляет десять тысяч акров в длину. Это огромное здание. Мы можем проскользнуть, оставшись незамеченными. Я знаю каждый квадратный метр этой психиатрической больницы. Она служила мне детской площадкой для игр.

Его кожа покрылась мурашками от этого признания в тот момент, когда он представил ее, блуждающей по коридорам, заполненным множеством сумасшедших, и только самому Господу известно, как так получилось, что церковь обратила это... во что-то еще более ненормальное.

— Как долго эти туннели существовали здесь? — пытаюсь понять через ступни своих босых ног, где они находились сейчас. Пол под его ногами был твердым, и он не был уверен, был ли это цемент или просто грязь. Или и то, и другое.

— Они были тут еще со времен, когда я была ребенком, а может, и раньше.

— А ты уверена, что никто не знает о них?

Сделав пару вдохов, она пробормотала:

— Я уже ни в чем не уверена. Я не знаю, что есть правда, где кроется реальность, что есть что.

Ее признание напомнило ему о том, насколько опасной для нее была эта ситуация в эмоциональном плане. Все, во что она когда-либо верила, исказилось до лжи, должно быть, это довольно-таки сложный поворотный момент, чтобы вот так просто принять его.

— Но что касается тебя, как ты думаешь, эти комнаты были выстроены для обряда приготовления?

— Да. И, в основном, для осквернения.

Осквернение. Он все еще толком не понимал, что именно входило в это понятие. Осквернение за каждый грех. Определенно это подразумевало под собой в каком-то роде наказание. Но вот какое именно? Его разуму было необходимо узнать, как все происходит, и в то же время он не желал этого.

— Расскажи мне об осквернениях, Хаос. Мне необходимо знать.

Ему необходимо быть готовым, в случае чего.

— Почему ты хочешь знать об этом? — прошипела она обеспокоенно.

— Я бы не спрашивал, если бы не считал, что мне это необходимо знать.

Он удержался от того, чтобы назвать ее красавицей, но это далось ему с трудом. У него больше не было вариантов, как называть ее. Ему не нравилось называть ее теми безумными, церемониальными именами. Безмолвие или Хаос.

— Не думаю, что мне стоит рассказывать тебе об этом.

Ее ответ был в большей степени мольбой, обращенной к нему, чтобы он оставил эту затею, но Соломон продолжал настаивать на своем.

— Пожалуйста, просто скажи мне.

Тьма отозвалась эхом на ее всхлип, за которым последовал судорожный вдох.

— Я не могу.

— Осквернение протекает болезненно?

— Обычно, да, — прошептала она разгневанно. — И... и всегда пугающе.

В это было не трудно поверить.

— Насколько пугающе?

— Просто... некоторые вещи пугают.

Соломон был готов сдаться в своем желании узнать важные детали этого ритуала. Судя по уровню беспокойства в ее голосе, это было слишком пугающе, равно как и говорить об этом без ее погружения в психологическое состояние, в которое он не желал погружать ее сейчас.

— Боже мой, — прошептала она, останавливаясь. — Это она. Дверь. Это дверь!

Слава Всевышнему. Он нащупал вместе с ней холодный металл. Их руки нашли ручку одновременно, и они нажали на нее.

— Тут засов, — прошептала она.

Пару мгновений спустя глухой металлический звук раздался от поддавшегося засова, и дверь приоткрылась на миллиметр. Тусклая полоска света осветила узкое пространство. Выглядело так, будто солнце клонилось к закату. Им нужно было поторапливаться, прежде чем день вновь не вернется в свои законные владения.

— Что там? — спросил он едва слышно, когда они приоткрыли дверь чуть больше. — Это укрытие или что-то другое? Куда нам идти, в каком направлении?

— Мы побежим напрямик в сторону леса. Это, возможно... приблизительно футов пятьсот отсюда. Я знаю лес, я могу найти место, где спрятаться. У меня есть свои тайники!

Они выскользнули из-за двери, их ладони были по-прежнему крепко сцеплены вместе, пока они прислушивались и пытались рассмотреть местность настолько далеко, насколько это было возможно, но на самом деле расстояние до леса было не таким уж большим. Узкая тропинка заканчивалась, встречаясь с холмом, который был погружен в густую завесу тумана. Их сознание столкнулось с ужасом ситуации, в которой они оказались, словно с боксерской перчаткой, и ощущение страха повисло в воздухе, продолжая нашептывать им о том, что их неминуемо схватят.

Преодолев ближайший подъем, они поднялись вверх по тропинке. Соломон подозрительным взглядом сверлил плотное покрывало сгустившегося тумана, которое раскинулось перед ним на расстоянии пятидесяти шагов. Он хотел рвануть туда, но его внутреннее чутье нашептывало ему, что они попадут в ловушку. Прежде чем он смог задуматься об этом, она дернула его за руку и побежала прямо туда.

Не желая терять ни секунды, он отпустил ее руку, чтобы они могли двигаться быстрее. С каждый следующим вздохом, секундой, ударом сердца, он ощущал, как холодок покрывает его спину. Там что-то было, что-то поджидает их впереди.

Еще двадцать шагов. Теперь десять. Десять шагов до неизвестного монстра, что поджидал их с другой стороны. Чудовища были повсюду, и его кожа покрылась мурашками от осознания этого. Словно они бежали по кругу от невидимой угрозы, и не было ни единого шанса ускользнуть от опасности. Ни единого.

Туман открылся перед ними и поглотил Хаос, как только она вошла в него, его внезапно охватила паника. Его спину и ноги заполнило легкое покалывание, и он, блять, попал в западню. Земля поднялась и впечаталась в его лицо, нанося удар под дых. Моргая, он старался рассмотреть происходящее, понимая, что находился под покровом тумана, но ему все же удалось сделать это. Он не мог пошевелиться. Тело, ноги были неподвижны. Голова

слишком отяжелела, чтобы поднять ее.

— Соломон!

Он силился открыть глаза, пока его сердце трепетало, словно перепуганные птицы в клетке.

— Соломон! Соломон!

Хаос выкрикивала его имя, находясь где-то на расстоянии от него.

Господи, нет. Он изо всех сил старался открыть глаза снова, чтобы осмыслить то, что произошло. Господи, нет, пожалуйста.

Мир завертелся, когда его подняли.

— Оставьте его в покое! — со всей мочи кричала Хаос. — Оставьте его! Оставьте его!

Она все еще была на некотором расстоянии от него. «Пожалуйста, позволь ей сбежать. Пожалуйста, позволь ей быть в безопасности». «Беги, — силился проговорить он. — Беги, Хаос».

Ему удалось открыть глаза. Мир перевернулся с ног на голову, раскачиваясь перед ним. Его взгляд был прикован к Хаос. Ужас сжал в холодных тисках его горло, он не мог сделать ни единого вдоха. Нет. Нет, нет, нет. Темные фигуры уводили ее. Тащили дергающееся тело за собой. «Борись с ними! Борись с ними! — безмолвно кричал он в своем разуме. — Не... позволяй... им... забрать...».

Соломона пробудила боль. Но также и крики Хаос, переполнявшие его ужасом. И иглы. Тысячи острых уколов ледяных иголок, заключающих его в ловушку болезненного холода. Резкая боль ударила ему в лицо, и он мотнул головой вправо, сражаясь изо всех сил за глоток воздуха, который не был бы наполнен острыми ледяными иглами.

— Нет, нет, нет! — рыдала Хаос.

— Заткните ее, — раздался низкий грудной голос.

Иголки продолжали ранить его, вне зависимости от того в какую сторону он двигался, или куда пытался сбежать, словно он находился в каком-то далеком и наглухо запертом месте. Продолжая оставаться там так долго, к нему пришла уверенность, что он попал в другое временное измерение, возможно, даже в другой мир, где неумолимые уколы ледяных пик не смогли бы причинить вред его обнаженному телу.

Паника, страх и истощение циркулировали и боролись в его разуме и теле, пока он окончательно не потерял связь с реальностью. Возможно, прошли часы или даже дни, он не знал. Он даже не знал, как долго находился в бессознательном состоянии, не способный чувствовать. Он был даже рад тому, что *потерял эту способность*. Соломон не знал, где находился, кем был, он просто ощущал счастье от того, что боль прекратилась. Он понимал только то, что это было некое место, скрытое в его разуме, и он задавался вопросом, было ли это то же самое место, где пребывала в тот раз Хаос. В этом месте было спокойно и тепло. Там была красивая Хаос, дарившая ему свою улыбку, пока они смеялись и строили планы на будущее.

* * *

«Ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш».

Соломон изо всех сил старался ухватиться за звук. Кто-то, находившийся рядом с ним, притронулся к нему. Он дернулся и подался в сторону источника звука. «Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш».

— Я с тобой, я с тобой.

Он повернул голову в сторону теплых слов, и дыхание стало горячее, громче.

— Соломон?

Ему был знаком этот голос.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Вернись ко мне. Пожалуйста, пусть с тобой все будет в порядке.

Шантиль? Нет.

Он изо всех сил пытался открыть глаза и, наконец, ощутил их моргание. Но вокруг была только тьма. Он попытался протянуть руку и коснуться человека, что находился рядом с ним, но его тело не двигалось.

— Мастер сказал, что ты будешь в порядке, — проговорила она тихим голосом.

Мастер.

От самого звучания этого слова по всему его телу пронеслось чувство паники, но все, на что было оно способно, так это лишь охватившая его дрожь и непрекращающиеся попытки

заставить себя двигаться, бежать и скрыться.

— Хорошо, ты в порядке, с тобой все хорошо, ш-ш-ш, ш-ш-ш.

В этот момент Соломон все вспомнил. Место, в котором он находился, побег, то, как их поймали.

— Х-х-х...

— Не говори, ничего не говори, ш-ш-ш.

Нестерпимая боль ощущалась во всем теле Соломона. Вскоре его охватили неконтролируемые судороги, и Хаос постаралась притянуть его ближе к себе. Где они находились? Все ли хорошо с Хаос? Ему было так холодно.

Наконец, он попытался поднять руку и прикоснуться к ее лицу. Она наклонилась ближе к нему и, прикоснувшись к его губам, целовала его снова и снова. Он ощущал привкус слез на ее губах. Ее теплое дыхание было словно надежда и свет, что озаряли тьму.

— Х-х-х... Хаос.

Наконец, ее имя с хрипом вырвалось из его горла.

— Я здесь, — она заплакала, укачивая его. — Прости меня, я разбудила тебя, — проговорила она. — Мне не стоило делать этого, мне так жаль, так жаль.

Соломону, наконец, удалось схватить Хаос за руку и поднести ее к своей груди, прижимая к сердцу. Он отчаянно нуждался в чем-то хорошем, в ощущении того, что могло подарить ему надежду и желание бороться. Бороться с ужасом, что накрепко сковал его разум и тело.

— П-поцелуй меня, — вырвалось у него, и дрожь снова возобладала над его телом. Соломон алчно накинудся на ее губы в ту же секунду, как почувствовал их прикосновение к себе. — Не останавливайся, — задыхался он, проскальзывая пальцами в ее волосы, удерживая, хватаясь за нее, словно она была его жизнью.

* * *

Соломон очнулся от глухого металлического звука.

— Очнись! — прошептала Хаос.

Ужас в ее словах заставил его резко приподняться. Он огляделся по сторонам, всматриваясь в кромешную тьму, в то время как дрожащая Хаос помогала ему подняться на ноги.

За ними пришли.

Дверь открылась еще до того момента, как он успел подумать о том, как действовать, и яркий режущий свет ударил ему в глаза.

В комнате появилось больше теней, и страх удвоился, превращая его в дикаря. Он размахивал кулаками, хватая и оттягивая их одежду, пинаясь и царапаясь, стараясь вонзить зубы во все, во что можно было их вонзить.

— Беги! Беги, Хаос!

Хаос кричала изо всех сил, тяжелые вздохи становились все ближе к нему. Их обладатель стремился накинуть ему на голову неприятно пахнущий, грубый материал. Соломон крутил головой в разные стороны, пытаясь изо всех сил избежать этого.

— Да схватите его уже наконец! — раздался рык похитителя.

Соломон взревел, когда оба его запястья были грубо заведены ему за спину, а мешок плотно зафиксирован вокруг головы. Его лицо ударилось о пол, и это спровоцировало выплеск адреналина в его крови, когда он закричал через плотный материал, извиваясь и издавая болезненные стоны от сильного давления, которое ощущал между лопатками. Блять! Он не мог дышать.

— Веди себя тихо! — грубый голос практически молил его успокоиться.

Дыхание Соломона вырывалось из его груди толчками, кроясь в ярости и испуганных криках. На протяжении всего времени Хаос продолжала умолять. Умолять, кричать и всхлипывать о его пощаде.

В ответ на ее мольбы они приподняли его тело и поволокли. Он боролся за то, чтобы подняться на ноги, но его мышцы были еще слишком слабы от пыток водой, которым его подвергли день назад.

— Беги, Хаос, беги!

Он задыхался, бессвязно бормоча слова, ощущая, как его горло нестерпимо горело.

— Я не оставлю тебя! — вопила она. — Я буду рядом, я не брошу тебя, я никогда не оставлю тебя! — она плакала навзрыд.

Сердце Соломона забарабанило сильнее, когда он вспомнил слова Мастера, когда их поймали в первый раз.

— Шесть дней подготовки. Затем свершится Осквернение всех осквернений.

Шесть дней. Его разум охватило смятение, когда он попытался вспомнить, как долго они находились здесь.

Ответ на этот вопрос возродил страх, неспешно душивший его.

Второй день. Это был лишь второй день.

Соломон прекратил сопротивляться, его голова безвольно повисла, когда шум присутствующей толпы прихожан слился для него в единую какофонию звуков наравне с болью и возрастающим замешательством.

И Хаос. Хаос плакала. Надрывно кричала. Казалось, это продолжалось целую вечность.

Они пели. Наводящее ужас заунывное гудение, монотонная мелодия, взывавшая к смерти. Он мог видеть только тени сквозь шероховатый материал, закрывающий его лицо. Перед его глазами все вспыхивало яркими пятнами, затем темными, блекло, затем вновь становилось резким.

Пребывание обнаженным на публике до предела увечило состояние ужаса. Добавило порочности и еще больше безумства происходящему. Они заставили его сесть. Он начал пинаться и бороться, когда почувствовал, что его крепко связывают. В считанные секунды он был связан по рукам и ногам, а затем на его грудь была брошена веревка, обвивающая стул, его горло разрывалось от криков ужаса и сопротивления.

Внезапно Соломон осознал, что пение прекратилось, и единственное, что нарушало тишину, это были лишь крики Хаос и его собственные, которые разносились эхом в зловещем молчании. Он тяжело дышал и прислушивался, пытался понять, что последует дальше. Он явственно различал огромное количество людей. Сейчас они были спокойны и молчаливы. Наблюдали.

— Возлюбленные дети мои! — прогремел голос Мастера в полной тишине. — Этот день, наконец, настал, тот, кого мы так жаждали увидеть, наконец, здесь!

Дыхание Соломона участилось от внезапно раздавшихся аплодисментов и гулкого грохота, словно собравшиеся громко затопали ногами по деревянному полу.

— Шесть дней приготовлений. А на седьмой?

— Осквернение! — прокричала толпа одно слово, все сильнее ударяя ногами по полу, пока это не начало напоминать бегство одержимого паникой стада рогатого скота.

Хаос издала пронзительный вопль, который затих на жалобной и сломленной ноте.

— Хаос! — неистово прокричал он ей. — Я тебя люблю! Я люблю тебя, ты слышишь меня?!

Она снова закричала и завывала, а толпа вознаградила ее крики еще большим количеством одобрительных возгласов, заставляя Соломона ощущать подступающую тошноту.

— Королева хотела бы быть здесь вместе с нами, но, к большому сожалению, она не очень хорошо себя чувствует, — громко начал психопат. — Удержание тяжести проклятья на плечах нанесло огромный урон ее здоровью. Совсем скоро она обретет безмятежный покой, как и наш любимый Соломон Гордж... — выкрикнул он, — который возьмет всеобъемлющую мощь проклятья на себя. Освобождая нас! — разразился он криком. — Тех, кто испытывал страдания во тьме... ради этого благословенного света.

Соломон попытался ослабить веревки, крепко удерживающие его, но они так крепко связали его, что это было практически невозможно.

— Чтобы излечиться и исцелиться, — протянул мужчина одержимым голосом, — чтобы исцелиться от семени грехопадения.

Паника сделала его дыхание прерывистым от упоминания об излечении и исцелении.

— Давайте начнем! — прогремел он.

Соломон приготовился к боли. Он почувствовал, как его стул начал разворачиваться по кругу. Медленно. Он старался изо всех сил увидеть, что происходит, когда начал ощущать, что вращение по встроенному кругу увеличивается, набирая скорость. Он схватился за ручки стула, когда начал двигаться быстрее и быстрее. Господи Иисусе, какого хрена происходит? Что они задумали? Запустить его в стену?

После нескольких минут непрерывного вращения он ощутил растерянность и дезориентацию. И подступающую тошноту. О, Боже. Он стиснул зубы, изо всех сил стараясь вернуть контроль над собой. Желание опустошить желудок становилось все сильнее. Боже, пусть они остановятся. О, Господи. Только не блевать, не блевать.

Но вращательные движения не прекращались. Вращение было настолько быстрым, что его вжало в стул, а голову с силой отбросило вправо, пока он старался сдержать рвотные позывы.

Он проиграл эту битву. Его внутренности подбрасывало все выше и выше, пока его тело бесконечно крутило по кругу. Пение вновь возобновилось, наполненное радостью и триумфом победы, а он задавался вопросом, мог ли он умереть таким образом. Затем голоса стали напевать все громче и громче, заглушая надрывный плач Хаос. Надрывный и печальный. Победенный.

Он потерял счет времени и не был точно уверен, сколько продолжалась эта попытка вращением, прежде чем осознал, что его перемещают. Его глаза продолжали оставаться в закатанном состоянии, все кружилось, он ощущал сильное головокружение и чувствовал, как его ноги волочились по полу. Его захихнули куда-то, и он услышал металлический лязг. Когда он лежал там, Соломон изо всех сил старался дышать через материал, пропитанный рвотными массами, липший к его голове. Он понимал, что пение становилось более громким и мощным. О, Боже. Это еще не закончилось.

Его желудок вновь ощутил тяжесть, и он издал рвотный звук несколько раз, издавая рык,

стараясь остановить рефлекс.

Его тело двигалось, следуя лишь инстинктам, чтобы сбежать, и он встал на четвереньки. Продвинувшись немного ползком, он обнаружил неровную поверхность под собой. На ощупь он пытался прочувствовать, что его окружало, его руки дотронулись до стен, которые напоминали стены пещеры. Пение звучало ужасающе сумасшедшим, когда под ним закрипел пол. Он потерял равновесие, опуская ладони на наклонную стенку перед ним. Соломон старался держаться, но она словно начала сдвигаться вперед, вынуждая его убрать руки от опоры. Он понял, что пол под ним пришел в движение, и сделал шаг, чтобы удержаться от падения.

Наконец, он почувствовал центробежную силу, когда пространство вокруг него начало крутиться все сильнее и сильнее. Он споткнулся, стараясь удержаться на ногах, когда поверхность под ним, напоминающая колесо, начала вращаться. Они, что, собирались раскрутить это приспособление настолько сильно, чтобы он не выдержал?

Он не понимал зачем. Зачем они делали это? Что это значило? Его разуму, казалось, было необходимо логически объяснить эти странные действия, но он не мог найти ни единого объяснения этому. Это напоминало какую-то шутку. Или дерьмовый детский аттракцион на дешевой ярмарке, который ты хочешь покинуть, как можно скорее, потому что он нелепый и не очень быстрый. Однако это приспособление, в которое он был заключен, вращалось с достаточной скоростью, чтобы вызывать раздражение и продолжать предпринимать попытки удержать собственное тело от падения.

Странная пытка, казалось, продолжалась часами. Он был истощен, и его мучило головокружение, пока он, спотыкаясь и падая, старался подняться, прежде чем окончательно утратил бы опору. Но пытка вращением отказывалась прекращаться, и он, наконец, рухнул вниз и больше не нашел в себе сил подняться. Его подбрасывало вновь и вновь, а голова ударялась о стенки клетки, словно он был тряпичной куклой, которая вращалась в ловушке для того, чтобы потешить Мастера. Наряду с пением и рыданиями Хаос, что раздавались в его голове, смешиваясь со всем остальным.

Наконец, на него снизошло ощущение покоя, он погрузился во тьму. Соломон надеялся, что это была смерть. Или кома. Или лоботомия, да что угодно, чему он так отчаянно сопротивлялся.

Соломон пришел в себя от того же монотонного протяжного звука. «Ш-ш-ш. Ш-ш-ш. Ш-ш-ш». За которым следовало мягкое прикосновение к его лицу. И ощущение тепла.

Хаос. Вновь удерживала его в своих руках. Осыпая его холодное лицо бесконечными теплыми поцелуями. Это было пределом того, что он когда-либо хотел, все, чего он желал. Раствориться в ней. В этом ощущении. Соломон осознал, что лежал рядом с ней в крошечной тьме. Неважно, что это была тьма. Он обернул свои руки и ноги вокруг нее, холодный пол неумолимо царапал его нагое тело. Они жались друг к другу. Он не хотел думать о том, что должно последовать за этим. Как это произойдет. Или по какой причине.

— Я боюсь, — горько выдохнула она ему в грудь. — Никогда в жизни я еще не была так напугана, Соломон. Я так боюсь. Так боюсь.

Господь. Господь поможет им. Он не произнес ни единого слова утешения, лишь крепче сжал ее в своих объятиях. Он не мог выдать из себя ни единого. Соломон ощущал только страх и ужас от того, что она готова была расплакаться прямо сейчас. Она была на грани ужаса.

— Мы должны попытаться сбежать.

Он не знал, откуда именно изнутри пришли эти слова. Но они были сказаны с силой хрупкого желания к сопротивлению.

— Как? — прошептала она в полнейшем отчаянии.

Да, именно в этом и была загвоздка, разве не так?

— Я не знаю, нам просто необходимо сделать это. — Он прекрасно понимал, что они не смогли вырваться отсюда. Но он лучше предпочтет умереть в попытке сбежать, чем столкнется с реальностью лоботомии, которую хотят провести эти животные. — Когда они придут за нами, нам нужно быть наготове. Нам нужно бороться.

Она издала горький всхлип и кивнула.

— Хорошо. Я постараюсь сделать все возможное. Я сделаю все, что смогу. Мне так жаль. Мне так жааааллль.

Теперь пришла его очередь издавать успокаивающие звуки и укачивать ее, пока они лежали на полу, цепляясь друг за друга, борясь каждую пару секунд за то, чтобы быть ближе друг к другу, чем они уже есть.

Соломон не был уверен, когда именно он уснул, но он очнулся ото сна, услышав металлический скрежет. И, прежде чем он смог отреагировать, то осознал, что дверь отрылась и тут же закрылась.

— Что происходит? — прошептал Соломон.

— Еда, — ответила Хаос

При упоминании этого слова он понял, как сильно голоден. Они оба поползли на запах пищи и добрались до нее за пару мгновений. Словно полубезумные животные, они загребали пальцами холодную кашу в большой миске, засовывая руками ее в рот. Его уши заполнили звуки их заходящегося дыхания, стонов и громкого чавканья, когда они боролись за то, чтобы разделить каждую крупинку каши.

— Вот, ты доедай это, — внезапно проговорила она. — Я больше не могу проглотить ни кусочка.

— Ты должна есть, несмотря ни на что, тебе нужны силы.

— Ты в ней нуждаешься больше, — запротестовала она, сдерживая всхлип в горле.

— Тогда давай вместе, — грубо настоял он. — Мы съедем все вместе.

Она подчинилась, издавая еле слышные всхлипы, и когда они закончили, он привалился спиной к стене, ощущая, как его сердце сжимается от боли. Из-за того, что их принудили, заставили делать то, что ощущалось, словно самая унижительная пытка. Хаос подползла к нему, прижимаясь так тесно, как только могла. Он крепко обнял ее в ответ.

— Как ты думаешь, что они задумали? — он больше не мог находиться в неведении, незнание было самым страшным из всего происходящего.

— Шесть дней на подготовку, — прошептала она. — Он дал тебе немного времени, чтобы прийти в себя.

Его внутренности скрутило от этой новости.

— Как по-христиански с его стороны, — он старался пошутить, но его голос надломился от страха. — У тебя есть какие-то идеи по поводу того, что он запланировал сделать?

— Нет, — проговорила она поспешно. — Ему нравится разнообразие. Я никогда прежде не видела того колеса, на котором тебя...

— Ш-ш-ш, — зашептал он успокаивающе, когда она задохнулась в конце фразы. — Все было не так ужасно, как могла выглядеть, правда, я немного устал.

Правда была в том, что это было самой странной разновидностью пытки, которую бы он никогда не смог представить, даже если бы попытался сделать это.

— Поэтому я не знаю, что он будет делать дальше. Каждый раз, когда он делал это со мной, то никогда не повторялся.

Его сердце отчаянно сжалось в груди, и он притянул ее к себе сильнее.

— Мне жаль, — напрягся он, целуя ее макушку с закрытыми глазами. — Мне так жаль.

— Это мне должно быть жаль, — рыдала она горько, уткнувшись ему в грудь. — Я такая идиотка! — прокричала она, прежде чем разразиться горьким, безутешным рыданием.

Соломон позволил ей выплакаться. Ей было необходимо излить всю свою горечь, страх и боль, он не мог представить, как сильно она страдала и что ощущала. Чувство вины с легкостью могло сокрушить ее разум.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, — прошептал он, укачивая ее так же, как и она его до этого. — Я с тобой, — утешал он. — Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Его слова словно вытягивали на поверхность еще больше ее страданий, заставляя чувствовать себя еще более бессильным с каждой следующей секундой.

— Эй, послушай, — проговорил он, немного встряхивая ее. — Тише, послушай меня. Послушай меня. — Она боролась изо всех сил, чтобы взять свои эмоции под контроль, но ее вдохи продолжали вырываться громкими всхлипами, когда Соломон ласково погладил ее лицо в темноте.

— Нам нужно придумать план, — сказал он. — Давай обсудим наш план. Давай поговорим о вещах, которые мы хотим сделать после того, как сбежим, хорошо? Как, например... о свадьбе? Тебе нравится эта идея? Тебе хотелось бы устроить свадьбу в огромной церкви? Или, может, на пляже? Или на самой высокой горной вершине? Держу пари, тебе бы это понравилось, не так ли? Расскажи мне, как будет выглядеть твое платье, Красавица. Поговори со мной. Сколько детей ты хочешь? Пять? А может, десять?

Хаос всхлипнула и обхватила его лицо ладонями, целуя его.

— Мы должны сбежать, — проговорила она, задыхаясь ему в рот.

— Да, — ответил он, целуя ее в ответ. — Именно так, Красавица. Мы сбежим, ты и я. И мы убежим для того, чтобы у нас была замечательная совместная жизнь, ты меня слышишь? — его голос прохрипел от напряженных слов, и она часто закивала, прежде чем начала спускаться поцелуями по его груди. Осознав, что она собирается сделать, он быстро потянул ее вверх.

— Только после того как я помоюсь, Красавица.

— Мне плевать, — прошептала она, обезумев, стараясь добраться до его паха.

— Пожалуйста, Хаос, нет. — Он был покрыт засохшими рвотными массами и прочими постыдными телесными выделениями. — Поцелуй меня, просто поцелуй меня, — пробормотал он, притягивая ее к своему рту.

Этого было недостаточно, но это было все, что они имели сейчас. И они поглощали друг друга в неистовом поцелуе, словно до конца их жизней оставались считанные минуты. Соломон увлек ее вместе с собой на пол, заключая в своих объятиях так сильно, как только мог. Его мышцы дрожали от усталости, и, прежде чем осознал это, он сделал то, что поклялся ни за что не делать.

Он провалился в сон.

Дверь распахнулась настолько внезапно, что у него не было возможности подумать. Но его тело, по-видимому, запомнило его план сбежать, и в то же мгновение, как только свет прорезал тьму камеры, он устремился вперед, нанося удар по лодыжкам одного из вошедших. Его затопило ощущением надежды, когда они, недовольно заворчав, свалились на пол. Хаос закричала истошным криком женщины, которая бросается в нападение.

Он кричал сам себе: "Держи их!"

Соломон сражался с мужчиной, чтобы обезвредить его, удерживая, крепко цепляясь за него пальцами, смутно соображая, что еще больше голосов наполняет комнату.

— Он сопротивляется! — мужчина, находившийся под Соломоном, ахнул, когда палец Соломона погрузился в уголок его глазницы. Он мучительно взревел, и боль взорвалась в задней части головы Соломона, будто от удара в гонг в его ушах. В глазах потемнело.

* * *

Соломон быстро заморгал, воспроизводя произошедшее, словно раздробленные кусочки изображения. Он находился в лежащем положении. В церковном зале. Его голова была склонена набок, и он предпринял попытку пошевелиться. Связан. Он ощутил узлы веревок на щиколотках, коленях... запястьях и плечах. Мастер пребывал в разгаре проповеди, прихожане бушевали и рукоплескали ему, а также все сильнее топали ногами, пока этот звук не начал вибрировать у него в груди. «Аминь» и «Аллилуйя». «Восхваляем, Господи, тебя».

Никогда на протяжении всей его жизни божественные слова не вызывали в нем столько ужаса. Он начал бороться и сопротивляться. Что должно произойти? Где Хаос? Он силился рассмотреть, что находилось позади него. Но не мог видеть ее. Он не мог слышать ее. Что они сделали с ней? Что если они причинили ей боль?

— Хаооооо! — взревел он.

Ее крик разрезал воздух, протяжный и надломленный. Это сокрушило его. О, Господи, это окончательно его добило. Он ответил ей пронзительным ревом, наполненным гневом.

Затем еще одним и еще одним, стараясь изо всех сил быть как можно громче, чем все остальные звуки, наполнявшие помещение.

Внезапно ему в рот затолкали грязную тряпку, за которой последовала широкая полоска скотча. Все, что он слышал, были лишь крики и рыдания Хаос. Они не старались заткнуть ее. Казалось, будто им нравилось это, словно они этого желали. И внезапно он пожелал всем существом, чтобы она не давала им того, чего они так жаждали. Ни единого звука. Ни единого гребаного звука.

Мужчина, который являлся по его предположению Мастером, навис над ним, облаченный в какое-то просторное одеяние, в капюшоне, покрывающем его голову и скрывающем лицо, тем самым напоминая ему гнилую репу. Почему он прятал себя? Зачем он вообще делал это?

— И Господь не пощадил даже своего единственного сына, посему его кровный сын будет наказан за грехи человечества. Он также подверг его пыткам и наказанию, возлагая на него все нечестивые прегрешения зла. Прямо на его тело.

Соломон изо всех сил старался рассмотреть, что тот делает в изножье стола. Он держал в руках деревянную чашку и неспешно склонил ее. Острая боль пронзила Соломона, и он закричал что есть мочи, чувствуя, как жидкость льется по его ногам. Он кричал и дергался в удерживающих его веревках, пока это чудовище продолжало свою проповедь, опустошая ужасное содержимое на обе его ноги.

Его тело сотрясалось от неистовой боли, а голову наполняли ужасающие крики Хаос. Он удерживался в сознании за этот звук, заставляя себя цепляться за него. «Не прекращай кричать, не отпускай меня, не отпускай меня».

Глаза Соломона закатились от агонии, и, казалось, что они уже не вернуться в прежнее положение, следом Мастер стал поливать раскаленным огнем его живот, заставляя внутренности плавиться внутри него. Затем пытка перешла на его грудь, это действие заставило его затаить дыхание, и он задыхался от зловонного запаха, что исходил от тряпки, которой был заткнут его рот.

— Хватит, — проговорил Мастер, вытаскивая кусок грязной тряпки. — Не могу позволить тебе задохнуться во время подготовки.

Соломон кричал изо всех сил, пока у него больше не осталось дыхания.

— А теперь порка розгами, сын мой.

Внезапно Соломона освободили и рывком сдернули со стола. Его шумное дыхание отчасти напоминало рев, пока он крутил головой по сторонам. Они прижали его к чему-то плоскому, и необычная форма этого предмета и угол наклона заставили его принять полусогнутое положение. Только верхняя часть его груди была крепко закреплена к твердой поверхности.

— Поскольку наш Господь претерпел святое сечение розгами, поэтому нашему сыну тоже следует принять участие в этом Божественном величии.

Неистовая боль пронзила ягодицы и спину Соломона, забирая все силы из его ног, но то, каким образом он был привязан, заставляло его болтаться в воздухе без опоры, мышцы его рук и ног дрожали, пока Мастер продолжал свою безумную проповедь. Каждое последующее торжественное слово сопровождалось резким болезненным ударом по его спине, начиная с плеч и до самых щиколоток.

Лицо Соломона прижалось к жесткой поверхности, и его взгляд упал на Хаос, которую подтащили ближе, заставляя наблюдать за происходящим. Это были страдания, которым ее

подвергли в наказание, он понимал это. Наблюдать за тем, как того, кого она так любит, подвергают пыткам и причиняют боль. Она рыдала и кричала, но он не слышал ее. Все, что он мог различить своим слухом, были лишь сильные удары его бешено колотящегося сердца, что отдавались в его ушах, в то время как яростные удары разрывали его плоть.

Неистово содрогаясь, он стиснул зубы и не сводил взгляд с ее лица — с ее глаз. Он отметил, что где-то в глубине его разум пребывал в состоянии отрицания мучений, и единственное, что ему оставалось, это искать спасение в молитвах. Он молился. Не о смерти на это раз, он молился о том, чтобы остаться в живых. Он неистово желал жить. Жить и заставить их всех заплатить за то, что они делали с ними.

Глава 6

Соломон уже не помнил того времени, когда его оставляли не связанным, или же когда его не держали в темной камере. Он проснулся от холода и боли. Но хуже всего было то, что он был растерян и не мог найти Хаос.

— Хаос, — прохрипел он, ползая на четвереньках во тьме, страх и чувство паники заставили его задержать дыхание. — Хаос, пожалуйста, — он задышался, зовя ее. — Ответь мне. Ответь мне.

Он обыскал всю камеру, но та была пуста. Добравшись до двери, он прижался ртом к узкой щели в проеме и начал звать ее по имени, пока его голос не сорвался на крик, повторяя его снова и снова.

Только не в одиночку. Он не сможет справиться с этим один. Только не в одиночку. Пожалуйста, Господи, только не в одиночку, только не в одиночку. Он рухнул на пол, охваченный болью, и сжался в позу эмбриона, пытаясь скрыться от пыток, которым подвергалось его тело. Это никогда не закончится. А будет становиться лишь хуже и хуже с каждой следующей секундой.

Где же Хаос? Почему они забрали ее от него? Почему они увели ее прочь от него? Какой это был день? Сколько дней уже прошло? Он содрогался всем телом, пока старался вспомнить это, в то же время желая ничего не помнить.

Он провалился в спасительный сон, и на этот раз, когда дверь приоткрылась, Соломон не сдвинулся с места. Он мог только лежать на холодном полу своей темницы, сотрясаясь от дрожи и охваченный болью, молясь, чтобы Хаос пришла к нему.

Всхлип достиг его слуха, словно ураган надежды, а за этим последовало прикосновение холодных пальцев, которое заставило его дернуться от неистовой боли.

— Оставьте свет! — пронзительно прокричала она. — Мне, черт побери, нужно видеть, что я делаю!

Ее последние слова были наполнены пронзительной яростью, и Соломон постарался открыть глаза, нуждаясь в том, чтобы увидеть ее. Она начала успокаивать его, когда дверь была заперта.

— Я здесь, я здесь, — пока он старался распахнуть ей свои руки навстречу. Они неконтролируемо дрожали, но он тянулся к ней.

— О, Боже, — едва произнесла она, хватая его за протянутые руки. — Хорошо, все хорошо, я с тобой, — проговорила она более твердо. — Я принесла кое-что, что поможет справиться с болью, — ее голос был пропитан горечью и вновь надломлен. — Я собираюсь немного подлечить тебя, хорошо?

— Хаос, — задохнулся он, когда ее губы начали осыпать его лицо нежными поцелуями. — Хаос. — Он старался изо всех сил вспомнить слова, чтобы сказать ей о том, что переполняло его. — Хаос, — но ее имя было единственным, что он мог вспомнить.

— Я здесь, малыш, я здесь. Я сделаю так, чтобы тебе стало немного лучше, ш-ш-ш.

Она вложила в его рот пару таблеток, и он проглотил их, не задумываясь, уповая на обещанное ею избавление от боли. Спустя некоторое время она нанесла на его тело какую-то мазь. С каждым новым вдохом, которые давались ему с трудом, и с каждым бережным прикосновением, когда она обрабатывала его раны, боль становилась чуточку слабее.

Он старался не думать о том, почему они исцеляли его. Потому что причина приводила

его в неопиcуемый ужас. Они не хотели, чтобы он умер. Они хотели подвести его к самому краю смерти и вытащить обратно. Сейчас его вытаскивали, и это значило, что вскоре его вновь подведут к краю.

Он должен был крепко держаться за жизнь. Ему необходимо держаться, чтобы быть готовым. Будет определенное мгновение, наступит тот самый момент, и он должен быть готов. Готов принять все это и спасти их. Он должен верить в их спасение.

* * *

Соломон вновь проснулся, и его мгновенно настигло чувство паники. Его выводили из камеры. Спина была прижата к холодной и жесткой поверхности. Ноги связаны и широко разведены. Руки закреплены в таком же положении. И Хаос. Она вновь кричала.

— Нет, нет, нет, — закричала она пронзительно и отчаянно. — Пожалуйста, Мастер, только не это, пожалуйста.

— Дитя, он должен быть подготовлен, — проговорил глубокий голос почти с нежным состраданием. — Тебе это известно. Как же быстро ты покинула нас и забыла все, чему тебя обучали. Все именно так, как и предсказывала королева, — последние его слова были пронизаны глубокой печалью.

— Послушайте, послушайте меня, Мастер, пожалуйста, — пронзительно прокричала Хаос.

Острая боль пронзила внутреннюю сторону бедер Соломона, почти около яиц, и он закричал, пока его тело сотрясалось в конвульсиях. Он боролся с удерживающими его ограничителями на запястьях и щиколотках. Соломон огляделся вокруг, его сердце тяжело забилося в груди, когда он увидел на вид старинное оборудование, которое обычно использовалось для казни на электрическом стуле. Блять, блять, блять. Он зарычал и стиснул зубы, напрягая мышцы в ожидании боли.

— Проклятье лжет! — кричала она. — Проклятье все лжет. Не делайте этого! Проклятье ввело в заблуждение нас, оно лжет нам! Вам не нужно делать этого, остановитесь!

— Начнем с самого низкого уровня напряжения. С двухсот. Постепенно увеличивая до четырехсот.

Боль обрушилась на него обжигающей и мощной волной, сотрясая его словно тряпичную куклу. Он боролся с жестокими ударами электричества, что пронзали его кости, пока стук его собственных зубов не начал отдаваться у него в голове, а кровь не превратилась по ощущениям в раскаленную лаву. Он старался держаться ради всего, что у него было, и прошло не так много времени, прежде чем осталось лишь одно ощущение боли, бесконечной агонии, плавящей его тело и разум.

Он не знал, когда все закончилось. Он просто отстранился от ее криков. Больше не было никакой боли. Он онемел, ничего не чувствуя. Он умер?

— Королева обманула вас! Она лгунья!

— Я сказал тебе заткнуть ее! — проревел Мастер.

Кто-то издавал стонущие звуки в отдалении. Они ощущались отчасти мертвыми и вымученными. Боже. Это был он.

Хаос вновь закричала. И его затопила паника. Но он не мог пошевелиться. Он даже не

был способен поднять голову, чтобы посмотреть, что его ожидает дальше.

Его вновь пронзило обжигающей болью. На этот раз он ни за что не держался. Он стремился скрыться, отыскать место, любое место. Любое место кроме этого, где его кости дробились на части, а кровь пылала в огне, и его желание жить и заставить их заплатить за все трансформировалось в отчаянное желание умереть.

* * *

Время. Соломон потерял счет времени. Нечто в его разуме нашептывало, что ему необходимо вновь ухватиться за него. Понять, сколько сейчас времени. Нет, не правильно. Ему необходимо было знать... что-то.

Но что?

Он напрягся, стараясь вспомнить, как заставить голову работать. Он словно застрял где-то, зависнув посреди пустоты, и ему необходимо было вырваться из того состояния, в котором он сейчас пребывал. Пока не стало слишком поздно. Прежде чем он навсегда погрузится в мир мертвых, в свежую могилу.

Хаос.

Ее имя ударило в него с силой, словно неистовый ветер хлестнул им в него, и Соломон громко вскрикнул.

Хаос.

Где она? Он попытался отрыть рот, чтобы позвать ее, но, казалось, его мозг все еще не восстановил взаимосвязь с телом. Он не мог заставить работать ни одну часть своего тела. Как ему сделать так, чтобы все вновь стало функционировать?

Немыслимое количество времени спустя он понял, что находится в лежащем положении. Был ли он на полу? Или это кровать? Он сосредоточился на деталях. Запах говорил ему, что он лежал в темном месте. Землистый пол. Камера. Он вспомнил камеру. Нахлынувшие эмоции что-то запустили в его теле и разуме, возвращая ему все то, что он никогда бы не пожелал вспоминать или переживать вновь.

— Х-хаос, — наконец, ему удалось вытолкнуть из себя ее имя, но с его губ сорвался лишь хрип.

Он старался заставить взаимодействовать собственные рот и язык, затем гортань и разум. Трудность выполнения этого встревожила его. Он парализован?

— Хаос! — задыхался он.

Соломон повторял ее имя снова и снова, пока это не стало причинять боль его сознанию. Ему нужно было начать двигаться и определить, где он находился. Возможно, он был сейчас не в камере. Возможно, его поместили в какое-то другое место.

Его сердце зашлось от страха и крайней необходимости действовать. Что-то говорило ему о том, что необходимо поторапливаться, и он не хотел знать причину этой тревоги. Потому что это ощущение вопило предупреждением о том, что все плохо, очень плохо. Хуже, чем было до этого. Каждый день казался ему таковым. Хуже, чем предыдущий.

Единственным утешением для него служило то, что он не должен был умереть. Он пытался вспомнить, насколько достоверным был источник этой информации. Хаос. Она сказала ему об этом. Новое ощущение липкого страха скользнуло по нему, пронизывая все

тело. Что если она ошибалась? Что если за пытками должна последовать смерть? Что если планы изменятся? Планы и действия неадекватных людей могут меняться день ото дня, от минуты к минуте.

После напряженной борьбы за то, чтобы сделать хотя бы малейшее движение рукой, у него случилась судорога. Вскоре он мог уже шевелить обеими ногами и руками. Он лежал на земле, на какой-то землянистой поверхности. Это определено была все та же камера, все ощущалось знакомым.

— Хаос, — позвал он чуть громче.

Боль прошла его пальцы, когда он провел по твердому полу, пытаясь нащупать что-нибудь. Используя руки, он подтянул к себе нижнюю часть своего тела, отяжелевшую и обмякшую. Он не знал, в какую сторону пытается ползти. На ощупь двигаясь вперед, он, наконец, обнаружил дверь и лег возле нее, задыхаясь и истекая потом от затраченных усилий. Спустя долгое время он решил подтянуть свое тело вновь. Его мышцы противились, сотрясаясь сильной дрожью. Тяжелое состояние его тела лишь увеличивало охватывающий его страх. Он ничего не сможет сделать в таком состоянии.

Соломон схватился за дверную ручку одной рукой и быстро ударил в дверь другой, перед тем как потерял равновесие. Резкий звон пронзил его голову, сопровождаясь последующим за ним рвотным позывом. Неспешно опускаясь на колени, он попытался сесть, используя те части своего тела, которые не были охвачены неистовой болью. Закончилось все тем, что он сжался в позе зародыша, охваченный судорогой и борясь с внезапным приступом тошноты.

«Побег. Думай о побеге. Думай о Хаос».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но когда начал думать о ней, то ощущение тошноты лишь возросло, как будто он знал, что это невозможно. Он подполз в угол, заставив себя опустошить желудок, надеясь на облегчение. На протяжении тридцати минут его выворачивало, пока его желудок буквально не начало разрываться на части от пустых спазмов, и Соломон взмолился о том, чтобы его мучения, наконец, прекратились.

Соломон рухнул на пол в изнеможении, совершенно не волнуясь о том, что лежал в том же месте, где его только что вырвало. Ему только нужно было попытаться... сохранить любые силы, которые у него остались.

К нему приходили образы его дяди. Затем отца. Боже... где был его дядя? Они тоже его схватили? Почему он не пришел за ними?

Соломон устремился вперед, когда услышал, что кто-то приближается к двери с обратной стороны. Он старался сдвинуться, но его руки и ноги вновь ощущались и отяжелевшими.

Дверь открылась, а он все еще не мог двигаться, ему оставалось лишь обессилено лежать, бессмысленно покачиваясь.

Пожалуйста, пусть это будет Хаос. Пожалуйста.

Но это была не она. Это были два демона. Два демона, которые схватили его и снова уволокли в ад.

На этот раз не было никаких пинков, криков или сопротивления. Было всего лишь тряпичное тело, готовое к тому, чтобы все прекратилось.

При входе в церковную залу к Соломону вернулось желание сопротивляться, особенно, когда он увидел Хаос, привязанную к стулу, с повязкой на глазах. Напротив нее находился еще один стул, с настолько массивными ограничительными ремнями, что они могли бы удержать и гиганта. Но при виде гроба, стоящего рядом со стулом, его по-настоящему захлестнуло чувство смятения и ужаса. Его рассудок включился в лихорадочную работу в попытке понять, чего ожидать дальше. Но не гроб или огромная квадратная конструкция с темным настилом привели его в состояние ужаса. Его шокировали ремни, которые крепились к гробу.

Он начал со злобой рычать, когда его усадили на стул напротив Хаос. Но его борьба продлилась недолго. Они резко сдернули повязку с глаз Хаос, и на него обрушилась еле сдерживаемая тошнота. Затем неистовая ярость. Ярость и боль заклокотали внутри него при виде ее глаз. Что-то было не так с ее глазами! Он в ужасе всхлипнул от увиденного. Они пришили ее веки, оставляя глаза широко распахнутыми! О, Господи, они пришили ей веки, чтобы ее глаза были открыты!

Соломон истошно закричал.

— Гребаные чудовища! Гребаные чудовища! — вопил он, дергаясь из стороны в сторону, охваченный гневом. — Как вы могли сделать это? Как вы могли сотворить такое с ней, мерзкие животные? Вы — звери!

Хаос кричала и плакала, пока Соломон выплескивал весь свой гнев на облаченного во все черное мужчину, который стоял справа от него, напоминая своим видом репу, и совершал какие-то манипуляции над маленьким столиком.

Он поднял странный металлический инструмент и повернулся к собравшимся прихожанам.

— А теперь... давайте очистим его кровь и подготовим к перерождению.

Он приблизился, и Соломон дернулся в сторону, пытаясь успокоить Хаос, утешая ее своим голосом, пока она надрывалась от крика, испытывая такие мучения.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, — говорил он, а по его лицу струились слезы. — Не плачь, Красавица, — из него вырвался всхлип. — Не плачь, не давай им то, чего они так хотят! — взревел он на мужчину рядом с ним. — Они хотят твою боль, не смей давать им ее! — Соломон дернулся и несколько раз плюнул в сторону мужчины.

Чьи-то руки за спиной, схватили его за голову, и темная фигура приблизилась, держа в руках металлический инструмент, не обращая внимания на слова и ярость Соломона. Соломон пристально посмотрел на инструмент, а затем зарычал и постарался вырвать голову из крепкой хватки. Он никогда не видел ничего похожего или более пугающего, чем это. Этот предмет напоминал стальной шприц.

Прямо перед его лицом мужчина нажал на что-то, и вперед выдвинулось множество крошечных бритв, и затем они спрятались обратно, когда он нажал на этот инструмент снова, также непринужденно, словно на шариковую ручку марки «Bic pen».

— Это поможет мне вытянуть из тебя все твои грехи, сын мой, — пробормотал он, когда приставил инструмент к шее Соломона. Острый укол произошел одновременно со щелчком инструмента. — Вот видишь, все не так уж страшно, не правда ли? Всего лишь еще несколько таких уколов.

Он перемещал инструмент по всему его телу без определенной последовательности, что-то монотонно бубня о душевном равновесии. Соломон силился рассмотреть, что же он делал, и увидел, как его кровь заполняет полую часть инструмента. Когда она доверху наполнилась, монстр открыл заднюю часть приспособления и слил содержимое в металлическую чашу.

Он начал с его шеи, переходя к рукам, затем двигаясь к ногам и стопам.

Соломон рычал и тяжело дышал, преодолевая волну тошноты. У него кружилась голова. Сосредоточиться было не на чем. Он не мог смотреть на Хаос, видя ее глаза, поэтому просто прикрыл веки и отдался на милость чувству тошноты. Но ее неизменный, сломленный плач продолжал сокрушать его. Она была вне досягаемости, недоступна для его утешения, и поглощена болью, охваченная тисками настоящей агонии.

Как и он сам.

— А теперь, — проговорил монстр, поворачиваясь к толпе прихожан с чашей, наполненной кровью. — Перерождение! — прокричал он, пребывая в состоянии неистового триумфа.

Хрипы Соломона превратились в едва уловимые звуки, когда четверо подошедших к нему, наконец, развязали его.

— Не надо... не делайте этого, — проговорил он, когда ему удалось освободиться от них.

— Нееееееет! Нееееееееееееееееет! — надрывно кричала Хаос, когда толпа начала свое заунывное пение, недостижимое и непонятное для отличной от их сознания действительности.

Гроб с закрепленными на нем ремнями был открыт, обнажая черный атлас. Соломон кричал и извивался в ужасе, беспорядочно пинаясь. Когда его укладывали в ящик, он уперся двумя ногами в стороны и начал выталкиваться со всей силы. Группа людей, удерживающая его, отшатнулась назад, когда гроб отклонился на пару футов.

К ним на помощь подоспело больше чудовищных фанатиков, чтобы запихнуть его в гроб. Соломон снова и снова хватался за все, до чего ему удавалось дотянуться, но его постоянно отцепляли.

— Нет, нет, пожалуйста! — ревел он нечеловеческим голосом, когда им, наконец, удалось запихнуть его в ящик. Он вытащил руки и ноги из гроба, но они использовали огромную длинную палку, что запихнуть его обратно

Внезапно крышка захлопнулась, и он закричал, ударяя ладонями по внутренней стороне, стараясь контролировать свое дыхание. Тонкая полоска света просачивалась сквозь щели, располагающие сверху и по сторонам деревянного ящика.

— Пожалуйста! — кричал он. — Пожалуйста, не надо! — задыхался Соломон, осматриваясь по сторонам, насколько это было возможно; его разум был в поиске чего-то угодно, что можно было использовать как оружие, надежды на спасение.

Гроб начал двигаться, а он вглядывался в щели, стараясь тщательно рассмотреть, что происходило снаружи. Гроб переместили в вертикальное положение. Соломон смог разглядеть огромную черную конструкцию, которая становилась все ближе к нему.

С нее убрали настил.

И, когда он увидел бак с водой, его пронзил настоящий ужас.

«Блять. Блять, блять, пожалуйста, Господи, молю тебя».

Соломон боролся, но его тело было скованно паникой. Что они собирались сделать?

«Блять, Господи, пожалуйста. Пожалуйста, помоги мне, пожалуйста», — молился он, пока из него вырывались мучительные рыдания.

Ящик опускался все ниже, и Соломон вновь начал учащенно дышать, наблюдая за тем, как его погружают в бак. Холодная вода быстро заполняла гроб, и ему оставалось лишь просто лежать, крепко зажмурившись. Скоро все закончится. Скоро все закончится.

— Господи, прости меня, — задыхался он, пока вода в гробу поднималась все выше.

— Пожалуйста, прости мне все мои прегрешения. Молю тебя, помоги Хаос, пожалуйста, избавь меня от страха. Умоляю, пусть это произойдет быстро! — прокричал он.

Вода покрыла его тело, но инстинкты заставили его вновь бороться, когда вода приблизилась к лицу. Он старался изо всех сил держать свою голову над уровнем воды, прижимая лицо к крышке. Вода достигла уровня его рта, и он судорожно захватил последний плоток воздуха и изо всех сил задержал дыхание. Тело Соломона погрузилось в водяную могилу, его глаза по-прежнему были крепко зажмурены. Он продолжал молиться. Умоляя Господа помочь ему пережить эту пытку водой.

«Пожалуйста, помоги мне умереть, пожалуйста, помоги мне умереть, я так напуган. Мне так страшно, Господи!».

Его сердце отдавалось тяжелым стуком в ушах, все быстрее и быстрее, принуждая его сделать вдох. Соломон мотнул головой, сосредотачиваясь на своей горечи и ярости, прежде чем ледяная вода заполнила его легкие.

И началась борьба за жизнь.

Несмотря на то, что он старался умереть, его разум не позволял ему этого, как его тело отказывало ему в такой роскоши. Он упорно противостоял боли, мукам и страху. И наконец... в это самое мгновение он ощутил кое-что. Справа от себя. Пропасть между этим миром и миром мертвых. Своеобразный порог. Он повернул голову и посмотрел, каким-то образом понимая, что это являлось связующим звеном, объединяющим два мира в один. Казалось, его разум был освобожден, и он устремился туда, пока не достиг цели. Затем он обернулся и посмотрел на то, как его тело все еще продолжало сражаться за крохотную возможность спасения. Его наполнили всепоглощающая печаль и боль. Его глаза прошились по всем, кто находился в церкви: мужчинам, женщинам, детям. Он был переисполнен еще большей печалью. Все они внимательно наблюдали за гробом, взгляд некоторых был пропитан горем, другие смотрели с надеждой, третьи замороженно.

Затем он увидел Хаос, все его естество наполнилось муками. Ее муками. Они прижимали ее к полу, удерживая ее лицо таким образом, чтобы она, не отрываясь, смотрела на гроб.

Внезапно Соломон ощутил приятное тепло на спине и взглянул через плечо. Позади него мелькал проблеск света, и он, казалось, становился все больше. Его не интересовали никакие чувства. Ничего. Страх был, но без физического ощущения, — он просто знал, что тот присутствовал и всё.

Соломон наблюдал за поспешными действиями мужчины, который извлекал гроб из воды. Соломон приблизился к нему, чтобы рассмотреть получше, что же заставило его так спешить. Они быстро отстегнули ремни и откинули крышку гроба. Ужас от осознания происходящего вспыхнул с новой силой, когда они положили его бездыханное тело на столик, стоящий рядом.

Его положили на живот, раздвинув ноги, и в это мгновение он понял, что все это было частью их плана, все происходило именно так, как они и планировали.

Еще одна темная фигура поспешила к его телу, держа в руке странный предмет, который Соломон никак не мог узнать. Множество рук удерживало его, в то время как его ноги развели чуть шире, и его охватил настоящий ужас от происходящего.

От вида длинной трубки, которая вела к странному инструменту, Соломон поспешно попытался отстраниться, отстраниться как можно дальше. Он не хотел наблюдать за тем, что произойдет, ему нужно было уходить, бежать, бежать, как можно быстрее, в объятия смерти.

Раствориться во тьме, чтобы они не смогли достать его.

Хаос прижимала Соломона как можно ближе к своему телу, раскачиваясь вместе с ним вперед и назад, пытаясь вспомнить песню, которую он напевал ей. Но она была уверена, что пела совсем не ту, и поэтому расплакалась. Она дрожала от силы собственных рыданий, и, поняв, что не могла сморгнуть слезы из-за пришитых век, Хаос заплакала еще сильнее. Вот что она получила за свой ужасный грех в итоге, вот что она заслужила.

Она нежно гладила его по голове, лежащей на ее коленях, на ее грязных и развратных коленях, которые были покрыты засохшей коркой от отвратительных вещей, что с ней творили. Все то, что она заслужила, чтобы с ней сотворили десятки раз. Нет, пару десятков раз. Или даже больше — примерно пять десятков раз. Когда они не давали ей быть с Соломоном, то сами "проводили время" со своей ничтожной шлюхой, которая была самым порождением дьявола. Это именно то, кем она и являлась, и она заслужила каждую каплю страдания и соответствующего отношения к себе.

Хаос тряхнула головой, когда разум попытался наполнить ее сознание видениями. Чудовищными образами всего того, что перенес Соломон. Ее собственное подсознание презирало ее. Все вокруг презирали ее, им это и следовало делать. Она вновь потрясла головой. Она не могла избавиться от неустанных образов. Если она избавится от них, то не сможет контролировать ситуацию. Ей нельзя абстрагироваться от образов, ей нужно оставаться в сознании. В сознании и быть настороже, готовой к бою, на случай если ей представится возможность... исправить все.

Из нее вырвался громкий всхлип, но она быстро подавила его. Никаких слез, дьявольскому отродью не позволено проливать слезы.

— Ты меня спрашивал про то, какую бы свадьбу я хотела, и я размышляла над этим, — прошептала она, улыбаясь. — На что была бы похожа свадьба на вершине горы? Например, на горе... Рашмор, — она тихо рассмеялась. — Да, мы определенно могли бы устроить свадьбу на голове Авраама Линкольна. — Она захихикала и погладила его по голове. — Это немного странно, ты согласен? Взять хотя бы нас. Мы странные — ты и я, но странные в хорошем смысле, — поспешно поправила она себя, не желая, чтобы он неправильно истолковал ее слова. — Ты самый восхитительный мужчина на всем белом свете, — прошептала она восхищенно. — Тебе известно это? Уверена, ты знаешь об этом, конечно же, знаешь, — продолжила она, убаюкивая и нежно поглаживая его. — Как кто-то может быть настолько красивым и не знать этого? Но они не знают этого, не так ли? — она вытерла нос о свое плечо, чтобы из него не текло.

— И ты мог бы пригласить свою Мисс Мэри? И своего дядю.

Хаос поспешно сглотнула, когда образы того, как приспешники Мастера уведут Соломона, ворвались в ее сознание.

— И свою тетю. Я не знакома с ней, она хорошая? Конечно же, хорошая. Держу пари, она также невероятно красива. — Хаос задумалась о своем собственном уродстве. Она была бы позором для семьи. И если бы у них появились дети, возможно, они были бы с дефектами из-за ее многочисленных, многочисленных и непростительных прегрешений.

— Хаос.

Она резко наклонила голову.

— Соломон? — взвизгнула она, испытывая сильное напряжение, стараясь не

выкрикнуть его имя слишком громко. Она начала неистово покрывать его лицо поцелуями.

— Соломон, Соломон, — горько рыдала она. — Я так сильно ошибалась. Так сильно ошибалась. Я так ошиииибалась, — всхлипывала она.

— Ш... ш-ш-ш.

Она схватила его за руку, прижимая его ладонь к своей щеке.

— Вот, я здесь. Я с тобой, чувствуешь? Я с тобой, и я никуда не уйду.

— Красавица, — с трудом прохрипел он, заставляя ее обливаться слезами.

— Я не красавица, я не такая.

— Ш-ш-ш, не надо, — прошептал он.

Слыша боль в его словах, она быстро взяла себя в руки. Она больше не причинит ему боли. Никогда.

— Хорошо, хорошо, прости меня.

— Ч-ч...

— Тихо, не разговаривай, не трать силы, — пробормотала она, не желая, чтобы он задавал вопросы. Не потому что она не знала на них ответов, а потому что она могла дать ответ на каждый его вопрос. В любую минуту за ним могли прийти. Это был последний день приготовления. Шестой день. Они сделают что-то еще более ужасное, чем раньше. Но она не знала наверняка, что именно. Все, что делал Мастер, было в новинку для нее. Ужасы, которые она даже не могла вообразить себе.

Она даже не смела думать о том, что могло быть хуже той пытки, когда его погружали в воду, и последующими за этим издевательствами над его телом.

Она не решалась думать об этом сейчас.

Ее слуха коснулся какой-то звук, и она замерла, хватаясь за Соломона. Как будто ее отвратительный разум воззвал к ним, только подумав об этом. Она была ведьмой. Дьявольским отродьем, которое должно гореть в аду.

Она должна попытаться спасти его. Это ее последний шанс. В этот раз она не подведет!

* * *

Соломон пришел в себя от леденящего кровь крика Хаос и яростных воплей, а также звуков борьбы. Он попытался приподняться, но рухнул на пол.

— Хаос, — прохрипел он, стараясь изо всех сил приподняться, чтобы посмотреть на то, что происходило вокруг. Ее горло разрывалось от пронзительных криков: "Я убью тебя, я убью тебя!". Ее голос звучал чуждо, почти нечеловечески.

Эти монстры... они сотворили это с ней.

Прежде чем гнев смог наделить его силой, его снова подхватили и увели. Его ноги заплетались, когда он старался встать, чтобы оказать сопротивление. Воспоминания о случившемся, наполнившие его сознание, резко ударили по нему, вызвав сильный всплеск адреналина в крови. На несколько мгновений ему удалось вырваться из хватки, перед тем как со всей силы рухнуть на пол. Треск ломающейся скулы отдался эхом в его черепе, сопровождаемый острой болью, гудевшей в нем при каждом следующем вздохе.

Его вновь усадили на стул в церковной зале и крепко связали. Он откинул голову назад, борясь за то, чтобы сделать вдох, его разум начал ускользать, а мысли путаться. Истошные

крики Хаос смешались с искаженным до неузнаваемости нечеловеческим ревом, когда они заставили ее сесть на стул, напротив него.

Чтобы она могла смотреть.

Беспомощность возродила в нем гнев такой мощи, который он не ведал до этого. И он кричал снова и снова, просто кричал от ярости и старался бороться с испепеляющим желанием и бешеной потребностью убивать.

Присутствующие начали громко аплодировать, крича и завывая, что-то монотонно напевая. Наконец, он смог разобрать, о чем они говорили. «Высвободи демона. Высвободи демона».

Мужчина в черном одеянии, стоящий лицом к пастве, резко взмахнул рукой, сигнализируя о том, чтобы те замолчали. Затем он начал свою безумную проповедь.

— Сегодня заключительный день.

Толпа взорвалась восхвалениями и аплодисментами.

— Проклятье... близится к тому, чтобы покинуть нас, — он проговорил это с такими интонациями, будто это была заключительная глава чего-то хорошего, что происходило с ними до этого момента. — Сегодня, после того как мы изгоним демона, что отравлял жизнь семьям этого красивого города, мы отправим его обратно в ад.

Еще один взрыв аплодисментов.

— И он никогда вновь... не подвергнет... нас... пыткам.

Соломон приготовился, когда мужчина повернулся к нему, и, казалось, просто уставился на него. Его правая рука поднялась вверх, и толпа замолкла.

— Но прежде, чем мы сделаем это... — он неспешно направился к нему. — Королева говорит, что он должен узреть лик своего отца.

Тихое бормотание пронеслось в воздухе, когда он продолжил приближаться. Соломон смотрел со всей возможной для себя ненавистью, когда тот остановился перед ним и склонил покрытую черным капюшоном голову, кивая.

Он обернулся к безумной толпе и поднял обе руки.

— Принесение в жертву... требует еще большей жертвы. — Он снял капюшон, и внутренности Соломона скрутило. Мужчина медленно развернулся, на его лице играла безумная улыбка. — Но, чтобы принести в жертву сына, — прошептал он благоговейно, и его лицо исказила печаль, когда он не спеша приблизился и опустился на колени перед Соломоном, — это деяние требует огромной... любви.

Соломона охватил гнев, и он нанес удар головой прямо в морду этого чудовища.

Хруст ломающегося носа последовал за истошными криками Соломона, когда разгневанный Мастер поднялся на ноги с перекошенным от гнева лицом, резко взмахивая руками.

Две темные фигуры, которые напоминали по своей форме кегли, поспешно направились к Соломону, и Мастер прогремел: — Давайте начнем!

— Нееееееет! Ннееееееет, Мастер, нет! — Хаос умоляла его, хныча как ребенок.

— Не смей умолять его! — прокричал Соломон, со злостью посмотрев на мужчину. — И не смей называть его МАСТЕРОМ! Он — не твой Мастер и никогда не будет твоим Мастером, он — мошенник, подделка! — кричал Соломон, обращаясь к толпе. — Он — мошенник! Монстр! — Соломон дернулся вновь, когда маньяк начал приближаться к нему с антикварным и на вид острым лезвием в руках.

— Тебе лучше сидеть спокойно, сынок, — предостерег он его, — или я могу вонзить это

слишком глубоко. — Безумец рассмеялся гортанным взволнованным смехом, обдавая лицо Соломона тяжелым и смердящим дыханием.

— А как насчет того, чтобы развязать меня и выяснить все по-мужски? — проскрежетал Соломон, стискивая пальцами края стула, пока Хаос безостановочно кричала.

Мужчина издал рык и выпрямился, показывая руками еще более загадочные знаки. На это раз раздалась другая песня. Пронзительный и ангельский напев отзывался идеальным эхом в огромном церковном зале. Словно открывая торжественный финал.

— Ах, — он подался в сторону звука всем телом, с прикрытыми глазами взмахивая лезвием. — Какая прелесть, — пробормотал он, возвращаясь к тому, чем занимался. — Нужно сбрить эти прекрасные волосы, чтобы я мог видеть, что делаю.

— Зачем ты это делаешь? — прошипел Соломон, крепко зажмурившись.

— Зачем я это делаю? — передразнил он его писклявым голосом. — Я до сих пор не могу понять, что увидела в тебе Королева. Ты — такая трусливая сучка. Весь в свою мамочку.

На него нахлынула новая волна ужаса при упоминании матери.

— Да что ты знаешь о моей матери, ты, кусок дерьма.

— О-о-о, я знаю достаточно, — проворковал он. — Она когда-то представляла для нас ценность, если ты не знал.

— Бред! Ты — лживый кусок дерьма!

— О, но это правда. Она была нашей шлюхой на протяжении нескольких лет, затем она убежала и влюбилась. ВЛЮБИЛАСЬ, — он щелкнул языком, демонстрируя отвращение. — О, нет, не в своего мужа, прошу заметить, нет, нет, нет. Она влюбилась в своего приемного мальчика. Ее маленького прекрасного Соломона Горджа. — Он посмотрел на него, чуть склонив голову. — Ну, Королева понимала, что это означает, — он кивнул, и глубокая морщина пролегла на его уродливом лбу. — Она собиралась скрыть тебя от нас. Но мы не могли позволить этому произойти, ведь не могли же?

Соломон издал истошный крик и резко подался головой в его сторону, мужчина отпрянул назад.

— О-о-о, — проговорил он глубоким покровительственным голосом. — Как некрасиво, сынок. — Он резко провел по голове Соломона лезвием, нанося глубокие раны, а Соломон стискивал зубы и старался уклониться от порезов. — Не волнуйся, — наконец, проговорил мужчина, тяжело выдыхая. — Вскоре ты не вспомнишь ничего из этого, папочка позаботится, чтобы все плохие воспоминания ушли.

Соломон крепко зажмурился и с силой вцепился пальцами в стул, пока его голову обривали наголо.

— Пожалууууууиста! — пронзительно закричала Хаос. — Я сделаю все, что ты пожелаешь. Возьми меня, возьми меня!

— Тебя уже использовали, дочь моя! — гневно ответил он, развернувшись к столу, стоящему справа. — Из тебя было взято столько, сколько мог дать один сосуд, и ты исчерпала себя. Ты использована! Без остатка!

Желудок Соломона сжался от страха и ненависти, когда он увидел жуткий инструмент, напоминающий сверло, но по размеру не больше дверной ручки. Кровь прилила к его глазам, и он поспешно заморгал, наблюдая за чудовищем, которое держало инструмент в воздухе, демонстрируя его собравшимся, пока хор пел в идеальной ангельской гармонии.

Поворачиваясь к Соломону, он подал знак своим помощникам кивком, которые в тот же

момент заключили его голову в крепкие тиски своих рук. Соломон старался сопротивляться изо всех сил, а крики Хаос переросли в короткие истеричные рыдания.

— А теперь, — проговорил Мастер, встав справа от Соломона. — Если ты будешь сопротивляться, то будет много крови, — предостерег он скрипучим голосом, который, по видимому, должен был оказать на него какое-то воздействие. Соломон начал неистово кричать, когда безумец прижал металлический штырь к его голове. Он издал мучительный крик, когда с первым поворотом острое сверло впилося в его кожу.

— Достаточно нескольких оборотов, и сверло пройдет сквозь кожу, — прошептал Мастер, охваченный неистовым азартом. — Затем настанет очередь черепа. Но это, скорее всего, займет некоторое время, потому как ты — твердолобый маленький ублюдок!

Тело Соломона в напряжении содрогалось. Он не мог двинуться, боль была невыносимой. Его наполненные ужасом крики перемежались с рычанием, и он издал вопль, когда штырь начал по спирали поворачиваться, впиваясь острыми зубцами в его череп.

— Прекрати, прекрати, прекрати! — молил Соломон, даже не обращая внимания на то, что его слова никак не повлияют на происходящее. — Прощу тебя, преееееекккрати.

Его крики перемешались с рыданиями Хаос. Он видел ее краем глаза — одержимую женщину, царапающуюся и сопротивляющуюся, словно ее сжигали заживо.

Бум! Бум!

За взрывом криков последовал еще один звук глухого удара!

Бум!

Внезапно его голову отпустили, и Соломон дернулся, чтобы посмотреть, что происходит, стараясь сморгнуть кровь, которая заволакивала его глаза. Толпа разразилась криком и бросилась врассыпную. Мастер бросил инструмент и кинулся бежать, когда двое фанатиков в черном рухнули на пол рядом с ним с раздавшимися в тот же миг громкими выстрелами.

Это был пистолет!

Хаос уставилась на происходящее широко распахнутыми глазами, издавая крики и плача, в то время как Соломон старался изо всех сил разглядеть, что происходит. Человек в форме службы специального назначения быстро двигался в их сторону, продолжая стрелять.

Неверие Соломона в происходящее отразилось громким вскриком. Его охватил ужас, пока он наблюдал за тем, как долговязая фигура в форме быстро продвигалась в их сторону, от страха того, что этот мужчина исчезнет, и все это окажется лишь галлюцинацией его измученного сознания.

Но с каждым следующим выстрелом он понимал, что это происходит на самом деле. Человек в маске был реальным, и он пришел, чтобы спасти их.

Соломон уставился распахнутыми, полными шока глазами на мужчину, который освобождал его, пока его тело все еще продолжало неудержимо содрогаться.

— Соломон! — прокричал мужчина.

Соломон уставился в голубые глаза, которые были скрыты за маской. Он... он узнал их.

— Ты можешь идти? — прокричал он прежде, чем направился к Хаос и освободил ее. Она истошно закричала, и, развернувшись, мужчина выстрелил еще в нескольких людей, облаченных в черное. — Ты можешь идти? — задал он ей тот же вопрос.

Она быстро закивала и побежала к Соломону, который только и мог что смотреть, пребывая все еще в шоке, когда она быстро положила его руку на свое плечо. — Быстрее! — завизжала она, поспешно двигаясь к дальней стороне церковного зала.

Соломон старался изо всех сил, чтобы его ноги начали двигаться, его дыхание вырывалось громкими сиплыми звуками и хныканьем, когда он, наконец, смог сделать шаг и пойти.

Происходящее казалось сном. Потому что он был настолько напуган, что даже страшился помолиться. Он боялся, что если сделает это, то все мгновенно исчезнет, и этот бесконечный кошмар возобновится.

Они бежали из склепа психиатрической лечебницы, пройдя через туннель, ведущий на выход из подземных катакомб. Выбравшись, Соломон болезненно зажмурил глаза от яркого света, а затем увидел Джимми, который смотрел на них с испуганным и побледневшим лицом.

— Идите за мной и не отставайте, — пробормотал он. — Нам еще предстоит долгий путь.

Они последовали его указаниям, Соломон держался позади Хаос, а его дядя шел следом за Соломоном. Он чувствовал себя так, словно навсегда сбился с верного пути и больше не сможет вернуться на него, но если бы он не заставлял себя двигаться вперед, то просто рухнул бы на землю. Странно, но эта боль, что опаляла его стопы, заставляла его оставаться в сознании. Ему казалось, что его череп стал тяжелее во много раз, и было ощущение, что рана на голове кровоточит. Соломон хотел прикоснуться к ней и понять, насколько глубокой она была, но он наверняка потерял бы сознание лишь от попытки сделать это.

Спустя пару миль он все-таки упал. И дядя помог ему подняться.

— Давай, сынок, нам нельзя сейчас останавливаться. Сумасшедшие сукины дети могут догнать нас.

— Я больше не могу, — задыхался он, сражаясь изо всех сил за каждый глоток воздуха. «Я не могу. Я не могу». Эти слова постоянно прокручивались в его голове, хотя его рот не был способен вымолвить их вслух.

— Помоги мне, — послышался голос его дяди.

Соломон был поднят на ноги и повис между дядей и Джимми. Таким образом, они несли его весь оставшийся путь. Соломон не мог сказать, насколько это было далеко, хотя его разум и пытался определить расстояние их пути.

* * *

Соломон проснулся в темном помещении, которое было заполнено тяжелым затхлым запахом. Его мгновенно охватила паника, и он начал отчаянно кричать и бороться.

— Помоги мне! — воскликнула Хаос, пронзая его еще большим чувством страха. О, Господи, это был всего лишь сон. Он все еще находился в этом проклятом месте, они не смогли никуда сбежать.

Соломон издал пронзительный вопль, наполненный бессилием и отчаянием, стараясь рассмотреть то, что его окружало.

— Сынок! Это я, это дядя Джо! — внезапно в комнате зажегся свет. Соломон подскочил и отполз в угол, прикрывая глаза рукой.

— Это дядя Джо, сынок, — повторил он немного мягче. — Ты в безопасности, далеко в шахтах, там, где никто не сможет нас найти.

Он подошел ближе, и Соломон поднял глаза на него, словно ожидая, что тот исчезнет. Он осмотрелся по сторонам, отмечая огромные деревянные брусья, которые, как казалось, подпирали собой земляные стены. Посреди помещения на полу лежал небольшой матрас.

Затем его взгляд метнулся к Хаос. Она была обмотана во что-то, напоминающее простынь, крепко сжимая ткань и удерживая ее у груди. Ее глаза и лицо выражали нестерпимую боль. Его рука потянулась в ее сторону, и она поспешила к нему навстречу. Слезы капали из ее глаз, когда она опустилась на колени рядом с ним и ласковым прикосновением погладила его лицо.

На ее веках, чуть ниже бровей, виднелась ровная линия красных точек, он потянулся к ним, нежно касаясь и исследуя. Вспышки воспоминаний об ее веках, сшитых так, чтобы глаза оставались открытыми, взрезались в его сознание, наполняя разум и тело первобытным страхом.

— Все хорошо, все хорошо, — вновь успокаивающе произнес его дядя. — Ты в безопасности. Все закончилось, сынок.

Все закончено?

Разум Соломона закрутился с бешеной скоростью вокруг этого слова, в попытке найти связь между ощущением внутри него с тем, что его окружало.

Кончено. Все закончилось.

Он уставился в голубые глаза дяди, и в его груди все напряглось от этого взгляда, который заволокли слезы

Кончено.

Соломон старался изо всех сил найти подтверждение этим словам, сделать так, чтобы они значили для него что-нибудь, вызвали какой-нибудь отклик. Но он пришел к выводу, что внутри него была лишь пустота. Словно... никогда не существовало такой вещи как конец. Но разум твердил ему абсолютно противоположное. Ничто не было закончено. И это никогда не закончится. Этот ад будет длиться вечно.

Соломон принудил свое тело успокоиться или хотя бы создать видимость того, что он спокоен. Он заметил, что был одет во что-то, напоминающее больничную одежду. Голубые штаны и такого же цвета футболка. Он старался побороть отчаянное желание сорвать это одеяние с себя и убраться так далеко от этого места, чтобы ничто больше не напоминало ему о больнице. Боже. Он потер лицо и забрался обратно на матрас. Сидя на нем, он почувствовал, что что-то покрывает часть его головы. Бинты.

Он задохнулся от ужаса, когда разум воспроизвел воспоминание о том, как его голову сверлили. Его руки затряслись, как и тело, и в тот же момент он сжал пальцы в кулаки. Он вскочил, когда Хаос внезапно очутилась рядом с ним, а затем раскрыл руки навстречу ей и отдал свое тело на милость ее объятиям. Оборачивая свои руки вокруг нее, он позволил ей увлечь его на матрас и держать его.

Его тело стало расслабляться, как только она начала напевать свою излюбленную мелодию и поглаживать его лицо. Отчаянно нуждаясь в большем, он заключил ее в более крепкие объятия и подтянул свои ноги вверх, пока не очутился, словно в непроницаемом шаре. Теплом. Безопасном. Вместе с Хаос. Это было именно тем, в чем нуждалось и чего жаждало его тело.

* * *

Хаос была утомлена и, наконец, приняла решение прилечь рядом с Соломоном,

стараясь не разбудить его. Слезам не было конца, и ее глаза обжигало так, словно они были охвачены пламенем. Ну, и отлично. Может, это все закончится тем, что они, наконец, прожгут ее бестолковую голову.

Она замерла, услышав какой-то звук, и подняла голову. Дядя Соломона стоял в дверном проеме, подзывая ее к себе.

Она аккуратно выбралась из объятий Соломона и направилась на цыпочках к двери, со всей силы стискивая простынь, что прикрывала ее тело. Чернокожий мужчина сказал, что принесет настоящую одежду, и она была безмерно счастлива этому. Она ненавидела то, что ей приходится находиться в таком виде в присутствии его дяди, непреднамеренно заставляя его наблюдать за тем, как на самом деле выглядит грязная шлюха.

— Мне нужно поговорить с тобой, — прошептал он, когда она остановилась у двери, прикрываясь простыней. — Как... как ты на это смотришь?

Страх заставил ее сердце гулко забиться в груди, когда она ответила кивком на его вопрос, затем бросила взгляд на Соломона в мягком свете фонаря. Хаос не хотела оставлять его, но она также и не желала огорчать дядю Соломона.

Проследовав за ним, Хаос заодно начала рассматривать окружающую обстановку. Она не сделала этого, когда они прибыли сюда, потому что не сводила глаз с Соломона на протяжении всего времени, опасаясь худшего. Как, например, того, что он умрет, прежде чем она все исправит. Она посмотрела на огромные бревна, напоминающие ей такие же крупные и мощные руки чернокожего мужчины. Грязные стены хранили безмолвие, отбрасывая тень только от единственной лампочки, что едва освещала длинный коридор.

Так это была шахта. Она слышала множество историй о них. Плохих историй. Ей было запрещено подходить к ним, потому что нераскаявшиеся использовали дьявольские пещеры для того, чтобы совершать свои развратные деяния, как всегда говорил Мастер, и теперь она задавалась вопросом, была ли это очередная ложь, которую проклятье внушило ему.

Они проходили темные коридоры, в которых ничего нельзя было рассмотреть, и ей стало интересно, где конкретно они бродили. Ее разум играл с ней злую шутку, позволяя ей рассмотреть мелькающие лица, когда она смотрела в темноту, поэтому Хаос сосредоточила свой взгляд на спине его дяди. Одетый в черное, он выглядел как военный. Сильный и пугающий. Ничем не напоминающий того добряка, которым он казался ей до этого. Даже его восхитительные голубые глаза потемнели. Она была уверена, что потемнели они от ненависти. К ней. К той, которая была ответственна за мучения Соломона и практически за его смерть.

Ей не нравилось ощущать страх около его дяди. Этот страх имел другую природу, нежели остальные. У нее тоже были свои вопросы к нему, только она не рисковала задавать их. Возможно, он сам даст ей ответы. Например, каким образом ему удалось обнаружить их? Почему этот чернокожий мужчина помогал им? Куда они отправятся дальше, покинув это место, и каким образом им удастся сбежать?

Наконец, коридор привел их в большую комнату, но земляные потолки здесь были все еще довольно низкими; если потянуться рукой и подпрыгнуть, до них можно было дотронуться.

Внезапно дядя Соломона развернулся, и она замерла на месте, ожидая, куда он направится дальше. Он положил руку на бедро и опустил голову, прежде чем сделать пару шагов, не преследуя какого-либо направления. Затем он указал рукой на стул.

— Присядешь? В смысле, не хочешь присесть? Ты голодна? Хочешь пить?

Она устала на него, пытаясь понять тон его голоса. Его слова были достаточно мягкими и приятно звучащими, но в них было нечто такое, что выдавало его печаль. Она посмотрела на покосившийся стул с перевязанными ножками и решила, что постарается сделать все, чтобы казаться нормальной. И присесть на предложенный стул показалось ей приемлемым действием. Но не есть или пить. Она не заслуживала такой роскоши. Она принимала пищу для того, чтобы оставаться в живых ради Соломона, и это все.

С каждым шагом по грязному полу Хаос ощущала себя все более нечестивой и отвратительной шлюхой. Она оглядела мебель, расставленную в комнате. Ее смастерили лишь из ветвей деревьев и веревки: в помещении находились два стула без спинок и небольшой столик между ними. Не зная, куда деть любопытный взгляд, она позволила себе оглядеть окружающую обстановку. Хаос заметила пару книг, которые лежали рядом с большим голубым фонарем, подушку оливкового цвета и одеяло, которое было сшито из лоскутков ткани. Все эти предметы выглядели знакомо. Она вспомнила, что это одеяло находилось в домике у чернокожего мужчины.

— Хочешь пить?

Она вновь бросила взгляд на дядю Соломона и отрицательно покачала головой.

— Ты, должно быть, голодна?

Она вновь покачала головой, не в состоянии произнести свой ответ вслух.

Он кивнул и смотрел на нее в течение некоторого времени, затем слегка повернул голову в сторону.

— Не голодна и не хочешь пить, — он с сомнением покачал головой. — Должно быть, они хорошо вас кормили, пока вы были там?

— Нет! — воскликнула Хаос, когда отчаянно покачала головой.

— Естественно, они не делали этого, — и его голос звучал так, словно он подтверждал для себя все то, что обдумывал сейчас.

Хаос немного качнулась и сжала пальцы, вонзая ногти в мягкую область между суставами своих сцепленных рук. Один... два... три... Затем она повторила это действия, аккуратно и незаметно причиняя себе боль, ожидая окончания разговора, чтобы она могла вернуться обратно к Соломону.

Ее сердце бешено забилося в груди, когда он приблизился к ней. Опускаясь вниз, он уселся на колени прямо перед ней, так что их глаза практически оказались на одном уровне.

— Мне нужно знать, что они сделали с моим сыном, — прошептал он.

Путанные мысли заполонили ее разум. Как Соломон мог быть его сыном?

— Мастер считает... что именно он является отцом Соломона, — прошептала она, затем сглотнула, ощущая возрастающий страх от произнесенных ею слов. Почему она сказала это? Она хотела отвернуться от его прищуренного взгляда чуть склоненной набок головы.

Он покачал головой, не сводя своего пристального взгляда с нее.

— Не смей... не смей произносить этого вслух.

Даже несмотря на мягкость и доброту произнесенных им слов, она явственно ощутила скрывающийся за ними гнев. Хаос кивнула и потупила взгляд, стискивая свои кулаки настолько сильно, что побелели костяшки.

— Мне нужно знать, что они сделали с моим сыном... — вновь проговорил он мягким тоном, — чтобы я знал, чем могу помочь ему.

Он очень старался быть с ней милым, она слышала это. И именно это так мучило ее.

Она отчаянно желала заслужить его расположение, но тогда ей придется рассказать ему о тех вещах, после которых он еще больше возненавидит ее. Возможно, ей просто нужно было ответить на его вопросы и не думать об остальном. Если она огорчит дядю Соломона еще больше, то это никак не поможет его племяннику.

— Они... — она заставила себя встретиться с ним взглядом, потому что было неправильно избегать его осуждающего гнева и презрения. Она посмотрела ему прямо в глаза и сглотнула. — В первый день... — проговорила она едва слышно, — они совершили над ним... очищение водой.

На его лице отразилась растерянность, а напряженный лоб был покрыт блестящими бисеринками пота.

— Они связали его, — продолжила она, — обнаженного. Он был напуган, очень напуган, я могла ощущать его страх, видеть это в его глазах. — Она не стала бы утаивать детали того, что произошло, только для того чтобы избежать чувства боли. — И они обливали его ледяной водой. Мощным потоком холодной воды, используя специальный шланг, который обжигал и причинял боль сильным напором. Они обливали его... — Хаос подавила приступ подступающей тошноты, — на протяжении шести часов. И затем, — она поспешила добавить, — они позволили ему отдохнуть в темноте и подумать о своих грехах.

— На второй день они усадили его на этот стул. Они натянули на его голову грязный мешок, и он был очень напуган, когда они пристегнули его ремнями к стулу.

Я могла видеть, как часто он вдыхал и выдыхал по судорожным движениям материи, покрывающей его лицо. И затем его начали вращать по кругу... — она описала в воздухе круги, показывая ему наглядно. — Этот стул вращался снова, снова и снова, пока Соломона не начало постоянно рвать, — спешно прошептала она. — А затем они поместили его в своеобразную клетку, механизм которой напоминал вращающееся колесо для хомяков, только приспособленный для человека, который заставил его двигаться, пока он больше не смог этого выносить и не рухнул на пол, ударившись головой, но его продолжало подбрасывать снова и снова, словно тряпичную куклу. — Хаос напряглась, моргая сквозь слезы, прежде чем ее голос вновь достаточно окреп. — Потом его вновь оставили отдыхать в темноте, чтобы он мог осознать свои прегрешения.

— На третий день... — прошептала она со злым выражением на лице, презирая то, что ее тело способно на человеческие проявления чувств. — На третий день они привязали его к столу, и Мастер поливал его тело кислотой, увеча его прекрасную кожу, — она быстро почесала свои руки. — Мастер так слеп, он так слеп, кожа Соломона не опорочена грехом, — она кивнула сама себе и поспешила продолжить, пока весь ужас, что трепыхался внутри, не переполнил ее. Он хотел вырваться и поглотить ее. Она хотела того же, но Соломон будет очень расстроен, если это произойдет, однако с другой стороны, она не сможет больше причинить ему боль.

Хаос выпрямила спину, принуждая себя продолжить.

— После того как Мастер обжег его кожу, они пороли его, привязав к какой-то штуке, которая по ширине была примерно такого размера, — она согнула руку в локте, чтобы продемонстрировать ему. — И затем снова и снова они обрушивали на него череду ударов плетью, сделанной из настоящей кожи. Его кожу рассекали ударами множество раз, оставляя глубокие раны, пока он сам не захотел умереть от такой боли.

Его дядя поднялся на ноги и начал ходить из стороны в сторону, словно был растерян.

— Я знаю, что он хотел умереть. Я видела это в его глазах, когда он смотрел на меня.

Он смотрел на меня, — проговорила она, ее голос стал хриплым от усилий, которые она прикладывала, чтобы не сломаться. — Он смотрел прямо мне в глаза, а они продолжали сечь его, пока он не потерял сознание, а затем... — она всхлипнула пару раз, принуждая весь ее ужас отступить. — Они уволокли его обратно в камеру, а мне пришлось ухаживать за его ранами, чтобы он мог немного оправиться и быть готовым к следующему осквернению. — Наблюдая за перемещениями его дяди, рот Хаос превратился словно в открытый кран, который ей было не под силу закрыть, и грязные признания лились из него, чтобы раскрыть все содеянное ею.

— Я ухаживала за его ранами, — продолжила она, и ее голос звучал все более рвано, вместе с ужасом, который нарастал в ней с каждым новым признанием. — Я сделала все, что могла, обеспечивая ему комфорт, который он заслуживал.

Его дядя пробормотал что-то, чего она не смогла разобрать, пока правда выплескивалась из нее с невероятной скоростью.

— На четвертый день... — она поднялась на ноги, в попытке насытить тело большим количеством кислорода, ее мышцы и кровь наполнились злостью. — На четвертый день они пропускали через его тело электрический ток до тех пор, пока его рвота, моча и испражнения не оказались повсюду! — ее голос был наполнен яростью, которая соответствовала по силе жестокости тому, что они с ним сотворили. — Мастер желал полностью очистить его, — проговорила она, стискивая ладони и глубоко впиваясь ногтями в кожу, пока она раскачивалась вперед-назад, словно для того чтобы демоны не смогли вцепиться в нее своими когтями. Ей необходимо было выговориться, это было только ее наказанием, но ужас внутри становился все сильнее, словно произносимые слова, заставляли его бурлить, превращая в неистовую кипящую массу.

— Потом они забрали его у меня, — пронзительно прокричала она то, что гудело в ее голове. — И не пускали меня к нему. Они увели меня и занялись мной, пытая мое тело снова и снова, вот тут, — она указала трясущимся пальцем на то место, где именно они совершали свои зверства. — Они измывались и заставили мое тело кровоточить. Они заставили его кровоточить, и это правильно, это было правильным, я бы хотела, чтобы они никогда не останавливались! — внезапно она замолкла и кивнула, нуждаясь в том, чтобы он знал, насколько были правдивы ее слова. Ее мышцы задрожали, словно от того что дьявольские насекомые жалили ее по всему телу. Хаос сделала большой круг по комнате, пытаясь стряхнуть их и двигаться быстрее.

— Остановись.

Но Хаос не смогла бы сделать это, даже если бы хотела, она не знала, как это остановить. Ее взгляд был прикован к центру комнаты, где находился дядя Соломона, пока она проходила по кругу, оставляя следы на полу, и это внушало ей уверенность в том, что теперь она не собьется с намеченного курса. Она воссоздала стену, которую они не могли пересечь, пока продолжала двигаться и говорить, наказывая себя.

— И в ту ночь, в ту ночь они пришили мои веки таким образом, чтобы те находились в открытом положении, принуждая меня к тому, чтобы я смотрела. Я почувствовала себя плохо и попыталась прикрыть глаза, и они были правы, что сделали это, они были настолько правы в принятом решении. Мне следовало смотреть, мне нужно было смотреть, — проговорила она, выкрикивая слова все громче, чувствуя нарастающий шум вокруг нее.

Она могла только смотреть на его дядю, двигалась по кругу. В его глазах застыл ужас, о, она отлично понимала этот взгляд, и это был правильный взгляд. Он все осознал, и она

Действительность появлялась вспышками и тут же ускользала от Соломона. Это напомнило ему о том, как однажды он уснул на заднем сидении «Шевроле» дяди Джо. Мир, окутанный темнотой, только время от времени вспыхивал в свете уличных фонарей, когда он на короткий миг приоткрывал глаза. Только теперь перед ним мелькали образы лиц, звуки голосов, какие-то запахи. Принадлежащие его дяде... Хаос. Даже чернокожему мужчине. И точно так же, как когда он был маленьким мальчиком, Соломон смотрел на происходящее вокруг сонными глазами, просыпаясь лишь для того, чтобы утолить жажду или облегчить мочевого пузырь.

Определенная последовательность действий повторялась вновь и вновь, словно сменяющие друг друга события, которые всегда оканчивались одними и теми же действиями: сном и теплыми объятиями. Он не противился этому. Не было сил. Он просто наблюдал за происходящим через отяжелевшие веки, закрывая их по желанию или открывая. Закрывая. И вновь открывая. Совершенно не понимая, что каждое такое мгновение, отсчитывалось проходящими днями, а не минутами.

И затем настал, наконец, тот день или ночь, когда он осознанно распахнул глаза, сталкиваясь с полнейшей темнотой. На него обрушилось чувство панического страха, и он подскочил на ноги, судорожно хватая ртом воздух. Окружающая его темнота внезапно превратилась в воду и заполнила его легкие, а одеяла сковали ноги, словно ремни.

— Тише, Соломон.

Он дернулся от голоса Хаос и в следующую секунду ощутил ее теплое тело рядом с собой. Он обхватил ее и обернул свои руки и ноги вокруг девушки.

— Я с тобой, — ласково проворковала она, нежно поглаживая его по спине сверху-вниз, скользя по бедру, ногам, снова и снова. Потом она запела его любимую песню, вновь увлекая его в безопасное, теплое место. В объятия целительного сна.

Но темнота пробуждалась в нем вновь. И вновь. И вновь. Даже несмотря на то что его могла и не окружать темнота, когда он просыпался, в его разуме все равно царила всепоглощающая тьма, не давая сделать вдох и заполняя легкие водой. Затем он слышал голос Хаос с присущей ей теплотой, и ее тихие напевы. И он снова проваливался в сон. В целительный сон. Казалось, словно его разум замыкало на время. Но он чувствовал, что становился сильнее, даже несмотря на то, что не мог двигаться. Он просто хотел оставаться в тепле чуть дольше.

Однажды ночью Соломон проснулся в полнейшей темноте. И независимо от того, сколько бы он ни пытался проморгаться, темнота не исчезала.

— Свет, — проскрежетал он. — Где чертов свет!

Раздался чиркающий звук в темноте, и вскоре забрезжил желтый огонек света, принося с собой желанное облегчение.

— Больше не гаси его, пожалуйста.

— Прости, — шокировано прошептала Хаос. — Они сказали, что мы должны экономить свечи, а ты так крепко спал, и я подождала, пока ты не провалишься в по-настоящему глубокий сон.

Слыша, что она вот-вот расплчется, он придвинулся к ней ближе.

— Эй, — прошептал Соломон негромко, протягивая руки, чтобы взять фонарь и

поставить его рядом с собой. Повернувшись к Хаос, он заключил девушку в объятия.

— Прости. Ты не сделала ничего плохого, — Соломон прижался поцелуем к ее щеке, затем к виску, сжимая ее сильнее. Она захныкала и прижалась к нему еще теснее, и в это мгновение он осознал, насколько Хаос была напугана

— Я с тобой, — прошептал он, повалив ее на матрас, чтобы быть еще ближе. Соломон задался вопросом, ответ на который было сложно определить: как долго он не обнимал ее подобным образом? И обнимал ли он ее вообще? И тогда он вспомнил дни тепла и ее пения. Ее запах и нежность, ее бесконечную заботу. Она оберегала его, защищала. Это заставило его тело испытать болезненное желание заняться с ней любовью.

— Как дела у моей красивой девочки?

Она уткнулась лицом в его шею и крепче сжала его в своих объятиях, затем всхлипнула.

— Нет, нет, только не это, — торопливо проговорил он. Его отчаянное желание успокоить ее заставило испытать внезапную боль каждой частичкой своего тела.

— Не стоит. Что это на тебе? Ты что-то сшила? Это, что, твоя свадебная пижама? — поддразнил он ее. Казалось, будто она сшила себе штаны и простую рубашку из простыни. Его тело внезапно испытало прилив желания избавиться ее полностью от этой одежды, чтобы он смог вновь увидеть ее обнаженное тело.

Раздался приглушенный смешок, и он притянул ее лицо для нежного поцелуя. Она издала негромкий стон, и ее губы задрожали под ним, вызывая в нем еще больше ненасытного желания. Затем на смену этим ощущениям пришли отчаянно-болезненные.

— О, Боже, — прошептал он, — мне нужно в туалет.

Хаос подскочила на ноги и поспешила в угол комнаты, затем вернулась со стеклянной банкой с закручивающейся крышкой. В ту же секунду его член дернулся от невероятного давления противоречивых потребностей, и, прежде чем он успел задаться вопросом, как собирается сделать это здесь, при ней, она опустилась на колени и приспустила его больничные голубые штаны. От вида шрамов от ожогов на своем теле его охватил неистовый страх. И затем она обернула пальцы вокруг основания его члена, и все мысли в одно мгновение улетучились, когда она направила его в стеклянную банку. Его тело облегчилось без единой капли сомнения, в то время пока его разум сосредоточился на кратком ощущении ее пальцев на его плоти.

Его взгляд опустился на грудь Хаос, желая увидеть ее еще раз. Воспоминания о том, как она ощущалась на его языке, заставило его член дернуться. Он поднял глаза на ее лицо, и они встретились взглядами на несколько коротких мгновений. Горячее напряжение проскочило между ними, и девушка издала тихий стон, когда вновь обратила внимание на банку. Когда она извлекала его член из емкости, ее прикосновения были нежнее, чем ему хотелось.

Он наблюдал за тем, как Хаос направилась туда, откуда взяла банку, и вернулась с бутылкой воды и кусочком обрезанной футболки. Хаос вновь опустилась на колени перед ним и открыла бутылку с водой, чтобы намочить тряпку.

Желание заставило его тело ощутить тяжесть, когда она потянулась к его члену с тряпочкой и тщательно омыла его. Как часто ей приходилось делать это?

Она опустила тряпку на пол, взяла другую и намочила ее. Она потянулась к его плечу, и его глаза задержались на ее груди, в V-образном вырезе рубашки. Боже, он хотел вновь ощутить ее вкус.

Она прикоснулась к правой стороне его лица, и паника затопила его тело краткими вспышками воспоминаний об ужасах, что он пережил.

— Ш-ш-ш, ш-ш-ш, — прошептала она.

В ту же секунду успокаивающий тембр ее голоса заставил его желать Хаос сильнее, чем прежде. Соломон сглотнул, сосредотачиваясь на том, чтобы отойти от края этой отвесной скалы ужаса, что в данный момент смешивался с его желанием к Хаос.

Сосредоточив взгляд на ее груди, он старался рассмотреть что-нибудь под тонкой белой материей. Он почувствовал, что она накладывает повязку на его голову, и вспомнил, что его обрили.

— У меня, должно быть, тот еще вид с этой ужасной стрижкой.

— Я побрила тебя более тщательно, — прошептала она. — Ну, насколько у меня это получилось. — Он прикрыл глаза, когда она погладила его по голове, ее прикосновение было нежным, шелковистым, как и ее слова.

— Все почти зажило, — она взялась за край его футболки и потянула вверх. Соломон приподнял руки, позволяя ей снять ее. — Ляг на матрас, чтобы мне было удобнее.

Мягкий приказ сопровождался нежным толчком в его плечи, и Соломон повиновался. Он наблюдал за ее лицом, когда она проводила прохладной тканью по его шее и плечам.

— У тебя кажется достаточно опыта. В омовении меня, — добавил он, замечая приступ страха в ее глазах.

— Я каждый день тебя обмывала.

— Как долго это продолжалось? Я имею в виду, сколько я был без сознания?

— Десять дней.

Его удивление переросло в желание, когда она скользнула тканью по его груди, чуть дольше задержавшись на сосках. Он вновь устремил взгляд на ее лицо и задался вопросом: о чем она думала, когда делала это? Хотела ли она его так же сильно, как и он ее? Скучала ли она по их уединению, как и он? Или ужас, который они пережили вместе, испепелил всё ее желание?

— Приятное ощущение, — прохрипел он, чувствуя отчаянную потребность в ней.

Ее глаза устремились к нему, и его член стал тверже от жара, что излучал ее взгляд. Она понятия не имела, настолько ярко-синими были ее глаза, но возможность лицезреть их приносила ему несказанную радость. Она, казалось, не знала, как реагировать на это, и вернулась к тому занятию, что доставляло ему удовольствие. Его сердце неистово билось в груди, когда тряпочка смело скользнула по его бокам, затем кубикам пресса.

Он старался изо всех сил не издавать неподобающие звуки, волнуясь, что она могла истолковать их как болезненные, но... Боже, ему, правда, было больно. Его ранило, что она прикасалась к нему как медсестра, а не как... жена. Соломон прикрыл глаза в надежде, что это предоставит ей возможность действовать более свободно, чем она могла себе позволить под его пристальным взглядом. Она управлялась с его телом осторожно, избегая ожогов, хотя его кожа жаждала ее прикосновений.

Он приоткрыл глаза, чтобы украдкой взглянуть на нее, и обнаружил, что она находится на уровне его бедер. Он не смог сдержать вздох, когда она спустила его штаны. Но все равно ее прикосновения больше напоминали отточенные действия сиделки, нежели любовницы.

Она обхватила основание его члена и провела по его длине тряпочкой. Желание заставило его испытать состояние головокружения и жара. Он хотел, чтобы она прикасалась ко всему его телу. Соломон медленно раздвинул ноги в стороны, предоставляя ей полный доступ, уповая на то, что она воспользуется этим. Его сердце неистово забилося, ускоряя ритм, когда ее глаза вспыхнули огнем, останавливаясь на его груди, затем возвращаясь к

тому, что она делала. Выполняла роль хорошей и милой, подвергающей его тело пытке медсестры.

Напряженное дыхание сорвалось с его губ, когда она неспешными круговыми движениями провела тканью по его набухшему, с выступающими венами члену.

— Могу я тебя увидеть? — наконец, задыхаясь, проговорил он, больше ни о чем не заботясь.

Она взволнованно уставилась на него. Со смесью облегчения, чувства вины, потребности, радости, надежды.

— Если тебе этого хочется, — в конце концов, прошептала она.

Если ему хотелось?

— Я хочу, — произнес он, ощущая надлом внутри себя от того, что она не знала этого. — Больше, чем я хотел бы сделать следующий вдох. — Глаза Соломона опустились на ее руки, его сердце вновь неистово заколотилось в груди, и кровь запульсировала в члене, когда она медленно начала стягивать с себя рубашку. Хаос разместились между его ног, но ее движения по-прежнему были... сдержанными. Боязливymi. Неуверенными.

Она вновь взяла тряпочку, но Соломон остановил ее с хриплой мольбой:

— Прикасайся ко мне только руками. Пожалуйста.

Она прикусила нижнюю губу, и его взгляд остановился на ее груди. Он почувствовал тяжесть в грудной клетке от внезапного прилива желания при виде ее сосков, твердых и жаждущих его прикосновений. Ее руки были нежными, когда она прикасалась к нему с трепетной заботой. Соломон развел ноги еще чуть шире, двигая бедрами в такт ее мучительным прикосновениям.

— Красавица, — прошептал он с мольбой, в очередной раз толкнувшись членом на встречу ей.

Хаос ахнула, и ее пальцы неспешно сомкнулись вокруг его длины чуть сильнее, пока она водила ладонью вверх и вниз по его твердой эрекции в неспешном ритме. Его поясница и яйца были объаты жаром, а дыхание стало прерывистым.

Наконец, Соломон позволил стонам вырваться из горла, подаваясь в ее сжатую ладонь, он смотрел на Хаос. Ее быстро вырывающиеся вздохи придавали ему больше смелости, но в тоже время приносили больше мучений.

— Хаос, — прошептал он, преодолевая желание. — Я хочу почувствовать твой прекрасный рот на моем члене.

Она сдавленно вскрикнула, но в то же мгновение начала опускаться вниз, Соломон приподнялся на локтях и пристально взглянул на девушку.

— О, Боже, Красавица, — издал он хриплым стоном, когда она раздвинула его ноги шире и обхватила основание члена двумя ладонями. Ощущение крепкой хватки на члене заставило Соломона толкнуться бедрами вверх.

— Блять, — проговорил он, когда она проложила торопливую дорожку из поцелуев по всей длине его ствола.

Склонив голову, она приняла каждый дюйм его длины, ее пальцы массировали внутреннюю сторону его бедер, пока ее обжигающие сдавленные стоны "да, да" заставляли его член накалиться от возбуждения до предела. Следом ее ладонь скользнула вверх по его кубикам пресса, двигаясь с опаской, словно опасаясь, что он может исчезнуть в любую секунду. Он испытывал всепоглощающее удовольствие, которое пронзало его тело и разум, разрывая на части ночные кошмары и озаряя каждый темный уголок внутри него.

Запутываясь пальцами в ее волосах, он толкнулся глубоко в ее рот с голодным стоном.

Соломон позволил своей голове откинуться назад, но только для того чтобы сразу поднять ее, продолжая наблюдать за ее потрясающими мучительными ласками, что она обрушивала на головку его члена своими губами и языком.

— О, Боже, блять, — проскрежетал он, вновь откидывая голову назад. — Так чертовски горячо, — прошипел он и начал толкаться быстрее, вновь наблюдая за тем, как он подавался вверх бедрами.

— Иисусе, — тяжело дышал он, смотря на нее затаенными дымкой желанием глазами. — Соси, черт, Красавица, я кончаю, я кончаю.

Она всхлипнула и принудила себя взять глубже его длину в рот, заставляя его член удариться о заднюю стенку ее горла. Это было так чертовски хорошо, что он просто не мог ее остановить, не мог...

— Блять, о, Боже, не останавливайся, возьми его полностью, возьми его полностью, возьми его! — прорычал Соломон, продолжая удерживать ее голову, оставаясь глубоко в ней. Он чувствовал, как сокращаются мышцы ее горла, и слышал, как она сглатывает между своими стонами, заставляя его отчасти бояться, что она может задохнуться.

Хаос продолжила свои ласки, после того как он кончил, облизывая и нежно целуя его яйца с самыми что ни на есть удовлетворенными и сексуальными звуками. Боже, Соломон был уверен, что если она продолжит в том же духе, то он вновь станет каменно-твердым. Пока он прибывал в состоянии полуэкстаза, Хаос, поднимаясь вверх по его телу, оставляла жадные, но в то же время сладкие поцелуи. Наконец, она обрушилась на его губы, и он отвечал такими же посасываниями, облизываниями и укусами. Соломон словно преследовал ее язык, который кружил по его рту, издавая стоны удовольствия от того, что чувствовал свой вкус на ее губах.

Переместившись, он уложил ее на спину, продолжая целовать так же глубоко и жадно.

— Теперь моя очередь, Красавица, — прошептал он. Как только эти слова слетели с его губ, на него обрушились воспоминания, заставляя его замереть.

— Да, пожалуйста, — вздохнула она, извиваясь под ним.

— Я... что насчет твоей...

— Мне не больно, клянусь.

Он склонил голову и поцеловал ее мягкие губы, не веря Хаос.

— Нам следует подождать.

— Нет! — ахнула она, словно безумна. — Пожалуйста... не заставляй меня ждать еще дольше, я обязательно скажу тебе, если будет больно.

Она взяла его за руку, опустив ту на свою грудь, и Соломон издал стон, когда сжал в ладони мягкое блаженство, едва сдерживая свой голод.

— Ты уверена? — он провел ладонью по ее соску, наслаждаясь ощущением под своими пальцами, но особенно ему понравился звук, который издала Хаос. Он захватил ее рот в жадном поцелуе; когда она выгнулась от наслаждения, эти идеально сладкие губы раскрылись. Губы, принадлежащие ему. Все это принадлежало ему.

— Да, пожалуйста, прикоснись ко мне, прикоснись ко мне! — хныкала она.

— О, господи, я буду касаться тебя, буду. Я собираюсь прикоснуться к тебе и заставить тебя испытать жар желания вновь, — он опустил голову и втянул ее сосок в рот, издавая стон, посасывая и перекатывая твердую горошину между губами, затем терзая ее зубами. Ему нравилось, как она реагировала на это, как она впивалась в него ногтями. Заставляя его

испытывать головокружение, опьянение и свободу. Свободу от всего. Соломон покругил языком вокруг твердого пика, ударяя языком по соску, затем прикусывая его, чередуя жесткое и нежное посасывание, скользя вверх и вниз по нему.

— Продолжай, — она переместила его руку себе между ног, и он приподнял голову, чтобы рассмотреть, как она стягивает свои штаны. Вид ее клитора обдал жаром, как его член, так и разум.

— Такая прекрасная, — прохрипел он, желая ласкать ее там языком, пока она не будет сломлена удовольствием под его ртом.

— Прикоснись ко мне там. Пожалуйста.

Стараясь быть осторожным, он скользнул подушечкой среднего пальца по ее клитору.

— Соломон! — ахнула она. — Соломон!

Вскрик его имени, произнесенный таким нежным, пропитанным страстью голосом. Боже, это обжигало его. Он взглянул на ее лицо, пока продолжал поглаживать легкими касаниями твердую вершинку клитора.

— Скажи, что мне делать дальше, — прошептал он, приподнимаясь и целуя уголок ее рта, желая услышать то, как охваченная возбуждением она будет произносить вслух свои желания. Ему нравилось, когда она говорила с ним и уточняла, откровенно делясь тем, что может заставить ее испытать наибольшее наслаждение. Ему нравилось слышать страсть в ее голосе.

— Прикоснись к нему, о, Боже, сделай это, Соломон, — она извивалась, ее руки скользили вверх по ее телу. Когда Хаос ущипнула себя за сосок, отчаянный стон вырвался из его рта.

— И здесь, здесь я тоже хочу твоих прикосновений.

— Покажи мне где, Красавица, сожми его для меня, — Соломон провел языком по ее пальцам и шелкнул по вершинке соска, продолжая нежно поглаживать ее клитор.

— Ну же! Ласкай меня, ласкай меня. Я так... я нуждаюсь в этом!

— Кончай, Красавица, — потребовал он, склоняясь к ней, чтобы глубоко поцеловать, в то время как его палец ритмично поглаживал ее клитор. Она заключила его лицо в свои ладони и крепко сжала, хныча в его рот и отчаянно задыхаясь, когда ее тело сотряслось дрожью и дернулось от сильного оргазма.

— О, Боже, такая идеальная, — проговорил он в ее губы, пока освобождение волна за волной накрывало ее. — Вот так, познай каждую каплю удовольствия. О, Господи, у тебя такая красивая киска, ты знаешь об этом? Я хочу ласкать ее до тех пор, пока ты не разлетишься на кусочки, точно так же как ты сделала это со мной, а ты хочешь?

Она продолжала тяжело дышать, издавая шокированные, ошеломленные звуки, пока ее оргазм медленно не отступал, напоминая ему, как ново это удовольствие для нее. Осознание этого заставило его испытать желание дарить ей такое удовольствие каждую минуту. И он будет делать это. Да поможет ему Господь, он так и будет делать, он будет проводить все это время с ней.

Внезапно она притянула его к себе и обернула ноги вокруг мужчины. Член Соломона затвердел, даже несмотря на то, что его тело сковывал страх.

— Займись... со мной любовью, — молила она, словно не была уверена, что сказанные ею слова были верными.

— Красавица, — шептал он, целуя ее, пока мягко подавался своими бедрами, так что его член легко скользил по ее жару. — Не сейчас, еще не время...

— У меня все зажило, пожалуйста! — она провела ногтями по его спине, ягодицам, и его тело ответило инстинктивно, принуждая его бедра жестко податься вперед. — Обещаю, я знаю, что не заслуживаю этого, но... — резкая боль настигла его при виде ее глаз, полных слез. — Мне необходимо ощутить тебя! — произнесла она надломленным голосом.

Он погрузился в ее рот, чтобы обезоружить ложь, которой был одержим ее прекрасный разум, целуя глубоко, скользя головкой члена по ее шелковистой плоти. Она издала крошечный всхлип в его рот, и он оторвался от нее, провел языком по ее восхитительным губам.

— Я займусь с тобой любовью. Моя жена. Прямо сейчас, прямо здесь.

Соломон отстранился и взглянул на ее лицо, в попытке обнаружить хоть какие-то признаки боли, когда он прижался к ее входу. Она выгнулась, пытаясь постигнуть такое желанное удовольствие, Хаос отчаянно смотрела на него разгоряченным взглядом. — Да! Я хочу этого, я так сильно этого хочу, Соломон, — умоляла она, подаваясь бедрами навстречу ему.

Приподнявшись, Соломон, навис над ней, опустил взгляд, смотря на место соединения их тел, бережно направляя свою длину в ее лоно. Он едва проник в ее тело, а затем замер от её резкого вскрика.

— Не останавливайся, — она затрясла головой и скользнула рукой по его груди, пока другая ее рука дрожала на его лице. — Я так отчаянно в этом нуждаюсь. Я так нуждаюсь в том, чтобы ощутить тебя глубоко внутри.

Он прикрыл глаза и прильнул к ее ладони, прежде чем вновь прижаться к ней телом. Оставляя нежный поцелуй на ее губах, он толкнулся глубже, поглощая ее крик. Она удивила его, слегка прикусив за губу, чем еще больше разожгла его желание, побуждая глубже погрузиться в ее тело.

Господи, он еще никогда не слышал более прекрасного звука, чем исторгнутый ею крик; он никогда не чувствовал ничего более прекрасного, чем ее пальцы, что ласково прикасались к его затылку. Оставаясь все еще глубоко в ее теле, их громкие и прерывистые вздохи смешивались, пока они целовались.

— Сделай это, — простонала она.

Он неспешно вышел из ее тела и вновь скользнул, жестко втягивая в рот нежную кожу на ее шее.

— Боже, да, — простонал он, его губы оставляли поцелуи на ее плече. То, как впились ее ногти в его задницу, заставило вспыхнуть в нем желание двигаться быстрее. Он медленно вышел и быстро толкнулся обратно, без всякого промедления в этот раз. Соломон поднял голову и посмотрел на девушку, сторающую в муках желания, ее ладони на его бедрах подталкивали его жестче вонзаться в нее.

Он совмещал свой неистовый голод с ее отчаянным темпом. Соломон отдался утолению ее потребности, пока ее стоны не стали непрерывным нежным звуком. Сильнее, быстрее, жестче — они вторили каждому требовательному толчку его члена.

Его оргазм накапливался и прибывал, как устойчивая приливная волна, и вновь он приподнялся и опустил взгляд между ними, наблюдая за тем, как его член входит и выходит из ее тела.

Наблюдая за этим, он почувствовал, как неудержимое пламя разгорелось еще сильнее. Мужчина начал вколачиваться сильнее и сильнее, пока стоны Хаос не достигли своего пика. Это было самой идеальной мелодией, которую он когда-либо слышал. Его взгляд

остановился на ее потрясающей груди, подпрыгивающей с каждым толчком его члена. Это ощущение ввело его в состояние забытья, скручивая его мышцы в самом жестком оргазме, который он когда-либо испытал. Он едва смог подавить звуки, которые исходили из его нутра, в попытке вырваться наружу.

Когда буря улеглась, он практически рухнул на нее, пока они вдвоем восстанавливали дыхание на протяжении целой минуты. Пот покрывал их тела, а их сердца неистово стучали в унисон в том месте, где их грудные клетки прижимались друг к другу.

Усталость. Соломон уже ощущал это состояние в своем ослабленном теле. Ему придется дорого заплатить за этот героический секс-марафон. Он, вероятно, вновь выйдет из строя с растяжением мышц во всех возможных местах.

Но, Боже, это стоило того. Чтобы пребывать в состоянии полного очищения и истощения от их первого занятия любовью. Лежа рядом с ней, он все еще оставался внутри нее, поглаживая руками ее тело, стараясь не разрушить эту глубокую связь, которая установилась между ними.

— Я...

Он замер, охваченный страхом, поднимая голову.

— Что случилось?

— Просто нужно в ванную.

Рыча и крихтя, Соломон медленно, испытывая облегчение, отстранился от нее, тут же задаваясь вопросом, каким образом она собиралась сделать это. Не то чтобы он успел внимательно осмотреть место, которое на данный момент было их временным домом, но все, что ему удалось разглядеть в их комнате, свидетельствовало о том, что там дела обстоят не лучше. Видя, как она обернула вокруг своего тела тонкую простынь, Соломон заволновался, куда она могла пойти.

— А где здесь ванная? — если она находилась где-то снаружи, то Хаос определенно не пойдет туда.

— Я пользуюсь горшком в углу комнаты, — ее радостный голос дал ему понять, что это было одной из самых лучших особенностей их временного жилья.

Горшок в углу. По крайней мере, это лучше, чем выходить на улицу. Он наблюдал за ней, но все, что видел, это едва различимые движения белой простыни в дальней части комнаты. Но не в той же стороне, откуда она принесла воду; было похоже, что она расположила вещи с удобством для использования. Он чувствовал, что это был хороший знак, полагая, что ее душевное состояние преодолело ее безумное прошлое. Любой вид порядка казался ему хорошим признаком, по крайней мере, он надеялся на это.

Осознавая, что пристально смотрит на девушку, он отвел взгляд в сторону и осмотрел грязные стены и темные углы комнаты. Чем дальше он продолжал смотреть, тем больше ему начинали чудиться разнообразные сферические образы в тенях, которые усиливали чувство страха, что пробиралось в данный момент к нему под кожу. Черт возьми, что это за херня?

Он обернулся, когда Хаос вернулась обратно, взяла лампу и направилась в заднюю часть комнаты.

— Посмотри, — проговорила она взволнованным тоном.

Соломон перекатился на живот и заметил, что она что-то держит в руках. Он сфокусировал взгляд в попытке рассмотреть странный объект.

— Это хлопущка для мух! — выдохнула она вне себя от радости. — И на это посмотри. — Она держала старый черный телефон с дисковым набором, тот у которого

прямой провод вместо шнура. Она продолжала показывать ему вещи, которые для нее определенно являлись сокровищами. — Я нашла семь банок. И посмотри еще на это! — произнесла она, визжа от восторга.

Соломон силился рассмотреть, что это было.

— Что это, черт возьми, такое?

Она захихикала и поспешила к нему, чтобы показать, и Соломон подпрыгнул, когда показались крошечные зубчики кошелька.

— Господи Иисусе, где ты взяла это чудовище?

Она рассмеялась и поспешила вернуть его на место.

— В шахте. Чернокожий мужчина разрешил мне гулять по ней.

— В шахте? — его сердце заколотилось от возможной опасности, которой она могла подвергнуться. — Откуда ты знаешь, что это безопасно?

— Безопасно? А почему, собственно, это не должно быть безопасно? — проговорила она, произнося слова с явным любопытством.

— Ну... например, потому что они могут напасть и... мы не знаем, возможно, там есть кто-то, кто ищет нас.

— О, нет, — произнесла она беспечно. — Мастер не пойдет в шахты. — Она молчала в течение длительного времени, возможно, осознавая то, что на ее прежние представления о жизни больше нельзя полагаться. Особенно теперь, когда она знала, что Мастер был лгуном и дьяволом во плоти.

— Ты собрала настоящую коллекцию, — проговорил он, не желая, чтобы она заикливалась на его словах.

Хаос тут же оживилась, продолжая показывать ему различные странные вещицы, которые, как она полагала, были совершенно бесценными.

— И вот посмотри! — тяжело дыша, она присела на корточки, чтобы показать ему куклу. От взгляда на нее, кожа Соломона покрылась мурашками. Она, кажется, даже не замечала или не придавала особого значения тому, что кукла больше была похожа на игрушку, одержимую демоном из фильма ужасов. Пока Хаос поглаживала то, что осталось от этой мерзкой штуковины, на Соломона вдруг обрушилось понимание того, что, вероятно, у девушки никогда не было куклы.

— Она... симпатичная, — проговорил он.

Хаос захихикала.

— Ну, когда-то точно была. Когда-то она принадлежала маленькой девочке, которая ее очень сильно любила. У нее был дом и собственная жизнь, и, похоже, они проводили много времени вместе, играли и делились секретами. Я назвала ее Марси, — она бросила взгляд на Соломона и положила куклу. — Поскольку я не знаю, как ее зовут, мне пришлось назвать ее первым именем, которое пришло мне в голову.

Сердце Соломона защемило от того, как она объяснила, почему она назвала ее этим именем, даже не осознавая, что давать имена куклам было необычно (Прим.: Марсу созвучно с Мерсу, что с англ. переводится как «милосердие, пощада»).

— Иди ко мне, Красавица. Мне холодно без тебя. Иди сюда и расскажи о своих сокровищах.

Она смотрела на свою грудку вещей достаточно долгое время, чтобы он мог предположить, что она явно не в восторге от его приказа. Но, прежде чем он смог решить, как исправить ситуацию, она поторопилась обратно и распахнула свою простынь,

официально заставляя забыть Соломона обо всем остальном.

Он заключил ее в свои объятия и укрыл их обоих простыней, даже несмотря на то что температура в комнате была довольно комфортной. Легкое покрывало придавало ощущение безопасности и удерживало тепло их тел.

Хаос устроила голову у него на груди. Сплетаясь руками и ногами, они прижались друг к другу.

— Как ты думаешь... мы когда-нибудь еще увидим опоссума и Чампа снова?

Ее теплое дыхание согрело его, в отличие от тоски в ее словах.

— Я не знаю, Красавица, — проговорил он, чувствуя, что ответить ей честно будет наилучшим решением. — Знаешь, а ведь мы всегда можем завести еще питомцев.

Она рисовала крошечные рисунки кончиком пальца на его груди.

— Это уже будет не тот опоссум.

— Нет, не тот, — пробормотал он, ласково поглаживая ее по локонам волос.

Они вдвоем погрузились в сон, и он прижался носом к излучающим тепло волосам, что, казалось, успокоило их неистовое желание безостановочно сплетаться телами, в попытке стать еще ближе.

— Я люблю тебя, Красавица, — едва слышно пробормотал он, его дыхание выровнялось, и мышцы расслабились. Они занимались любовью. В первый раз. Он занимался любовью со своей женой, его милой, красивой, разбитой на миллионы кусочков женой. Все казалось... правильным.

- Пора уходить, — проговорил Джимми.

Джо посмотрел на чернокожего мужчину, который сидел напротив него, одетый в синие джинсы, закинув одну ногу на колено, продолжая что-то строгать и строгать.

— Что происходит? — спросил Джо. Становилось по-настоящему трудной задачей сдерживать раздражение в голосе. Он был взвинченным, но готовым. Готовым оказаться где угодно, но только не в обществе этого безграмотного и не отвечающего на вопросы человека. У него было ощущение, словно он провел в этом грязном логове вместо десяти дней целое десятилетие.

— Они придут, — односложно произнес тот.

Джо замер.

— Кто? Кто придет?

— Они, — ответил он, его брови приподнялись, но глаза не утратили загадочности.

Они. Они. Джо начал ходить кругами, когда спокойствие, присущее ему, стало давать трещину.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувю их. Нутром. Так же чувю приближение непогоды. Холодов.

— У меня такое же ощущение, — пробормотал Джо, готовый заpastись и обложиться оружием. — Как думаешь, как они нашли нас? Я говорил тебе, что было плохой идеей позволять ей бегать по шахте, откуда тебе знать, что она не нашла выход и не была замечена?

— Она не покидала шахты, тут только один выход.

— К счастью, она не потерялась в них, — пробормотал Джо, продолжая мерить комнату шагами. Джимми был уверен, что с ней все хорошо, что все было в полном порядке. Тогда давайте просто сядем и будем радоваться восходу и цветущим розам, сохраняя чертовое спокойствие.

— Она умная девочка

— Умная?

Он взглянул на него своими холодными зелеными глазами.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — проговорил он, его голос был низким и предостерегающим. — Она чертовски сообразительна в том, что знает, а знает она больше, чем ты думаешь.

Она была умна. Чертовски умна. И не имело значения, что скрывается за теми кусочками пазла этой отвратительной истории, о которых не знает и не желал узнавать Джо. Единственное, что он хотел знать, это когда они покинут это грязное место и уберутся прочь из города. Это все, что его волновало.

— Так они выследили тебя?

Взгляд этих зеленых глаз неспешно переместился в его сторону с "ты испытываешь мое терпение" выражением.

— Им об этом поведал Дьявол.

— Так что же нам делать дальше? Это все, что я хочу знать. Я хочу знать, куда мы направимся, что будем делать.

— Нам нужно разбудить паренька, тогда я смогу выяснить все, что нам нужно.

— Соломона? Откуда ему что-либо знать об этом?

— Он знает о таких вещах, о которых и сам не подозревает. Мне нужно вытянуть это из него, так же как избавляют организм от плохой крови.

— А что насчет нее?

Он вновь бросил на него взгляд, в котором читалось: "не будь глупцом".

— Тебе прекрасно известно, что я не собираюсь иметь никаких дел с этой девчонкой, ее разум балансирует на краю адской пропасти. Ты и сам прекрасно это видишь, — чернокожий мужчина указал в его сторону ножом для строгания, — и не стоило вытворять с ней подобное...

— Мне это прекрасно известно! — воскликнул Джо. — Я тебе говорил об этом уже раз пятнадцать. Откуда мне было знать, что она поведет себя таким образом? Я задал ей всего один вопрос! — прошипел он.

— Просто не забывай, что я сказал тебе. Она особенная. Сам Господь направляет ее. Это единственная причина, по которой она все еще жива и смогла выбраться из этого ада.

— А Соломон? Ты мне, наконец, скажешь, что тебе известно о нем? Все эти тайны! — произнес Джо, продолжая сверлить чернокожего мужчину взглядом, продолжая нервно ходить по комнате. — Необходимо прекратить это прямо сейчас. Сегодня. Он мой сын, моя кровь и плоть. И не смей смотреть на меня, будто это ни хрена не так, не имеет значения, кто его настоящий отец. Я его отец, и не смей думать иначе.

— О, а я и не думаю.

Джо подошел к мужчине, чтобы сесть рядом с ним, желая вытрясти из него ответы. Прошло десять дней, и ничего кроме чертового бреда, это все, что ему удалось вытащить из него. Если этот мужчина произнесет хотя бы еще одну сатанинскую чушь, то он схватит в охапку своего племянника и девчонку, и они покинут это место, вооружившись до зубов.

Откуда ему было знать, что чернокожий мужчина не приведет к ним сумасшедших мудаков? Джимми не было никакого резона помогать им и прятать их только для того, чтобы впоследствии выдать, но разве все, что касалось этих событий, имело хоть какой-то резон? Это могло быть частью психологического спорта: отпускать и преследовать жертву, загонять до тех пор, пока разум человека не распадется на куски.

Чернокожий мужчина рассмеялся.

— Что смешного, не хочешь поделиться со мной? — выплюнул Джо, готовый убить кое-кого. — Что-то помимо твоих загадочных вуду — штучек?

— Никакого вуду в моем присутствии, — пробормотал он, его голос вновь стал раздраженным.

Боже, да он мог злиться сколько угодно, Джо уже было наплевать. Возможно, когда-то его волновало это, но, зная, что те ничтожества вновь сновали где-то за пределами шахт, поджидая их, ему стало абсолютно насрать.

Паника заставила его подскочить со стула, и он направился проведать Соломона. Его дыхание отдавалось эхом в абсолютной тишине, когда он увидел двух спящих голубков. Он развернулся и пошел обратно в главную комнату, пытаясь убедить себя, что возможность пробраться у них под носом сюда, чтобы выкрасть Соломона, была запредельной и маловероятной. Воздух в шахте и вокруг нее был плотным и заполненным злом, предчувствием скорой беды, хотя Джо был крайне удивлен, что ничего плохого еще не произошло.

Вернувшись в комнату к Джимми, он был готов умолять, чтобы тот, наконец, заговорил, сказал хоть что-то. Он чувствовал, будто теряет свой рассудок, и, Господи, помоги ему, он

просто не мог позволить себе сделать этого. Он осмотрелся вокруг, не желая сидеть сложа руки, и поэтому направился в свой угол комнаты и занялся оружием. Он чувствовал себя словно подопытная крыса, которая выполняет заданный алгоритм действий, повторяя их снова и снова, до тех пор, пока не пройдет гребаный тест или же не умрет от бесконечных попыток.

— Ты затрешь его до дыр.

Он вытащил обойму из магнума.

— Если я не буду делать хоть что-то, то просто сойду с ума.

Джимми низко рассмеялся.

— Тогда ты нашел для этого подходящее место.

Джо продолжал напоминать себе, что нужно быть благодарным человеку, который спасает их задницы. Джо отправился на поиски Соломона в одиночку, после того как умолял его о помощи. И единственное, что Джимми сказал ему, было: «Возможно, тебе стоит проверить библиотечные отсеки в туннелях».

Джо хотелось прикончить его голыми руками. Библиотечные отсеки в туннелях. Он потратил целый день впустую, пытаясь найти хоть что-нибудь, относящееся к туннелям. Но ничего, кроме бесполезного дерьма, связанного с горнодобывающими разработками в городе. Он просматривал одну книгу за другой, в поисках упоминаний о психиатрической лечебнице или церкви. Ничего. Только на четвертый день предчувствие подсказало ему сосредоточиться вновь на психушке. Именно тогда он и обнаружил старую схему здания. В особенности железнодорожные пути под зданием, которые использовались для доставки на огромные расстояния. Могли ли это быть те самые туннели, про которые говорил его странноватый друг?

Затем он прочел об автономном обеспечении психиатрической клиники, и его подозрения укрепились. Все обеспечение у них было собственное, даже крематорий и комнаты, использующиеся для бальзамирования. Ухватившись за возможность, он тщательно расспрашивал об этом в городе, выдавая себя за дальнего родственника одного из заслуженных врачей психиатрической лечебницы, про которого прочел. Эти поиски привели его к мистеру Мэйкеру, пожилому мужчине, содержащемуся в доме престарелых, который болтал без умолку про туннели, располагающиеся под респектабельной государственной больницей для душевнобольных, и ведущие в ад.

Это была единственная зацепка, но это все, чем располагал Джо. Поэтому он еще раз обратился к Джимми, который ошарашено спросил:

— У тебя есть схема здания?

И это было тем, чего он так долго добивался, внезапно странный чернокожий мужчина с ледящими душу зелеными глазами был готов помочь.

— Тебе нужно запастись оружием. Будь готов к битве, это единственный путь спасения.

Джо не посмел задавать лишних вопросов, кроме одного:

— Куда мне принести его?

Что и открыло эту магическую дверь, Джо не знал и не желал знать. Он просто проскользнул туда до того, как она вновь захлопнулась. Затем он направился в лес следом за Джимми, в хорошо спрятанную хижину, где, к его неописуемой радости, находился небольшой склад боеприпасов, с помощью которых можно было устроить мини-Армагеддон.

Спасибо. Тебе. Господи.

Сейчас Джо заряжал патронами пистолет. Он находился на еще одном перепутье,

застряв в этой шахте с чернокожим мужчиной. К его переменчивому счастью. Он не хотел раскачивать лодку и рисковать тем, что эти психопаты могли ее перевернуть, как уже происходило ранее.

— Туда, где должно быть, — ответил этот сумасшедший. Откуда Джо было знать, где будет происходить их следующее по плану "туда, где должно быть" собрание?

— В каком направлении нам идти, чтобы выбраться из города? На случай если что-то случится с тобой, я хотел бы знать, в какую сторону нам бежать.

Хриплый смех вырвался из чернокожего, словно это было хорошей шуткой.

— Кто собирается бежать?

Джо вздрогнул от звука голоса Соломона и на него снизошло осознание:

— Ты ходишь!?! — волна радости и облегчения накрыла Джо. Он волновался, что ему придется нести его, и это обещало быть еще той задачкой, если ублюдки сядут им на хвост.

Соломон взглянул на свои ноги.

— Ага. Хожу.

Джо поспешил к нему, полный эмоций, что теснились в его груди.

— Слава Богу, с тобой все в порядке, — едва слышно прошептал он, аккуратно обнимая племянника и прикусывая язык, чтобы не проговориться о том, что необходимо было сказать ему: "Они идут".

Несмотря на то, как бы ему не хотелось рассказать об этом, он не желал пугать его. Парень переживал серьезный посттравматический стресс после случившегося с ним. Джо почувствовал неловкое удивление, когда услышал приглушенные звуки занятия сексом, которые были слышны через толстые глиняные стены, но в тоже время Джо испытал и облегчение. Это было признаком того, что племянник выздоравливал, и спасибо Господу за это.

После того как он стал свидетелем, как у девушки случился практически психический припадок, он был счастлив и за нее. Насколько бы он не хотел злиться на нее за то, что она послужила причиной всего этого, теперь он чувствовал ответственность и за нее. Ее слова до сих пор вызывали у него кошмары, а речи Джимми также ничем не помогали в этой ситуации.

— Эту девчонку растили на протяжении всей ее жизни с осознанием того, что внутри нее заключен ад! Она воспринимает страдания паренька тяжелее, чем свои собственные. А она терпела подобное годами.

Джо не знал этого. Соломон упоминал об этом, но... он никогда по-настоящему не верил, что все было настолько плохо.

— Так кто собирается бежать? — прошептал Соломон.

— Мы, — просто ответил Джимми. Джо повернулся и пристальным взглядом посмотрел на чернокожего мужчину, который в данный момент поднялся на ноги и направился к ним. — Дай мне посмотреть твою правую руку, — проговорил он Соломону.

Соломон замялся, затем протянул ему свою руку.

Чернокожий мужчина уставился в глаза Соломона. Взяв его за запястье, он развернул руку ладонью вверх. Затем он вложил в его ладонь старый ключ, который своей формой напоминал скелет. Джо пригляделся и понял, что тот был деревянным. Так вот что он строгал на протяжении многих дней? Ключ?

Соломон взглянул на него.

— Не спрашивай меня, что это такое, — проговорил мужчина, поворачиваясь, чтобы

медленно вернуться к своему стулу. — Я увидел его во сне. Его очертания настолько четко запечатлелись в моем разуме, что я почувствовал необходимость сделать его и отдать тебе. Кажется, ты знаешь, как с ним поступить, лучше меня?

Соломон вскинул брови.

— Я не знаю...

— Понимание придет. Как и предназначение ключа. На данный момент этого достаточно, — чернокожий мужчина указал на него, чтобы тот присел рядом с ним. — Мне нужно поговорить с тобой.

Джо кивнул, когда Соломон стрельнул в него взглядом, затем подошел. Черт возьми, он был очень истощенным и ослабленным.

Соломон опустил на стул рядом с чернокожим мужчиной, а Джо остался на своем месте в ожидании, начиная вновь нервно ходить по комнате.

— Ты встретился с Мастером, — проговорил Джимми, зная все наперед. — Что мне необходимо знать, так это... встретился ли ты с Королевой?

* * *

Сердце Соломона неистово забилося в груди при упоминании Мастера. О, да, он встречался с Мастером. Но упоминание о Королеве добавило достаточно волнения к той сумятице чувств, что он испытывал, чтобы не позволить ужасным кошмарам вновь завладеть им.

— Королева... — он покачал головой. — Нет, я не встречался с Королевой.

Джимми уставился на него, кивая головой, словно китайский болванчик.

— Ну, а ты хотя бы видел ее? — спросил он тихим и мягким тоном.

Соломон отрицательно покачал головой.

— Из того, что я помню, нет.

Джимми перевел свой взгляд вперед и начал издавать странные, похожие на стоны, звуки, слегка покачиваясь, словно всматриваясь в сокрытое от остальных окно.

— Тебе необходи-и-и-и-и-и-и-мо встретиться с ней, — прошептал он, его подбородок начал подрагивать и дергаться, пока рот оставался приоткрытым. — У нее есть ответы. У нее есть ответ на это проклятье. Она знает.

— Она зна-а-а-а-а-а-а-а-а-а-ет! — раздался пронзительный крик Хаос, заставивший Соломона подскочить со стула.

Он кинулся в комнату и обнаружил ее стоящую и смотрящую в пустоту широко распахнутыми глазами, такими же как у Джимми, задыхаясь в попытке сделать вдох, затем она вновь пронзительно закричала:

— Она зна-а-а-а-а-а-а-а-а-а-ет!

Он обхватил ее руками.

— Хаос! Хаос, посмотри на меня!

Она повернула к нему голову с широко распахнутыми глазами, полными нечеловеческого ужаса.

— Она знает, — прошептала она, — Королева знает, она знает!

— Что она знает, что она знает?

— О проклятье! Она сама является этим проклятьем! — завопила Хаос с искаженным от ужаса лицом.

Соломон вышел вместе с ней из комнаты, подводя ее к Джимми, чтобы разобраться, какого хрена происходит, почему она продолжала говорить одно и то же, и что все это значило!

— Помоги ей, — закричал Соломон, как только они оказались перед человеком, который все еще пребывал за пределами адекватного состояния, но старался прийти в себя. — Да помоги же ей! — взревел Соломон на него.

— Она знает, она знает, — шептала Хаос, покачиваясь вперед и назад.

Джимми поднялся и посмотрел Соломону прямо в глаза.

— И когда ты уйдешь, не смей забирать с собой какие-либо секреты, потому что Мисс Мэри, она очень стара и слаба, а им бы не хотелось наблюдать за ее страданиями.

О чем, мать вашу, он говорил?

— Как нам покинуть город? — потребовал ответа Джо.

— Вы возьмете мой грузовик, — в данный момент Джимми развернулся к Джо. Покопавшись в кармане, он выудил оттуда свои ключи. — Он стоит, ожидая вас у подножья горы, спрятанный в ветвях деревьев. Видишь эту звуковую кнопку? — он указал на то, что с виду напоминало брелок сигнализации автомобиля. — Когда вы доберетесь до края леса, нажми ее, — он выдал ленивую усмешку. — Прислушайся к звуку. Затем просто следуй на звук, нажимая на кнопку, пока не поймешь, откуда он доносится.

— Ну, и как мы доберемся до края леса? — спросил его дядя.

— Поспеси, — проговорил он, подталкивая их к двери. — Вам нужно идти.

Хаос развернулась в противоположном направлении, но Соломон быстро ее перехватил.

— Мне нужно забрать Марси!

— Нужно идти сейчас же! — прорычал Джимми, направляясь на улицу. Дядя Джо нагрузил себя оружием и торопливо шел к выходу, а Соломон схватил Хаос за руку и потянул за собой.

— Я куплю тебе другую куклу, Красавица! Обещаю!

— Но ей будет страшно! — девушка всхлипнула, позволяя ему утянуть себя.

— Ей не будет страшно, она смелая, как и ты! Она будет охранять твои сокровища, и когда все неприятности пройдут, мы вернемся и заберем ее, я тебе обещаю.

Она, казалось, приняла его слова, и они бегом последовали за Джимми, спускаясь с холма. На улице было светло, и у Соломона заболели глаза от яркого света.

Спустя пять минут бега он понял, что недостаточно окреп, так как ощущал головокружение, все больше затуманившее его сознание, а его веки начали тяжелеть.

Он оглянулся через плечо, готовый увидеть преследующие их фигуры в черных плащах. То, как вел себя Джимми, внушало ощущение того, что они были прямо за ними. Дядя Джо делал то же самое, находясь впереди него.

Каким-то чудом Соломон сумел добраться до подножия холма, не упав вперед лицом. Затем они бежали по равнинной местности примерно около мили. Он был уже готов закричать, когда Джимми остановился и указал им путь.

— Двигайтесь примерно еще две мили в этом же направлении, никуда не сворачивайте. Когда достигните дороги, сделайте так, как я вам сказал.

Джимми развернулся к Соломону.

— Это еще не закончилось, парень. Еще не конец. Скоро увидимся.

Они вновь побежали, и все, что крутилось в голове Соломона, складывалось в одну фразу: «Ни за что на свете». Нет, он не собирается с ним видеться в ближайшем будущем. Блять, ни за что.

Наконец, они достигли дороги, и дядя начал нажимать кнопку на брелке. Он шел по дороге, держа его в поднятой руке, в тот момент, когда Соломон увидел что-то позади них. Волоски на его теле приподнялись от ужаса, казалось, его разум воссоздавал темные очертания фигур в каждой тени.

— Я слышал! — Соломон развернулся и указал в ту сторону, откуда предположительно исходил звук, и они бросились в том направлении, звук сигнализации становился все громче. Как и обещал Джимми, грузовик был скрыт под ветками деревьев, едва различимый.

Оглядываясь по сторонам, они убрали ветки с грузовика и забрались внутрь. Продолжая вглядываться в окружавший их лес, дядя Джо пробормотал:

— Для того, кто кажется таким ненормальным, он определенно обладает долей здравого рассудка.

Двигатель ожил при первом же повороте ключа, и Джо, поблагодарив Господа, выжал педаль газа, выезжая на пустынную дорогу.

Первые пять минут они всматривались в зеркала и окна. И когда никто не появился, пустившись в погоню за ними, они, наконец, смогли немного перевести дыхание.

- Ну, и где мы теперь находимся, черт возьми? Поищи карту в бардачке, — сказал дядя Джо.

Соломон открыл его и не был удивлен, когда обнаружил тот пустым. Он осмотрелся по сторонам, заглядывая под сидение, но и там ничего не было.

— Слишком чисто для сумасшедшего, — прошептала Хаос.

Услышав ее голос, прозвучавший странно, он посмотрел на Хаос и увидел, как она настолько сильно вонзила ногти в собственную ладонь, что отметки от них начали кровоточить.

Он схватил ее руку и переплел их пальцы, крепко сжав. Ей просто необходимо за что-то держаться, это чувство было ему знакомо.

— Там знак, — сказал Соломон, указывая рукой. Они проехали мимо него, и Соломон догадался, что они были в Кэмдене.

— Проклятье, мы на противоположном склоне горы. Прошло уже порядком времени, но я еще помню дорогу к границе штата.

Слова Джимми про мисс Мэри вернули его к ощущению паники.

— Нам нужно добраться до мисс Мэри и забрать ее с нами.

— Что? — воскликнул дядя.

— Ты слышал, что сказал Джимми, они причинят ей вред. Я не могу оставить ее, дядя Джо. Кроме того, я ее опекун, который пропал без вести, она уже может быть мертва к этому времени, она же старая женщина! Поэтому мы поедem к ней, заберем, а потом свалим отсюда ко всем чертям. Мы можем выехать на магистраль в конце дороги. Она выведет нас к шоссе 119.

— Иисусе, Соломон, — прорычал он. — Я все еще не могу связаться с твоим отцом, — пробормотал он, — а то сказал бы ему позаботиться о ней. Чутье мне подсказывает, что с ним тоже могла произойти беда, — произнес дядя, посматривая в зеркала бокового вида. — Я оставил ему сообщение, но теперь жалею, что сделал это.

— Мастер считает себя отцом Соломона, — выдохнула Хаос, покачиваясь из стороны в сторону.

Дядя Джо взглянул на племянника, приподняв брови, и Соломон догадался, что тот считал девушку полоумной. Соломон помнил, что Мастер сказал про его мать. Он был лжецом, но могло ли это быть правдой? Было ли что-то известно его дяде? Но главный вопрос состоял в том, хотел ли Соломон знать правду?

— Он действительно так считал, — пробормотал Соломон.

На какое-то время в грузовике воцарилась тишина, что вполне устраивало Соломона. Если ему представится возможность никогда больше не говорить об этом, он будет счастлив. Молодой человек выглянул в окно, наблюдая за лесом, в попытке увидеть что-нибудь необычное, отчасти все еще ожидая, что на дороге могут появиться темные фигуры, преграждая им путь, чтобы вновь утащить с собой в преисподнюю.

— Как ты нашел нас? — Соломон задавался этим вопросом еще с того времени, как пришел в себя в достаточной степени, чтобы рассуждать здраво.

Дядя пересказывал ему все сумасшедшие события, пока сосредоточенно следил за зеркалами. Соломону показалось, что вся история была выдумкой, потому что он точно знал,

что все это звучало абсолютным бредом.

Наконец, они добрались до дороги, которая вела к дому мисс Мэри, и свернули на нее.

— Мы зайдем в дом, но мы не в гости пришли, сынок, понимаешь? И, если она не захочет ехать с нами, уезжаем без нее, ясно?

— Да, — ответил Соломон, и на него обрушился весь ужас осознания возможного исхода. Она может не поехать с ними? Он даже не задумывался о том, что мисс Мэри может отказаться. О чем он только думал? Что если она не согласится? Сможет ли он убедить ее?

— Я просто не могу позволить ей остаться, — твердо сказал он.

Дядя помолчал, но задал вопрос:

— Ты, что, планируешь похитить ее, если она откажется?

Господи. Он задумался над тем, сколько времени она была без присмотра. Она могла быть мертва или страдала от голода. Она могла упасть где-нибудь и остаться там умирать, тщетно ожидая его появления. В его голове закружились образы того, как ее тело заживо поедали животные, возможно, даже ее собственные питомцы, которых он принес ей для того, чтобы они обеспечивали ей более комфортную обстановку. А если она была жива, то как существовала без него? Пока эти маньяки разгуливали на свободе? Она была просто обязана поехать с ними. Соломон был абсолютно уверен насчет одного... эти проклятые ублюдки будут использовать ее, чтобы добраться до него.

Возможно, ему следовало усыпить ее чем-нибудь. Но с его удачей он, скорее всего, убьет ее передозировкой. Дела обстояли хреново, очень хреново.

Они осторожно подъехали к дому мисс Мэри, и дядя Джо развернул грузовик так, чтобы в случае чего они могли быстро скрыться. Соломон огляделся, задаваясь вопросом, сколько сейчас времени. Они сидели в грузовике на протяжении пары мгновений снаружи ее дома, тщательно изучая окружающую обстановку, дядя Джо зарядил оружие. Он передал Соломону карманный револьвер. Тот с благодарностью принял его, вновь осматривая местность, стараясь не упустить любое движение в тени.

— Я знаю это место, — без тени волнения проговорила Хаос, осматриваясь по сторонам. — Но не знаю откуда.

— Пошевеливаемся. Быстро туда и обратно, — отчеканил дядя, распахивая дверцу.

Соломон потянул Хаос за собой к входной двери, держа ее руку в смертельной хватке.

— Ты стучишь, я стою на стреме, — прошептал дядя, как только они ступили на крыльцо.

— Мисс Мэри? — Соломон постучал в сетчатую дверь достаточно громко, чтобы она услышала, даже если бы спала крепким сном.

— Соломон? — раздался изнутри ее голос, и его чувство паники сменилось облегчением, когда он обхватил дверную ручку. Ее голос звучал приглушенно.

— Заходи, — прокричала она. — Дверь открыта.

— Я вижу, — пробормотал он, приоткрывая ее совсем немного, прежде чем прокричать: — Вы одна?

— Ну, у меня нет здесь мужчины, если ты это имеешь в виду. Только я и Декстер.

Соломон толкнул тяжелую дверь, и омерзительное зловоние от гниющего мусора и еды, которое он ожидал почувствовать, не коснулось его носа. Он спешно прошел в дом, убеждаясь, что они одни. Дом был чистым. Кто ее навещал?

На ее лице отразился шок при виде Соломона.

— Что, черт возьми, случилось с твоей головой? Где волосы? Ты выглядишь болезненно

худым! — его охватило странное ощущение, и Соломон подошел к окнам, тщательно осматривая все вокруг.

— Все в порядке? — поинтересовался дядя Джо.

— Ты кого-то привел с собой? Если бы я знала, что ты придешь с компанией, я бы привела себя в порядок и убралась. — Затем она воскликнула: — Да... Я бы так и сделала, это ты, Джо?

— Да, мэм, — проговорил его дядя. — Как ты, Мэри?

— Ну, по большей части в порядке, — ответила она, и ее рот растянулся в беззубой улыбке. — Ты совершенно не постарел, хорошо выглядишь.

— Спасибо, Мэри. Ты тоже не выглядишь на свой возраст.

Это заставило их громко рассмеяться, а Соломон подошел к Мэри и опустился на колени рядом с ней.

— Это Хаос, а дядю Джо вы помните.

— Конечно, помню, я старая, а не выжившая из ума! — как будто это не являлось частью процесса старения. Опять же, Соломон был удивлен, что не почувствовал от нее запаха неухоженной старухи.

— А как вы себя чувствуете? — прошептал он, нащупывая ее ледяные руки. — Вы едите? Как ходите, готовите?

— Справляюсь. Я очень сильно волновалась за тебя. Где ты пропал? — спросила она, при этом ее голос прозвучал чрезвычайно тихо и таинственно. — Ты выглядишь так, словно прошел девять кругов Ада!

— Простите меня, — прошептал он, чувствуя прилив вины.

— За что ты извиняешься? Прекрати. Я взрослая женщина и могу позаботиться о себе.

— Ну, как мне кажется, у вас отлично получается. Содержите дом в чистоте самостоятельно?

— Конечно же, нет. Джимми Рэй заходил мне помочь. Ты знаешь, что мы еще с детства были лучшими друзьями? Еще какими. Я была так рада его видеть.

Соломон был ошеломлен тем фактом, что Джимми заходил и проводывал ее. Он всегда думал о чернокожем только в положительном ключе, но после похищения все происходящее заставляло Соломона испытывать тревогу.

Он вновь опустился перед Мэри на колени.

— Послушайте, у меня идея, — он начал говорить взволнованным голосом, молясь, что сможет найти правильные слова, которые убедят ее согласиться уехать. — Я собираюсь съездить отдохнуть и хотел бы взять вас с собой навестить моих родственников. Как вы на это смотрите? Посетим местные достопримечательности вместе?

Выражение ее лица стало грустным, она выглядела обеспокоенной.

— О, милый, — проговорила она. — Нет ни единого шанса, что я уеду отсюда.

— Почему? — ее категоричный ответ наполнил его ужасом. — Это всего на пару дней. Затем я привезу вас обратно. — Его совершенно не заботила сказанная ложь, он был готов пойти на все что угодно, лишь бы она согласилась покинуть это место. Он уже даже обдумывал варианты, как мог заставить ее, если она не согласится поехать с ними.

— Послушай, сынок, — прошептала она, придвигаясь к нему ближе. — Мне суждено умереть здесь. Я прекрасно знаю, что ты влип в какие-то неприятности и хочешь меня защитить, но тебе не стоит волноваться обо мне. Лучше побеспокойся о себе и дяде, и девушке, которая сейчас с тобой. Они в опасности!

Его с еще большей силой охватило чувство паники.

— О чем вы говорите?

— Знаешь, до меня доходят новости, — проговорила она. — Джимми в курсе всего, что происходит в городе, и всех секретов в том числе, — она добавила это, гордо вздернув подбородок, упрямая линия ее челюсти чуть выдалась вперед. — А тебе нужно покинуть это место. Находиться здесь небезопасно, сынок. — Ее лицо омрачилось печалью, когда она прошептала: — Они не смогут причинить мне вред. Не волнуйся, — старушка уверенно кивнула ему. — Джимми позаботится обо мне, он сам сказал мне это. — Она вновь улыбнулась. — Ты знал, что он и я были лучшими друзьями? Мы выросли здесь, — Мэри выпрямилась и улыбнулась, слегка кивнув головой. — Конечно, все так и было. Он обязательно придет проведать меня.

— Соломон, — позвал дядя Джо неумолимым тоном.

Он взглянул через плечо и встретил его "пришло время убираться отсюда" взгляд.

— Он — хороший человек, этот Джимми. Я, конечно, скучала по нему после всех этих лет. Когда он пришел проведать меня, я чуть не потеряла голову.

— Было приятно повидаться, Мэри, — громко произнес дядя Джо.

— Хватит так кричать, старик, — резко бросила в ответ Мэри и подмигнула Соломону. — А теперь уходите; когда все уляжется, забегайте ко мне на кофе, — сказала она, тепло улыбаясь. Он безошибочно распознал эту улыбку, которая показывала, насколько плохо обстояли дела для него и, возможно, для нее тоже.

Поднявшись на ноги, Соломон поцеловал пожилую женщину в макушку.

— До свидания, Мэри.

— На какое-то время. — Она сложила ладони на коленях, и Соломон огляделся еще раз, его глаза остановились на ее белье, которое нужно было постирать.

— Сынок, — позвал его дядя с более жесткой интонацией.

— Хорошо, что Джимми придет приглядеть за ней, — ответил он, смотря на дядю, который кивнул в ответ на его слова.

— Было приятно познакомиться с вами, мисс Мэри, — проговорила Хаос, помахав рукой и радостно улыбнувшись.

— И мне тоже, — мисс Мэри, кажется, впервые разглядела ее одежду, и ее лицо скривилось. — Боже милостивый, девочка, зачем ты одела на себя простыни?

Хаос покраснела и опустила голову.

— Позволь мне дать девушке подходящую одежду, Соломон! — она нахмурилась, торопливо направляясь в комнату на своем инвалидном кресле. — У меня есть подходящая ей одежда, она осталась у меня еще с того времени, когда я была молодой и красивой. Ох, подойди сюда, и я выберу тебе что-нибудь. У меня тут огромное количество платьев, которые просто лежат и пылятся.

— Господи Иисусе, — прошипел Джо, поспешно провожая Хаос в комнату к мисс Мэри.

— У вас есть две минуты, — выкрикнул им вслед Соломон. — И я буду очень благодарен, если она оденет что-то, что не будет просвечивать, как простынь, — добавил Соломон.

Хаос остановилась у шкафа мисс Мэри, улыбаясь разнообразию одежды. Соломон ненавидел, что приходилось поторапливать Хаос, видя восторженное выражение ее лица. Словно она стояла перед витриной магазина, где могла сделать все покупки своей мечты.

Девушка потянулась и достала желтое платье, бросая вопросительный взгляд на Соломона, и мило улыбнулась.

— Просто идеально, — заверил ее Соломон. — Так и вижу тебя в нем.

— Я дам вам время побыть наедине, — сказала Мэри, выезжая с комнаты. — Там еще есть обувь, — прокричала она. — Возьми девушке пару туфель, пока ты здесь. И ради всего святого, подыщи что-то для себя, ты выглядишь как сбежавший пациент психушки в этом жутком одеянии.

Соломон посмотрел вниз на свою одежду, искренне соглашаясь с ее словами. Осмотревшись вокруг, он вытянул из стопки одежды рабочий комбинезон ее покойного мужа и оделся. Мужчина поднял взгляд, как раз в то самое время, когда Хаос была обнажена и пыталась разобраться с платьем. Он поспешил к ней, его рот втянул ее сосок, и он пососал его со стоном.

— Господи, я так сильно хочу тебя, — он выпрямился, целуя ее в губы, прежде чем помочь ей надеть платье через голову. Он встал за ее спиной и застегнул все пуговицы, пока она держала волосы, смотря на него через плечо с улыбкой.

— Оно мне подошло, — ахнула Хаос, смотря вниз, когда Соломон закончил.

Ну... почти. Платье немного висело на ее худом теле, но она, казалось, не замечала этого, и он не стал ничего говорить.

— Идеально.

Девушка вздохнула и поспешила к шкафу, вытаскивая оттуда пару старомодных белых туфель на каблучках. Она показала их Соломону с затаенной надеждой в глазах. Он потянулся и достал черные ботинки, протянув их ей. — На случай если нам придется идти пешком, просто для твоего же удобства, — проговорил он печально, борясь с улыбкой при виде кислого выражения ее лица. — Когда мы доберемся до следующего штата, я свожу тебя по магазинам для того чтобы купить тебе новую одежду и десять пар туфель, — пообещал он.

Восхищение на ее лице можно было посчитать прелестным, если бы оно не было вызвано тем, что ее жизнь была наполнена жестокостью, побоями и полным отсутствием какой-либо заботы. Она присела на кровать и надела ботинки, пока Соломон осматривал комнату в поисках чего угодно, что они могли бы позаимствовать. Заметив пару старых мужских ботинок, он просунул руки внутрь, чтобы убедиться в отсутствии насекомых в них. Натянув их, он повернулся и увидел, как Хаос сосредоточенно рассматривает черные ботинки на своих ногах. Подол платья практически доставал до верхней части ее обуви, и Соломону пришло в голову, что если бы у нее были косички, а в волосы вплетены цветы, то она выглядела бы как идеальная деревенская невеста.

Соломон торопливо подошел к ней и заключил в объятия, глубоко целуя в губы.

— Спасибо за понимание. — Господи, сладкий стон что она издала, заставлял его отчаянно желать, чтобы они оказались в каком-нибудь другом месте, где он смог бы снять всю ее одежду и провести целый день, доставляя ей удовольствие.

Скоро. Именно это он и сделает.

— Сынок?

— Пойдем, — сказал Соломон, оставляя со стоном еще один быстрый поцелуй на ее затаивших дыхание губах, прежде чем схватить за руку и потащить по направлению к двери.

Они вышли из комнаты, и в груди Соломона разлилось тепло от того, как Хаос покрутилась, чтобы продемонстрировать всем свое платье, ее улыбка была такой чертовки красивой и невинной. Сам факт того, что у нее не было возможности чувствовать себя

красивой, заставлял его испытывать отчаянное желание придушить этого убудочного Мастера.

Он вспомнил платье, в котором нашел ее, и боль выбила из него дыхание. Облачившись в него, почувствовала ли она себя привлекательной? Только для того чтобы положить начало своему собственному кошмару? Но, вероятно, она считала то воспоминание одним из своих любимых, ведь благодаря этому она встретила его. Боже, как все неправильно.

— Ну, разве не Красавица? — воскликнула мисс Мэри. — Теперь ты просто обязательно должна зайти ко мне на кофе вместе с Соломоном. У меня есть истории о нем, которые заставят тебя смеяться до упада.

Хаос улыбнулась широкой улыбкой.

— Мне это по душе.

— Посмотри-ка на себя, — проговорила мисс Мэри, скользя взглядом по Соломону, ее челюсть слегка расслабилась, выдавая то, насколько внимательно она рассматривала его. — Я так рада, что эти вещи тебе подошли. — Она направила на молодого человека блестящий взгляд, ее губы растянулись в форму полумесяца. — Они лежали без дела с того момента, как этот лентяй сыграл в ящик. — Она рассмеялась и хлопнула ладонью по колену. — Мне нравится отпускать шуточки в его сторону, — проговорила она, обращаясь к Хаос. — Мы всегда шутили, когда он был жив, ну, я и подумала, а с какой такой радости я должна перестать это делать?

— Здесь нет никого из них, Джо, — произнесла мисс Мэри, когда дядя Джо открыл дверь, осторожно осматриваясь вокруг. — Джимми, должно быть, сказал им оставить меня в покое, а они всегда прислушиваются к Джимми.

Они? Насколько много ей известно? Соломон разрывался между тем, чтобы покинуть город и задать ей миллион вопросов.

— Мы попытаемся все разузнать, когда доберемся до моего дома, сынок, — проговорил дядя, словно читая его мысли.

Соломон поспешил выйти на крыльцо, когда воспоминание с силой ударило его в грудь. Как он мог настолько привязаться к кому-то, кого едва знал? Скорее всего, виной тому была перенесенная им травма, которая и усилила его эмоциональную привязанность.

Свернув на дорогу, они довольно долго ехали в полном молчании, прежде чем дядя произнес, успокаивая его: — Джимми будет навещать ее, не волнуйся.

— Господи, надеюсь на это, — вздохнул Соломон, качая головой. — Мэри владеет информацией, — проговорил он. — Я могу поклясться, что она много чего знает.

Хаос положила голову ему на плечо и крепче сжала руку.

Спустя пару миль, дядя пробормотал: — О, черт!

— Что такое? — наблюдая за тем, как он смотрит в зеркало заднего вида, Соломон взглянул в боковое зеркало и увидел огни полицейской машины. — О, Боже, — едва слышно прошептал он.

— Что бы они ни сказали, главное — не паникуй. Мы просто направляемся домой, — прошептал он, когда съехал на обочину.

— Права и регистрационные документы? — зашипел Соломон.

— Господи Иисусе, — прошептал дядя, обеими руками вцепившись в руль, посматривая в зеркало бокового вида.

— Если они арестуют нас, нам придется вернуться обратно, — прошептал Соломон, ощущая, как ужас пульсировал во всем его теле.

— Город помогает Мастеру, — лихорадочно зашептала Хаос.

Соломон наблюдал в боковое зеркало за тем, как полицейский говорил что-то по рации, пока приближался к грузовику. Дядя Джо завел грузовик и вдавил в пол педаль газа, оставляя за собой шлейф пыли и гравия, вздымающегося в воздухе, когда он вывернул руль, выезжая обратно на дорогу.

— Блять, — выругался Соломон, оборачиваясь назад, и увидел, как полицейский старается быстрее добраться до своей машины. — Он приближается, он приближается, — зашептал Соломон, резко посмотрев вперед и затягивая на себе ремень безопасности. — Пристегнись, — приказал он Хаос, посмотрев на дядю. — Думаешь, мы сможем оторваться от него?

— Нам бы добраться до 75 перекрестка, я там знаю объезд.

— Иисусе, он догоняет, догоняет нас. Ты не успеешь добраться до шоссе.

Дядя Джо крепко вцепился руками в рулевое колесо, не отрывая взгляд от бокового зеркала.

— Он приближается, он приближается, — повторил Соломон, паникуя.

Джо вывернул руль вправо, заставляя их завалиться набок, когда он свернул на пыльную проселочную дорогу.

— Держитесь, — прокричал он. — Прошло много времени с того момента, как я ездил по этим маршрутам, но я знаю их как свои пять пальцев.

Соломон оглянулся назад, стараясь прижиматься всем телом к сидению грузовика. Воздух был настолько плотным из-за пыли, что ничего не было видно, пока они летели на полной скорости по извилистой горной дороге.

— Мне кажется, мы сможем оторваться от него, не останавливайся!

— Ни за что!

Они петляли на поворотах, пока у Соломона не закружилась голова.

— Держитесь крепче!

— Черт, — Соломон схватился рукой за приборную панель, а другой обнял Хаос, когда они свернули в самую гущу леса, где дорога была извилистой, как змея. На кочках они подпрыгивали так, что, казалось, внутри черепной коробки сотрясались мозги, а их головы подскакивали почти до самого потолка машины.

Внезапно, они во что-то врезались, и с груди Соломона сорвался ремень безопасности, ударяя в стекло и разбивая его на осколки. Оглушенный ударом, Соломон старался изо всех сил привести дыхание в норму, поворачиваясь, чтобы проверить Хаос.

— Мать Божья! — проговорил дядя, отдышавшись. — Все целы? — он обернулся назад пару раз и вздохнул: — Мне кажется, мы оторвались от него. — Джо прижался лбом к рулю, а затем взглянул вверх. — Это дерево... его не должно тут быть. Они посадили гребаное дерево прямо посередине! Раньше здесь проходила дорога. Мы ездили по ней огромное количество раз.

Взгляд Соломона остановился на пятне, алеющем на затылке Хаос.

— Черт, она истекает кровью!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она потянулась рукой к месту, до которого дотронулся Соломон.

— Я не чувствую боли, — ответила она.

Он развел пряди ее волос и обнаружил глубокую рану шириной в один дюйм и затем вновь посмотрел на нее.

— Блять, — он догадался о произошедшем, ужаснувшись. — Она разбила головой заднее стекло, о, Боже мой. У тебя кружится голова? Тошнит?

Она отрицательно покачала головой, а Соломон осматривал ее настолько тщательно, насколько это было возможно, пребывая в ужасе от огромного количества крови.

— Я чувствую себя нормально, честно, — прошептала она. — Немного болит, но это все.

Соломон уселся на свое место, последствия от аварии обрушились на его тело болью. Он прикрыл лицо ладонями.

— И что теперь? — едва слышно спросил он. — Мы вновь застряли посреди сектантского, мать его, логова Салема. (прим. пер. Салем — город ведьм, в округе Эссекс штата Массачусетс). — Молодой человек ударил рукой по приборной панели.

— Мы пойдем через лес, пока не найдем средство передвижения.

— Средство передвижения? — Соломон практически сорвался на крик. — Да наверняка весь город в данный момент находится на гребаной вечеринке, приуроченной к нашему поиску!

— Значит, мы будем идти пешком до следующего штата, если понадобится, — прокричал дядя Джо в ответ. — У нас есть оружие, и я знаю, как выжить в лесной местности, так что мы справимся. Мы сможем спрятаться. Проще простого. Доберемся до другого штата и найдем место, где спрятаться, пока у нас не появится план.

— Господи, — прохрипел Соломон. — Я просто не могу поверить, что все это происходит на самом деле.

— Соберитесь, — отчеканил дядя Джо, распахивая дверь. — Нужно двигаться. Скоро стемнеет. Надо спрятать грузовик, чтобы они подумали, будто мы ушли уже какое-то время назад, и не отправились на наши поиски.

Казалось, ободряющие слова дяди наполнили тело Соломона достаточной энергией, чтобы двигаться. Сама идея, что их могут поймать эти животные, в то время как они будут идти пешком, была, мать вашу, невообразимой.

Благодаря их усилиям, грузовик был практически погребен под двумя футами листвы. Он волновался, что тот смотрелся чересчур замаскированным, словно шар из зелени. Слишком явно.

Но у них не было времени на что-то другое, и поэтому они направились на поиски места для ночлега.

Позже, когда стемнело, они сделали привал, не разводя костер, им приходилось отгонять комаров. Но он лучше будет делать это и подхватит простуду, хотя, принимая во внимание их «удачу», завтра их настигнет зимний холод.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — произнес дядя.

Соломон последовал на звук к дереву, у которого сидел, прислонившись спиной Джо. Этот откровенный тон вызывал тревогу. Он не был уверен, что сможет справиться с еще большим количеством плохих новостей.

— Мы лгали тебе. Но только чтобы защитить, — поспешно признался он, все еще говоря виноватым тоном.

«Ах, черт. Просто замечательно».

— Твоя мать... ну, ты знаешь, как она умерла, и ты знаешь, что твой отец не смог с этим справиться.

Долгое молчание заставило Соломона насторожиться, ожидая услышать факты, которые были ему не известны. Или известны. Может, дядя Джо собирался рассказать ему правду о матери.

— Я считал, что в нем говорило горе, которое заставляло его придумывать и строить вокруг ее смерти теории заговора. Он был одержим желанием доказать, что её убили.

Соломон прикрыл глаза, пытаясь осмыслить признание дяди, а Хаос лишь крепче обхватила руками его бедра, сидя между его ног.

— Ты и так уже был достаточно травмирован, — расстроено продолжил дядя. — Последнее, что тебе было нужно, так это думать, что твою мать убили, когда не было ни единого доказательства этой теории.

— Я не... — Соломон с трудом подбирал слова, чтобы те соответствовали его мыслям и чувствам. — Почему ты рассказываешь мне это именно сейчас?

— Потому что он продолжал нести чушь про религиозные культы, — проговорил Джо, добавляя эту информацию к медленно вырисовывающейся картине. — Он полагал, что ее смерть связана с какой-то сектой, — пояснил он. — Говорил, что по городу разбросаны знаки, которые наводили его на подобные предположения, но тогда его слова не имели смысла, в то время это звучало... безумно, — прошептал он. — Как будто человек был вне себя от горя, понимаешь?

Соломон слышал все громко и отчетливо, Джо умолял о том, чтобы быть понятым и не обвиненным во лжи.

— Я знаю, что ты сделал это, чтобы защитить меня, дядя Джо.

— Именно так! — эмоционально прошептал он. — Именно так.

Его заключительные слова прозвучали тверже, исполненные убежденности, а язык Соломона словно онемел. Оцепенение сковало внутренности, пока он сидел, ожидая, как его разум и тело отреагируют на эти новости. Он пытался помочь себя ускорить процесс осознания, заставляя себя обдумывать слова дяди, понять, как следует все это воспринять. Испытывать злость из-за того, что он не поведал ему о предположениях отца об убийстве матери? Имело бы это хоть какое-то значение тогда для неокрепшего разума Соломона? Он сомневался в этом. Возможно. Или он должен был ощущать ярость от того, что его отец никогда не обмолвился даже словом на этот счет? Или, может, он должен был испытывать разочарование от того, что провел всю свою жизнь, думая, что она не была убита?

— Скажи что-нибудь, — потребовал дядя. — Накричи на меня, обругай, что угодно. Я осознал, насколько был не прав.

Соломон сделал глубокий вдох, затем, наконец, сумел проговорить нужные слова.

— У меня тоже есть кое-что, что я должен рассказать тебе.

Теперь настала очередь его дяди замолчать на некоторое время.

— Хорошо, — наконец проговорил он, словно был готов к этому. — Что там у тебя?

Говори же, не томи.

Язык Соломона с трудом двинулся внутри его рта, и Хаос нашла его пальцы, крепко переплетая их со своими, словно для того, чтобы придать ему сил. Она всегда, казалось, могла вовремя понять знаки его тела.

— Психопат, который пытался убить меня, — начал он медленно и приглушенно, кривя губы, пока обдумывал, как это лучше преподнести, — сказал кое-что о моей матери.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, даже мысли не было.

— И что он сказал? Эти ублюдки убили ее?

— Он подразумевал это, да.

Соломон ожидал в полной тишине, уповая на то, что дядя Джо будет задавать ему вопросы, а он просто будет давать на них ответы.

— Что именно он сказал? — потребовал его дядя.

«Но прозвучал совсем не тот вопрос, который он ожидал».

— Ты точно хочешь услышать все?

— Что ты имеешь в виду?

— Он сказал некоторые вещи... которые тебе не понравятся.

На этот раз тишина была напряженной, и Соломон ощутил, как в воздухе повисло предвестие бури.

— Что сказал этот лживый сукин сын? — он повторил вопрос.

Дядя прав

— Да, есть большая вероятность, что он лгал.

— Скажи мне, — потребовал тот.

— Он вел себя так, будто она была частью их секты на протяжении определенного периода времени. И что она влюбилась, но не в своего мужа, а в меня. Сироту, Соломона Горджа. — Тишина затянулась, и Соломон поспешил продолжить: — И... новая королева, она пыталась уберечь меня от них. Поэтому они...

Джо не произносил ни слова в течение почти целой минуты, и надежда Соломона на то, что дядя скажет что-то, что могло доказать обратное, так и не появилась.

— Возможно, он солгал, — произнес Соломон, надеясь, что это настроит его на нужную волну разговора. — Ведь так?

Дядя тяжело выдохнул.

— Ой, да ладно, — надрывно произнес Соломон, теперь выдавая свою злость. — Скажи что-нибудь, имеющее хоть какой-то смысл. Он сказал, что она была их шлюхой на протяжении нескольких лет! Скажи мне, что у тебя есть хоть что-то, чтобы опровергнуть эти гнусные слова!

— Боже мой, — растерянно пробормотал он. — Я даже не знаю, сынок, я совершенно ничего не понимаю, сестра была... сестра — это сестра, она была той, кем была: веселой, беззаботной, независимой.

— Но не шлюхой, дядя Джо?

— Не шлюхой! — прокричал он.

— Спасибо, — задохнулся Соломон.

— Мастер находился во власти проклятья, — проговорила Хаос, словно напоминая Соломону.

Он склонился и поцеловал ее в щеку.

— Я знаю, Красавица, — проговорил он. — Ты права. Это могло быть частью обмана. — Но нездоровое ощущение в желудке Соломона говорило об обратном. И оно подсказывало ему, что, скорее всего, его мать была частью всего происходящего, а отец и не знал об этом. Он и сейчас не знает. И к тому же... он был жив, а значит невиновен. А если нет... что в таком случае это означало?

— А что насчёт отца? — Соломон решил, что ему необходимо знать это наверняка.

— Что насчёт него?

— Как ты думаешь, мог ли он быть частью всего этого? Я имею в виду, что если моя мать была вовлечена, то почему и ему не быть замешанным?

— Если он тоже был частью этой секты, то какой ему смысл стараться доказать, что они причастны к ее убийству?

— Не знаю, возможно, как вариант, он тоже захотел выйти из секты, как и она? Они жили здесь, а тут весь город является частью этого дерьма.

— Я уверена, что твой отец любит тебя, — прошептала Хаос.

Уверенность в ее словах привлекла внимание Соломона, как будто она что-то знала.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что мне приснился сон. Твой отец мистер Крэтч? — спросила она, смотря на него. — Мне снилось, что он обнимал и любил тебя. И ему было жаль. Это был один из тех снов, которые, я точно знаю являются вещими. Я всегда чувствую запах дыма, когда просыпаюсь после них.

— Мистер Крэтч? — Соломон вопросительно посмотрел на дядю. — У отца, что, есть какое-то прозвище?

— Нет, такого точно не знаю.

— Мистер Крэтч — приятный мужчина, который раньше по выходным продавал в нашем городке домики для котов. Я разговаривала с ним, когда ходила на кладбище по воскресеньям, чтобы собрать увядшие цветы. — Хаос засомневалась, затем добавила: — Мне кажется правильным, чтобы рядом с усопшими не находились увядшие цветы.

Соломон медленно поглаживал волосы Хаос.

— Отец мастерил кошачьи домики? — он задал вопрос, на всякий случай.

— Нет, но... когда-то давно он строил скворечники.

— И они тоже у него были, — протараторила Хаос. — Небольшие милые домики. Я всегда хотела такой себе, но у меня не было птички, чтобы поселить ее внутрь.

— Дядя Джо, у тебя есть его фотография с собой?

— Нет, с собой точно нет.

— Можешь попытаться описать его? — попросил Соломон, ощущение сомнения внутри него все нарастало, словно снежный ком. Боже, он надеялся, что она права.

— Ну, когда я впервые его встретила, то не была уверена, в хорошем или сердитом он настроении. Одна сторона его лица выглядела счастливой, а другая — недовольной. И у него не было верхней части мизинца.

— Черт побери, — проговорил дядя Джо. — Это мой брат.

— Что еще? — спросил Соломон, не до конца веря ее словам.

— Он всегда носил обручальное кольцо, простое серебряное. И мне всегда хотелось посмотреть на его жену, но так и не удалось это сделать. И в его грузовике на зеркале заднего вида висели забавные морские ракушки. Я сгорала от нетерпения потрогать их. Но мне так и не довелось, — она произнесла это так, словно Соломон и Джо возражали против

того, чтобы она трогала ракушки.

— Какого цвета были ракушки? — поинтересовался дядя, удивленный тоном своего голоса.

— Как озаренное солнечными лучами голубое небо.

— Твоя мать раскрашивала ракушки, — ответил его дядя. — Когда это было? Он задавал тебе какие-нибудь вопросы?

— Множество вопросов, — ответила Хаос. — Тогда я не могла говорить с ним...

Наконец, не выдержав, Соломон поторопил ее, когда пауза слишком затянулась:

— Потому что?

— Мастер сказал... но он так сказал по незнанию. Он сказал, что этот человек грешник, и мне не следует разговаривать с ним.

— Что именно он у тебя спрашивал? — Соломон притянул ее ближе к своему телу, чтобы она могла чувствовать себя в достаточной безопасности, рассказывая все это.

— Он задавал много вопросов о психиатрической лечебнице. В то время я не знала, как отвечать правильно, поэтому отвечала так, как сама понимала всё происходящее там. Он не казался мне плохим. И он всегда был очень добр ко мне, заставлял меня чувствовать....

Соломон затаил дыхание, не уверенный, хочет ли слышать продолжение.

— Безопасность, — наконец, ответила она так, словно пыталась подобрать верное слово.

Молодой человек издал тихий вздох, когда позволил ее словам укорениться в своем разуме. Его отец внушал ей чувство безопасности. Впервые за много лет Соломон ощутил что-то помимо горечи и обиды к этому человеку. Для него понимание, что отец помогал Хаос чувствовать себя в безопасности, значило очень много, не говоря уже о том, что она только что обелила его имя, подтвердив отсутствие связи с Мастером.

— Ты понимаешь, что это значит? — проговорил Джо.

Соломон не был уверен, что понимал.

— Что они на самом деле убили мою маму? — первое, что пришло ему в голову.

— И ему определенно что-то известно. И если это было важным, то...

— Но... мистер Крэтч с того момента больше никогда не возвращался, — проговорила Хаос таким тоном, будто старалась убедить его. Только Соломон и его дядя понимали, что нет никакой гарантии безопасности отца, если тот по-прежнему в городе.

— Когда ты разговаривала с ним в последний раз? — спросил дядя.

Она задумалась на мгновение.

— В последний раз, когда я видела его... это было в июне. Потому что тот день выдался очень жарким, и я помню, как он мне сказал: "Тебе лучше найти дерево, под которым ты могла бы укрыться... прежде чем растаешь". Он говорил забавные вещи на подобии этих, — проговорила она, имитируя его южный акцент. — Я была напугана, потому что его голос звучал очень серьезно. И он, должно быть, понимал это, потому что рассмеялся. — Хаос громко засмеялась, подражая его смеху, заставляя и Соломона усмехнуться.

— Как он смеялся? — попросил он, желая услышать ее снова.

Хаос вновь рассмеялась, и Соломон тут же разразился смехом, притягивая ее к себе, чтобы поцеловать, а Джо шикнул на них, чтобы они вели себя тише.

— Если твой отец не влип в неприятности, возможно, он получит мое сообщение и придет. Он знал, что нужно быть осторожным.

— Я говорила ему, чтобы он был осторожен, — проговорила Хаос.

— Ты сказала ему это? — спросил Соломон. — Почему?

— В последний раз, когда видела его, я сказала ему, что он больше не может приезжать в город. Я помню, как он смотрел мне в глаза в тот день. Словно... прочитал мои мысли. Я сказала ему... «Не задавайте никаких вопросов, Мистер Крэтч. Я все равно не смогу на них ответить». И он просто кивнул в ответ и все. И я больше никогда не видела его.

Печаль в ее голосе заставила Соломона надеяться, что ей доведется встретить мистера Крэтча еще раз. И впервые за долгое время, он тоже желал его увидеть.

Соломон задался вопросом, что если его отца схватили эти животные. Затем он подумал о своей матери. Зачем они ее убили?

Соломон выпрямился, и на него обрушился весь ужас ситуации.

— Что случилось? — Хаос встала на колени, уставившись на него.

«Шантиль».

— Ничего, — выдохнул он, вновь притягивая девушку в свои объятия, в то время как невероятный страх продолжал заполнять его тело, заставляя мысли в голове неистово крутиться вокруг этого кошмара. Возвращаться вновь к деталям исчезновения его невесты. Затем к тому, как его вызвали в этот город. Это все заранее спланировано. Было ли что-то известно его жене? Если они что-то сделали с Шантиль? Если отец был прав в своих подозрениях насчет матери, и они планировали его появление все это время, тогда... о, черт, они наверняка захотели бы устранить и его невесту.

— Что случилось? — вновь спросила Хаос.

Соломон догадался, что слишком крепко стискивает ее в объятиях, и немного ослабил хватку.

— Ничего, Красавица. Я в порядке. — Соломон продолжал усиленно думать, воссоздавая картину происходящего. О том, что происходило во время ее исчезновения, что планировалось тогда. Они собирались пожениться в течение месяца. Если он, как предполагалось, должен был стать жертвой...

— Хаос, — Соломон решил попытать удачу, — Мастер когда-нибудь говорил о... моей невесте?

Она не ответила сразу, и Соломон забеспокоился, что она, скорее всего, напугана вопросом.

— Нет, — проговорила девушка.

Соломону показалось, что он расслышал что-то странное в ее голосе, и его мысли вновь сосредоточились на обдумывании ситуации. И внезапно ему захотелось поговорить с Джо наедине. Он не хотел, чтобы Хаос слышала, как он разговаривает о Шантиль, на случай если это заставит ее испытать ревность или любые другие неприятные чувства.

Но ему необходимо убедиться, что он прав в своих подозрениях, что эти монстры как-то причастны к ее исчезновению. И если так... то где она сейчас?

Его охватило сильнее чувство паники, когда он представил, как ее приволокли в подземелья больницы для душевнобольных, чтобы пытать и, в конечном счете, убить.

Или оставить в живых.

Чтобы измываться и насиловать, как они это делали с Хаос.

Соломон не смог удержаться, чтобы не задать еще один вопрос:

— Мастер... похищал людей, Хаос?

— Похищал?

Соломон понял по ее голосу, что она никогда не слышала о таком слове, даже если тот и

совершал это действие. Он попытался выразить это в более понятных словах для нее.

— Приводил людей в церковь? Посторонних людей, которые проживали за пределами церкви?

— Да, — ответ легко сорвался с ее губ. — Постоянно. Чтобы создать семью.

Тошнота скрутила его желудок.

— Он приводил... только мужчин?

— Нет, женщин тоже. В большинстве своем. У нас есть мужчины, которые просто помогают женщинам зачать ребенка.

— Помогают? — его внутренности горели, пока он ожидал услышать, что это означает.

— Они оплодотворяют их.

— Вот дерьмо, — пробормотал дядя Джо. — Это извращение, гребаное извращение.

— Это для того... чтобы создавать семьи, — тон Хаос стал звучать виновато и пристыжено, когда она вспомнила что это неправильно.

— Она ничего не знала, — проговорил Соломон.

— Я не имею в виду ее.

— Я все знала, — тихо проговорила Хаос. — Просто... я научилась хранить молчание. И делать то, что мне велят.

— Милая, — проговорил дядя Джо мягким голосом, — тебя научили, что плохо — это хорошо, а то, что хорошо — плохо.

— Не-е-ет, я лучше знаю что делала. Я научилась быть тихой.

Соломон крепко обернул руки вокруг нее и приблизился к лицу.

— Ш-ш-ш, — попытался успокоить он, склонившись губами к ее уху. — С тобой все в порядке, я здесь. Мы сделаем все правильно, хорошо? — Боже, она была на грани нервного срыва.

— Я научилась быть тихой.

— Давай отдохнем, — сказал ей Соломон. Господи, у них в распоряжении не было ничего, кроме твердой земли. Он расстегнул лямки своего комбинезона и снял рубашку. Сворачивая ее, он положил ее на землю. — Вот, ложись на это. — Он улегся рядом с ней. Крепко сжимая его запястье обеими руками, она прижала его ладонь к своим губам. Он лежал с Хаос в таком положении, надеясь, что она заснет. Ему действительно необходимо поговорить с дядей Джо.

Хаос хотела бы не слышать этого, но, несмотря на все свои старания, она очень четко слышала каждое слово. У нее было ощущение, словно она находится на операционном столе, где ей вырезали сердце. Она была так напугана, что не могла пошевелиться. Каждое слово, что он произносил, вонзалось в нее, рассекая плоть, пока вся ее грудь не запылала от его бьющих наотмашь слов. И затем он произнес это. Он забрал ее жизнь прямо на этой дороге.

— Что если Шантиль все еще жива?

Песочные часы, олицетворяющие ее жизнь, внезапно перевернулись. Теперь это лишь вопрос времени. С ней будет покончено. Ее время вышло. Но не было ощущения печали или страха, ее тело и разум уже давно знали об этом исходе. Всегда знали об этом. Боль душила ее, и это было нормально, потому что с болью она хорошо знакома. Она в абсолютной полноте познала на себе все виды агонии и пыток. Нужду. Эти чувства стали привычными для нее.

— Я должен это выяснить, дядя Джо, мне необходимо знать правду. А что если она жива?

Его отчаянное желание узнать, жива ли она, было подобно огромному валуну, который всей тяжестью придавил тело, обескровливая его. Он так сильно любил свою Шантиль. Конечно, он любил ее. Так же отчаянно, как и она любила его. Хаос тоже любила его и настолько сильно, что готова была отдать ради него все. Даже если это означало смерть для нее самой, да, она поможет ему снова стать счастливым. Даже если она не умрет на самом деле, а просто перестанет существовать. Это не было таким уж гиблым местом, это было безопасное место, где никто не смог бы ее достать.

Она поможет ему найти его прекрасную Шантиль... чтобы он был счастлив. Если Мастер ее забрал, то она должна быть в числе новеньких.

— Нам нужно как можно быстрее убираться из этого штата, пока тебя не схватили, сынок, или не схватили всех нас.

— Я не могу просто так уехать.

— Мы можем вернуться! — прошипел дядя.

— Но она не должна знать об этом.

— Кто?

— Хаос, это ее расстроит. Я не хочу ее расстраивать.

Слезы хлынули из глаз Хаос, когда она улыбнулась его заботе о ее чувствах. Хотя Соломон, скорее всего, беспокоился, что с ней рядом ему будет сложнее найти Шантиль. Но она бы никогда не сделала ничего, препятствующего его желаниям. Она бы приложила все свои усилия помочь ему найти любимую. Он заслужил это больше, чем кто-либо другой. Ее ангел, вот кем он был. Даже если бы Хаос прожила три миллиона жизней, она бы никогда не смогла любить его так, как он того заслуживал. Он был таким хорошим, очень хорошим. И она безмерно счастлива быть частью этого божьего благословения, даже на сравнительно недолгий срок. Соломон был великим даром Господа. Вот на чем она должна сосредоточиться. На том, что ей удостоилось вкусить райское блаженство, когда она была всего лишь пешкой в аду.

— Для начала мы покинем штат, а затем уже вернемся.

— Отлично. Мне нужно найти безопасное место для Хаос, я не могу позволить, чтобы

она вернулась туда. Неважно, что случится со мной, она больше ни за что не вернется в этот город.

— Согласен.

* * *

Соломон не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами, его слух был настороже, во всем теле он ощущал борьбу, находясь в состоянии полной готовности среагировать на опасность, но его голова была полна миллионом мыслей. Страх быть обнаруженными, мысли о Шантиль, Хаос, его маме и отце. И все они сталкивались в его сознании, внося путаницу в сердце. Господи, он никогда не задумывался о том, чтобы встретиться с этим лицом к лицу, но знал, что должен сделать это. Что если Шантиль жива? Что если он найдет ее? Как же Хаос? Что ему делать? Как правильно поступить?

Ответ на этот вопрос приводил его в ужас. Что если то, чего он хотел, было нравственно неправильным желанием? И какое решение в этой ситуации было нравственно верным? Он связал себя узами брака с Хаос. Но Шантиль была его первой женой, даже несмотря на то, что свадьба так и не состоялась. Но все эти рассуждения казались такими бесполезными, когда признаки того, что она осталась живой, были настолько неявными. Но, несмотря на призрачную вероятность, ему предстояло обдумать это. Он должен разобраться и принять решение прямо сейчас. Он чувствовал отвращение, задавая себе этот вопрос: кого он хотел больше. Хаос или Шантиль. Однако выбор должен быть сделан и сделан прямо сейчас, пока он не зашел слишком далеко с Хаос. Но насколько правильным было решение прекратить отношения с ней? Это бы убило ее.

Вся эта ситуация была такой неправильной. Но после того, как Соломон думал об этом всю ночь напролет, пока Хаос лежала рядом с ним, вцепившись в него мертвой хваткой, он, кажется, принял верное решение — оставить все как есть. По крайней мере, до того момента пока он не обнаружит больше доказательств того, что Шантиль все еще жива.

Придя к этому решению, Соломон притянул Хаос ближе. Девушка всхлипнула, и он понял, что она плачет. Он приподнял ее лицо и поцеловал в губы.

— Что случилось, Красавица?

На него обрушилось осознание, что она, возможно, догадалась, что он думает о Шантиль. Блять. Его вопросы могли навести ее на эти размышления.

— Просто напугана, — тихо выдохнула она.

— Чем? — он погладил щеку тыльной стороной пальцев, его сердце расколосось на миллион осколков от ее слов.

— Просто... не хочу, чтобы тебе еще причинили боль, вот и все.

Он бесшумно выдохнул, прикрывая глаза.

— Я понимаю, милая. Я тоже напуган. Мы будем очень осторожны.

Девушка кивнула и прижалась к его груди, и за тридцать минут до рассвета Соломон, наконец, смог заснуть.

Они шли по лесу в полной тишине большую часть дня, останавливаясь только для того, чтобы перекусить тем, что Джо добывал им, пока они продолжали свой путь. Соломон испытывал невообразимый голод, но не жаловался, благодарный и за те крохи энергии, который получал от пищи. Господи, как же хотелось пить. Но путь, пролегающий вдоль дороги, подразумевал отсутствие воды.

Кроме того, им нужно было как-то скрывать этот неоновый знак, которым являлась Хаос. Поэтому его дяде пришла идея измазать ее платье грязью. И, милостивый Боже, сердце Соломона расколосось на миллион осколков при виде выражения на ее лице, когда он делал это. Словно вместе с платьем под слоем грязи были погребены и ее мечты. Когда он увидел слезы, собравшиеся в ее глазах, и то, как она старалась сдержать их, он подбежал к ней и, заключив ее лицо в свои ладони, начал осыпать поцелуями, обещая, что подарит ей намного больше вещей в будущем, пока его не обращающий ни на что внимания дядя заканчивал работу над маскировкой Хаос.

Дядя Джо передал Соломону пистолет, и тот убрал его в задний карман своих безразмерных брюк. В глазах Соломона Джо был настоящим гением, и он был чертовски благодарен за то, что тот находился сейчас здесь.

Еще одной причиной, по которой они проложили свой путь вдоль дороги, была вероятность, что каким-то чудом его отец мог выбрать именно эту дорогу, направляясь в город. Это было довольно сумасшедшим предположением, но также, бесспорно, являлось шансом для них, и неважно, насколько призрачным тот был, они не собирались его, черт побери, упускать.

Соломон наблюдал за Хаос, которая спотыкаясь шла впереди него. Она вела себя странно. Отстраненно и очень тихо. Он продолжал твердить себе, что это не было связано с разговором, который произошел между ними, и что это не имеет совершенно никакого отношения к его внутренним метаниям между Хаос и Шантиль.

Он чувствовал вину, но это никак не было связано с его чувствами к Хаос, это имело отношение к чувствам, связывающими его с Шантиль. После того как он тщательно разобрался со своим сердцем, Соломон понял, что как бы он ни любил Шантиль, Хаос была частью его души. И он никогда бы не смог изменить этого, и мысль о том, чтобы сделать это, обещала привести к невероятным разрушениям. Хаос принадлежала ему, а он принадлежал ей. Когда это дивное озарение снизошло на него, он понял, что это была чистая, безвозвратная и благословенная правда. И осознание этого даровало ему огромное облегчение, его желание быть с Хаос ощущалось очень правильным.

Все его сожаления и раскаяние касались только Шантиль, которая могла быть все еще жива, благодаря какому-то чуду. Он был уверен, что чувство вины было той причиной, по которой его тело ощущалось настолько отстраненным, словно он нуждался в большем подтверждении своего решения. Ему вновь необходимо было воссоединиться с Хаос, и это бы решило проблему. Что так же помогло бы избавиться ее от всех сомнений, которые она могла испытывать. Если ее терзали догадки о том, что Шантиль могла быть жива, тогда, возможно, она думала, что он может оставить ее. При мысли о том, что он причинял ей боль, на него накатила тошнота, и Соломон чуть было не остановился.

— Стойте! — внезапно прошипел Джо, склоняясь к земле, и подавая знак рукой, чтобы

они последовали его примеру.

Соломон поспешил к Хаос и приобнял ее, прижимая их лица друг к другу. Она надрывно ахнула, что подтвердило его догадки, что Хаос сомневалась в его чувствах.

Он накрыл ладонью ее щеку и прижал ближе к себе.

— Ш-ш-ш, — едва слышно произнес он, его ощущая, с какой силой забилося его сердце от доносившегося до них звука, проезжающей по дороге машины. Кто бы ни приближался к ним, он ехал ужасно медленно. В поле зрения появился старый пикап.

— Кто-то, кого мы знаем? — прошептал дядя.

Соломон покачал головой.

— Нет. Ты узнаешь машину, Красавица?

— Н-нет, — ответила шепотом Хаос.

Автомобиль проехал мимо, и они продолжили свой путь.

На сердце у Соломона стало тяжелее, когда он осознал, что, вероятнее всего, причинил Хаос боль своими вопросами о Шантиль. Внезапно его обуяло отчаянное желание остановиться и дать ей знать, какие чувства он испытывал к ней на самом деле. Он преодолел расстояние между ними и взял ее за руку. Она развернулась и посмотрела на него. О, черт. Боль в ее взгляде украла его дыхание.

Он притянул ее к себе, и в этот момент в воздухе прогремел звук выстрела. Они все низко пригнулись к земле, осматриваясь по сторонам.

— Что это было? — задохнулся Соломон.

— Похоже на выстрел.

В ту же самую секунду, словно поняв, чем это им грозило, Соломон и дядя Джс повернулись к источнику звука, и Соломон торопливо потащил Хаос за собой, крепко держа ее за руку.

Они слышали мужской голос еще до того, как увидели самого человека.

— Чертов сукин сын! Я загоню болт в его проклятую задницу, когда вернусь, только посмотри на это! Да тут дыра размером с задницу гориллы! Лживый, не чистый на руку сукин сын! Я надеру ему задницу и выгоню из города после всего этого.

Они пригнулись к земле, находясь на расстоянии десяти футов позади старого пикапа, наблюдая и вслушиваясь, в то время как незнакомец все бормотал и бормотал себе под нос, продолжая диалог с самим собой.

— Придется идти пешком, — произнес он. Затем последовало больше бормотания, которое сопровождалось руганью: — Черт бы побрал гребаные ямы.

Они переглянулись между собой. У него не было запасной шины? Черт!

— Что будем делать? — тихо спросил Соломон.

— Мы можем подождать, пока он вернется, и затем взять его грузовик, — предложил дядя Джо. — Или, когда он уйдет, можно завести двигатель с помощью замыкания проводов и вести машину на спущенной шине. Но этот вариант может повлечь за собой то, что нас могут остановить люди, которые нам совсем не нравятся.

— Мистер Мансард живет на этой дороге, — проговорила Хаос, в ее голосе сквозило беспокойство.

Они оба посмотрели на нее. И почему Соломон не догадался спросить, знает ли она, где они находятся? Потому что полагал, что ей немного известно за пределами той дьявольской обители, где она выросла.

— Как далеко от этого места?

Она пристально всматривалась в гущу леса, сквозь деревья, переводя свой взгляд то влево, то вправо.

— Не могу сказать ничего конкретного, но я просто знаю, что он живет на Митхаус Роуд. Там находится дерево, в которое ударила молния, и ферма с двухголовой коровой.

— А кто этот мужчина? Он хороший человек? Это безопасно для нас?

Она отрицательно покачала головой, и Соломона затопило отчаянием.

— Там есть телефон? — спросил дядя Джо.

Соломон посмотрел на него.

— Что ты задумал?

— Я думаю, что вновь мог бы попытаться дозвониться своему брату. Я не знаю. Возможно, там есть машина, которую мы могли бы одолжить? — Джо изогнул бровь и вперился в него сердитым взглядом, делая упор на двойном смысле своих слов.

— Да. Мы могли бы подождать и пойти туда, когда стемнеет. — Он посмотрел на Хаос, которая, казалось, теперь была в ужасе. — Там есть животные?

— Я... да, большой рыжий кот. И две собаки, но у одной нет лапы. Другая очень злая, но она всегда на привязи.

— А кем тебе приходится этот мистер Мансард?

— Он доктор и ученый в Ордене. Но мне кажется, он очень некомпетентен в том, что делает.

— Почему? — поинтересовался Соломон, хотя он был больше чем уверен, что не хотел этого знать.

— Все врачебные обязанности, которые он исполняет, приводят к тому, что людей калечат или убивают. И это именно он проводит процедуру сшивания.

— Что за... сшивание? — спросил Джо, его слова были наполнены отвращением.

— Ну, это для девушек. Которые должны быть запечатаны в том самом месте, — она бросила быстрый взгляд на дядю Джо, смутившись.

— Блять, нет, — прошипел Соломон. — Черт возьми, нет, мы ни за что туда не пойдем.

Вздыхнув, Джо провел рукой по лицу.

— Мы можем пойти туда и просто одолжить машину. Мне не нужно разрешение, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Иисусе. Каковы их шансы? Доктор-психопат жил у дороги, по которой они двигались? Похоже, так или иначе, они были обречены оказаться в логове самого дьявола.

— А если сделать так, — начал дядя, — мы просто пойдем туда, чтобы осмотреть место. Возможно, его не окажется дома, и мы сможем войти и воспользоваться телефоном? Сможем сообщить моему брату, где находимся, и затем найти безопасное место, чтобы спрятаться там и дожидаться его. Или, может, тот доктор оставил ключи в машине, и мы можем подождать до наступления темноты и затем взять ее. Не забывайте, у нас есть оружие.

Ах, да, еще один вариант развития событий, если предыдущие планы не сработают. Но почему-то Соломон был больше чем уверен, что все пойдет наперекосяк.

Хотя тут было кое-что еще. Они находились на расстоянии шаговой доступности от большого ублюдка, который, возможно, причинил боль Хаос и бесчисленному количеству других женщин. Имея в преимуществе элемент неожиданности и оружие, Соломон чувствовал, что эта идея стоила того, чтобы попытаться воплотить ее в жизнь.

Голод и ненависть сплелись воедино, пропитывая Соломона до самых костей и оседая

на языке, оставляя отвратительное опаляющее послевкусие. Ужасающий образ ее сшитого влагалища стоял перед его глазами в течении нескольких секунд, и он позволил своему отчаянному презрению подпитываться этими кошмарными воспоминаниями о ее изувеченном теле. Чего бы он только не отдал за то, чтобы этот больной ублюдок получил по заслугам, он даже позволил бы Хаос посмотреть на это.

Соломон в ужасе осознал, о чем он думает. Хаос не нужно видеть подобное. Ему необходимо поддержать, а не усугублять ее психическое состояние.

К счастью, к тому времени как они добрались до сада этого человека, уже стемнело.

— Вот он, — ахнула Хаос.

Соломон уставился на дом, который словно сошел с экрана фильмов ужасов.

— Какое именно из этих зданий? — посреди сада располагалось несколько белых строений, по своему виду напоминающие полуразрушенные надгробия.

— Вот этот дом, — она указала в сторону самой маленькой из построек.

— А что тогда находится там? — спросил дядя, указывая на второе небольшое здание.

— Его кабинет, где он ведет работы по сшиванию.

Иисусе, гребаные двинутые на всю голову психи.

Соломон продолжал крепко сжимать ладонь Хаос, с того самого момента как они отправились к этому чертовому дому или переулку убийств, или как там она его называла. С животными, словно из шоу уродов, и двинутым на всю голову доктором, он мог и правда поверить, что они попали в фильм ужасов.

— Как часто ты бывала здесь? — Соломон ненавидел, что ему пришлось задать этот вопрос.

— Много раз. Я всегда приходила сюда с Мастером. Мы... мы приходили, чтобы привести тех, кто нуждался в "лечении". — Он услышал чувство вины в ее голосе и прикусил язык, чтобы удержаться от слов "О, ну, ты же понятия не имела, что тут творилось", потому как она бы обязательно возразила ему, сказав, что была в курсе происходящего.

— И в чем состоит план, позволяющий нам обратиться подальше отсюда?

— Так, — начал Джо, сидя на корточках и осматриваясь вокруг. — Сначала мне нужно изучить местность. Что это за здание вон там? — он указал между деревьями.

— Там он проводит процедуры с теми, кто в них нуждается.

Процедуры. Должно быть, делает все возможное, чтобы помочь людям умереть или сделать так, чтобы они отчаянно желали этого.

— А это что? — спросил его дядя. — Здание с небольшой дверью.

— Я не знаю, никогда там не была.

— А это гараж, — Соломон указал на маленькое строение, выкрашенное в белый цвет, с припаркованной около него машиной.

— Интересно, он держит там ключи? — пробормотал дядя.

— У него есть большая связка ключей. Он носит ее на поясе. А под его домом находится что-то вроде комнаты. Там он хранит необходимые материалы, — она энергично покачала головой.

— Что? — переспросил Соломон.

— Мне совсем не хочется туда идти.

Господи Иисусе. Вероятнее всего, там находились расчлененные на части тела, и только одному Господу известно, какие еще ужасные вещи там могли скрывать, о чем он даже не хотел думать. Его вновь настигло осознание, что Хаос провела в этом кошмаре всю свою жизнь. Внезапно Соломон почувствовал, что приходить сюда было глупой идеей. Они в меньшинстве. Три человека против целой стаи демонов.

— Как насчет того, чтобы просто взять машину и уехать? — прошептал Соломон дяде.

— Ты можешь спокойно назвать это кражей, — проговорила Хаос. — Я не настолько

глупая. И мне будет абсолютно все равно, если ты это сделаешь.

— А что насчет животных? — спросил Соломон. — Они начнут лаять, и что потом?

— Как насчет того, что я направлюсь к другой части сада и отвлеку их внимание?

— Но я не знаю, как завести машину с помощью пусковых проводов! — тихо прошипел Соломон.

— Ну, для начала тебе следует пойти и посмотреть, есть ли там вообще ключи. А затем попробовать найти запасной набор, который может находиться где-то рядом.

— А если его там не будет?

— Значит, ты придешь сюда и спрячешься, а я вернусь через какое-то время, чтобы ты отвлек собак, пока я буду замыкать провода и попытаюсь завести машину.

— И все это, пока я буду на расстоянии мили от тебя? — зашептал Соломон.

— Я подберу тебя ниже по дороге. Когда увидишь, что я уезжаю, беги вдоль дороги так быстро, как только можешь.

— И меня! — взвизгнула Хаос, выдавая свой испуг.

— Да, ты пойдешь со мной, — он схватил ее за руку, понимая, что она беспокоилась о том, что он оставит ее. Боже, ему нельзя выпускать ее из вида в этом жутком месте.

Соломон глубоко вздохнул, посмотрев на четыре освещенных светом окна этого ужасающего дома.

— Как насчет того, чтобы подождать, пока он уснет?

В мрачном свете луны Соломон разглядел, как Хаос согласно кивнула.

— Это хорошая идея, — сказала она. — Мы же не хотим, чтобы нас поймали.

Предостережение в ее дрожащем голосе было тем, в чем он нуждался.

— Она права. Нам нужно подождать.

— Хорошо, — проговорил Джо, охотно соглашаясь с ними. — Мы подождем, пока свет не погаснет, и я отправлюсь отвлекать собак. Когда они начнут лаять, дождись и посмотри, кто выйдет из дома, а затем беги, когда будешь уверен, что путь свободен. Подождите... а он живет один?

— Да, — прошептала Хаос. — По крайней мере... мне так кажется.

Отлично. Чертовски замечательно.

Они поползли в обратном направлении, в то место, откуда могли за всем наблюдать без угрозы быть замеченными. Затем началось тревожное ожидание. Они ждали своей очереди броситься навстречу опасности, поджидающей их в схватке с безумными психопатами.

Дядя Джо повторил их план три раза, и Соломон не препятствовал этому. Даже если бы Джо захотел прорепетировать его раз пятьдесят, он бы не возражал.

Но пугающий момент так и не наступил.

Когда мужчине следовало уже отойти ко сну, он вышел из дома. Они наблюдали, затаив дыхание, как он спустился по ступенькам. Если он уедет, то, в крайнем случае, они смогут воспользоваться телефоном. Но он не ушел, а направился в помещение для сшивания.

Они подобрались ближе к саду, пытаясь понять, что происходит. И в этот самый момент начали раздаваться звуки. Приглушенные стоны и крики, заставившие Соломона замереть от ужаса в неведении от происходящего.

— Он проводит лечение, — прошептала Хаос в панике.

Соломон зажал ей рот рукой, когда показалось, что она может закричать.

— Ш-ш-ш. Ш-ш-ш!

Она кивнула, крепко стискивая его руку, но не пытаясь убрать ее.

— Господи Иисусе, — прошептал дядя Джо. — Что нам делать?

— А сам как думаешь?

— Как вариант: пустить ему пулю в голову?

Соломон подумал, что это была бы великолепная идея, если бы она не включала в себя необходимость приблизиться на более близкое расстояние к психу, чем они уже подошли. Но, так или иначе, было бы лучше, чтобы он был мертвым, чем оставался живым, как бы не смотрел на это Соломон. Они не могли оставить его в живых, чтобы он продолжал мучить людей, пока сами собирались сбежать из этого ада. Мысли о Шантиль, которая могла испытывать подобные мучения, впечатались в его сознание, заставляя все больше поддаваться панике. Что если они похитили ее, и она подвергалась пыткам? Как и он, как и те люди?

— Новый план, — прервал размышления Джо. — Его дьявольские псы сидят на цепи у крыльца. Поэтому я заставлю собак лаять, это заставит его выйти на улицу. Я же буду стоять у двери и ждать, когда он выйдет, чтобы всадить ему пару пуль в голову. Не выходите из укрытия, пока не услышите выстрелы. Мы заберем ключи и людей, которых удерживают там, и свалим подальше отсюда.

План звучал так просто. Соломон не мог допустить и мысли, что что-то может пойти не так, но в то же самое время он был уверен, что что-нибудь обязательно выйдет из под контроля.

— Ладно, давай сделаем это.

— У тебя есть пистолет, не трать пули попусту, только если возникнет крайняя необходимость, это все что у нас осталось.

— Точно, — проговорил Соломон, и его желудок скрутило болезненными узлами.

Он крепко сжимал руку Хаос, готовый броситься бежать вместе с ней, если это понадобится, пока дядя Джо быстро двигался по направлению к постройке. Сейчас он находился у комнаты по сшиванию, казавшись просто темной тенью у фасада.

Соломон не видел, что сделал дядя, но собаки начали лаять.

— Черт, черт, — зашептал Соломон, когда снаружи загорелся свет. Проблема в том, что он загорелся именно в том самом месте, где стоял Джо, и полностью осветил его. Хвала Господу, на здании не было окон, чтобы его могли увидеть изнутри.

Они пристально следили за домом и ждали, пока передняя дверь откроется, это занимало слишком много времени.

Хаос отчаянно зашептала:

— Там есть боковая дверь!

В ту же секунду, как она это произнесла, мужчина вышел из дальнего темного угла позади дяди, приставив дуло пистолета к его затылку.

Соломон опустился на колени, прицелился своим пистолетом и выстрелил. Господи, он промазал! Пистолет мужчины дернулся в их направлении и издал выстрел.

Соломон принудил Хаос прижаться к земле. Прозвучал еще один выстрел. Пригнувшись к земле, вместе с Хаос они направились к дальней части сада.

Раздалось еще два выстрела, и Хаос всхлипнула, пока они оба крались между деревьями, стараясь хоть что-то рассмотреть. Они побежали к забору из колючей проволоки, которая тянулась от задней стороны владений.

— Смотри, — проговорил Соломон, задыхаясь. С этого места в поле их зрения попадали и боковая сторона помещения для сшивания, и дверь, которую раньше они не видели. И та

была открыта. Тяжело дыша, он искал глазами дядю, инстинкты требовали, чтобы он выкрикнул его имя. А также он хотел куда-нибудь спрятать Хаос, чтобы пойти на поиски дяди и помочь ему, но не мог рисковать Хаос, ведь ее запросто могли похитить.

Собаки лаяли, не переставая, и Соломон помог Хаос перебраться через забор из колючей проволоки. Если его дядя был в беде, ему необходимо было поторапливаться.

— Соломон!

Он двинулся на голос дяди. Его захлестнуло облегчение при виде того, как он бежал в их сторону. Соломон потянул за собой Хаос, и они встретились на половине пути.

— Я застрелил его! — задыхался Джо. — Застрелил в голову, прямо между глаз, — проговорил он, стараясь восстановить дыхание. — Он заслужил это. — Дядя развернулся и направился обратно. — Нужно торопиться, у меня плохое предчувствие. Он достаточно долго был внутри дома, чтобы иметь возможность позвонить кому-то. Нам нужно забрать этих людей и скорее убираться отсюда.

— Слава Богу, ты в порядке, — проговорил Соломон, за которым следовала Хаос

— Где он? — прошептала Хаос, когда они бежали в сторону входа в комнату для сшивания.

— Он в луже крови у входной двери, — пробормотал его дядя.

— Я-я-я должна посмотреть. Мне необходимо убедиться.

— Вы идите, — бросил им Джо, — а я пока посмотрю, с чем мы имеем дело.

Соломон поспешил к передней части здания, также пригибаясь к земле. Даже с пистолетом в руке он чувствовал себя так же безопасно, как потенциальная жертва рядом с Ганнибалом Лектором. Он остановился на углу и медленно высунул голову, чтобы осмотреться. Заметив тело на земле, он вновь просканировал взглядом местность, прежде чем выйти из укрытия, держа наготове пистолет.

Хаос вцепилась в его футболку, оставаясь позади него, слева.

— Он мертв? — прошептала она

Соломон делал по одному шагу вперед, каждый раз с правой ноги, подбираясь все ближе. Наконец, он подошел к толстому мужчине в докторском халате. Его неподвижное лицо с широко распахнутыми глазами было развернуто к ним.

— Его глаза, его глаза! — задохнулась она.

— Он мертв! Посмотри на дырку в голове!

— Я вижу ее, — зашептала она. — Но она такая маленькая!

Соломон обошел тело, делая широкий полукруг, пока они не получили вид сзади.

— Она не маленькая, — он указал на вмятину, по размеру походившую на удар от бейсбольной биты, где пуля вышла навывлет с другой стороны черепа.

Пока она пристально смотрела на тело у своих ног, ее дыхание стало рваным и пронзительным.

— Давай пойдем и поможем дяде Джо, — тихо произнес Соломон, увлекая девушку за собой.

Она начала сопротивляться.

— Я не могу!

Соломон покачал головой.

— Хаос, ты не можешь остаться здесь.

— Я-я-я не могу пойти туда. Я не могу. Я просто не могу.

Паника в ее словах заставила его испытать отвращение.

— Мне нужно, чтобы ты помогла мне, Хаос, пожалуйста. Мы должны вызволить этих людей и помочь им. Это твой шанс помочь им, сделать что-то правильное. Ты понимаешь меня? Именно для этого мы здесь, в этом наше предназначение. Мы помогаем людям. Мы спасаем их.

Она без остановки закивала. Пальцы обеих ее рук были переплетены и стиснуты в жесткой хватке под подбородком, Соломон позвал ее к себе, чтобы она смогла ухватиться и сжать его ладони. Она с опаской посмотрела в сторону помещения для сшивания, затем медленно протянула руку Соломону.

Он взял ее и крепко сжал, торопясь к двери. Ему не нравилось вести ее туда, но стоять снаружи, на обозрении у всех этих монстров, которые, бесспорно, уже были на пути сюда, готовые появиться в любую секунду.

От одного кошмарного видения они вышли на встречу следующему, зайдя в маленькую комнату ожидания, которая представляла собой извращенную иллюзию нормальности. Два стула и стол, картины на стенах, все это было словно издевкой над тем, что находилось под всем этим фасадом. Соломон подскочил на месте от внезапного появления дяди, изможденного и запыхавшегося, в дверном проеме, ведущем в соседнюю комнату.

Он покачал головой, выглядя нездоровым.

— Ей не нужно идти туда.

— Она и не хочет, — проговорил Соломон, страх пульсировал в его крови.

— Там трое, — он пристально посмотрел на Соломона. — Я даже не представляю, что нам с ними делать.

Что это могло значить?

Видя его замешательство, дядя покачал головой.

— Прости, но тебе просто необходимо увидеть это.

Соломон перевел взгляд на Хаос, которая уставилась в пол, качая головой.

— Останься с ней, — обратился он к дяде, убирая пистолет обратно в карман.

Хаос вцепилась в руку его дяди, словно за спасательный круг, пока Соломон направлялся в соседнюю комнату страха.

Запах, который стоял в коридоре, уже вызывал у него тошноту. Вонь мочи, рвоты и... крови, которая смешивались с резким химическим запахом. Когда он завернул за угол, то словно врезался в стену ужаса, когда увидел первую женщину. Она была обездвижена в гинекологическом кресле при помощи скотча, в ее влагалище находились медицинские инструменты, и она была, мать вашу, беременна!

— Блять! — он резко развернулся и выбежал, судорожно хватая ртом воздух. — Блять, что за херня! — прокричал он, сгибаясь и пытаясь схватиться за что-нибудь для поддержки. — Что это было? Что я только что увидел? О, Боже! — Соломон прикрыл рот рукой и начал ходить кругами, а затем указал в сторону комнаты. — Что это такое, дядя Джо, что там происходит? — он резко покачал головой, широко распахнув глаза от ужаса — Я не понял, что я только что увидел!

— Не знаю, сынок! Как я понял, он доводил их до беспомощности электричеством и затем выкачивал кровь, я не могу сказать, что еще он делал! — прокричал он яростно в ответ.

— Они же... беременны! — задохнулся Соломон, произнося слова тихим шепотом, борясь со слезами. — Они, что, мертвы? А как же дети, дядя Джо, они тоже мертвы?

— Я не знаю, сынок, им необходимо в больницу.

— Мы должны позвонить в службу спасения 911, — проговорил Соломон голосом,

пропитанным паникой.

— Нет! — вскрикнула Хаос. — Только не в полицию!

Соломон начал ходить взад-вперед, всеми силами пытаясь убрать подальше все то дерьмо, что наполняло его разум, и посмотрел на дядю.

— Тогда нам лучше поторопиться, — он многозначительно кивнул — Мы должны постараться спасти их.

— Там... еще люди, — Хаос прошептала надломленным голосом, наполненным горечью.

Они перевели взгляд на нее, а она уставилась в пол, все ее тело сотрясалось дрожью.

— Под домом. Он-он держит их там, чтобы подготовить.

— О, Иисус, — проговорил Соломон. — Сколько их там?

Она энергично затрясла головой.

— Я никогда не пыталась увидеть их. Я заставила себя не видеть их! — она практически кричала с искаженным от гнева лицом.

— Хорошо, хорошо! — Соломон поспешил к ней. — Мы вызволим их оттуда. Этого ты хочешь? Ты хочешь спасти их? Теперь мы в порядке, да? Хаос! — прокричал он, трясая ее, когда она, казалось, готова была полностью сломаться. — Мне нужна твоя помощь!

Ее руки дрожали, вскинутые в воздух, глаза распахнуты еще шире, чем до того момента как они пришли сюда.

— Я помогу! — ахнула она. — Я помогу! Я помогу им! Пожалуйста, помогите мне! — она вся сжалась, слезы катились из ее глаз.

— Мы поможем тебе! — Соломон посмотрел на своего дядю, который, казалось, смотрел на все это в полной растерянности. — Мне необходимо, чтобы ты села прямо здесь и следила за дверью, сможешь? Просто смотри на дверь, если хоть кто-то подойдет, ты закричишь, поняла меня?

Она позволила ему усадить себя и кивнула.

— Я буду наблюдать, я буду наблюдать за дверью! Поторопитесь! — прошептала она

— Что насчет машины? — спросил дядя Джо. — Мне нужны ключи, у него их не было при себе. — Джо посмотрел на Хаос и аккуратно проговорил: — Может, ты помнишь, где еще он мог хранить ключи?

— Они в-в-висят. На кухне.

— Сбегай и посмотри, — сказал ей Соломон. — А я посмотрю, что можно сделать здесь. Пожалуйста, поторопись.

Джо вышел за дверь, а Соломон бросил последний взгляд на Хаос, которая сидела и внимательно смотрела на дверь, как ее и просили.

Когда он вернулся в комнату, то старался не смотреть ни на что, что не требовало его пристального внимания. Но куда бы он ни отвел взгляд, все наполняло его ужасом. Первое, что он сделал, прикрыл их нижние части тела. Он не мог смотреть на закрепленные скотчем ноги в стременах гинекологического кресла и провода, которые были подведены к их вагинам. Господи, зачем все это? Что-то связанное с детьми? Он посмотрел на монитор, к которому было подсоединено оборудование, и не смог ничего понять, по крайней мере, там не было ничего, имеющего смысл.

Он подошел к голове девушки, боясь увидеть, сколько ей лет. «Не смотри на ее лицо». Но как? Ему придется посмотреть, чтобы понять, женщины в сознании или изнывали от боли. Соломон принудил себя перевести взгляд на ее лицо, и как только он сделал это, то

уже не смог отвернуться. Его мозг мгновенно сделал свою работу и предоставил ему ту информацию, которую он никогда не хотел знать или запоминать. У нее зеленые глаза. Ей едва ли двадцать. И в ее почти безжизненном взгляде плескалось невероятное количество боли.

— Ты меня слышишь? — прошептал он, пытаясь звучать спокойно. — Можешь моргнуть?

Ее веки медленно закрылись, и он подскочил, подсознательно не ожидая этого.

— О, Господи, я собираюсь помочь тебе, — сказал он, желая, чтобы она поняла, он — не один из этих монстров. — Я здесь, чтобы помочь тебе. Мужчина, который причинял тебе боль, убит. — Он понял, что ее глаза не открылись вновь, и запаниковал. — Ты все еще слышишь меня?

Ее глаза едва приоткрылись, и на него нахлынуло облегчение, когда он прикоснулся к ее щеке.

— Мне так жаль. Хорошо, я вызволю тебя отсюда. Мне просто... — он оглядел все те вещи, которые были подсоединены к ее телу. — Мне нужно понять, что тут к чему, — едва слышно проговорил он. — Что это за херня?

Внезапно на него накатила тошнота, но он сумел подавить рвотный позыв. «Черт возьми, соберись. Освободи этих женщин, и убирайтесь отсюда».

— Мне нужно начать... здесь. Я собираюсь освободить тебя, — он убрал электроды с ее висков, затем заставил себя посмотреть на зубцы на ее груди. — Я просто отцеплю их, — проговорил он, проглатывая всхлип.

Она захныкала, когда он попытался убрать их, и Соломон бросил взгляд на ее лицо.

— Извини, — воскликнул он, стараясь разобраться, почему оно не отсоединяется.

— Иисусе, как это крепится? — он напрягся, склоняя голову, чтобы получше рассмотреть. И, наконец, он увидел, что вокруг металла кожа была расплавлена.

— О, мой Бог, — едва слышно проговорил он. — Я... я вытащу тебя. Мне нужно торопиться, прости, если будет больно. — Он взглянул на катетеры, которые вели к ее рукам. Кровь. Он вливал ее ей или забирал? Соломон обнаружил на полу металлический сосуд с кровью, к которому вел конец с трубкой. Он забирал ее кровь, Господи Иисусе. Соломон аккуратно освободил ее руку и вынул иглу катетера, прижимая к месту прокола палец в течение нескольких секунд. Он убрал палец и не был удивлен тому, что рана не кровоточила.

— Я... собираюсь освободить твою ногу, — прошептал он больше для себя, пока сражался со скотчем стального цвета, который был обернут вокруг ее щиколоток и части голени. Он поискал и нашел хирургические ножницы и побежал обратно, чтобы разрезать скотч. Нижняя часть ее ноги была холодной, как лед, и фиолетового цвета от недостаточной циркуляции крови.

«Пожалуйста, дядя Джо, поторапливайся. Приди, черт возьми, и помоги мне». Как только он освободил ее ноги, то сглотнул ком в горле.

— Ладно... — он посмотрел на провода, которые вели внутрь ее тела, и догадался. — Я просто собираюсь перерезать провода, хорошо? Доктор поможет убрать их, не волнуйся, — прошептал он, аккуратно обхватывая черные проводки и перерезая их.

— Готово! — произнес Джо, вбегая в комнату.

— Слава Богу, дядя Джо, помоги мне закончить. Я не могу отсоединить ее от этих приспособлений, прикрепленных к верхней части ее туловища, к груди. Они воткнуты в тело

и вплавились в чертову кожу, — прошептал он.

Тот быстро подошел и посмотрел.

— Господи.

— Что нам делать?

— Я только знаю, что нужно поторапливаться, — проговорил он. — Ищи лезвие, придется срезать это.

Соломон в ужасе замер, чувствуя подкатывающую тошноту от того, что придется вырезать это из ее кожи.

— Я начну откреплять то, что смогу, на двух других девушках, — проговорил Джо, пока Соломон рылся в медикаментах.

— Есть, — Соломон держал что-то похожее на острый инструмент. — Нашел, это сработает? — он рванул в коридор. — Где Хаос, она в порядке?

Он подбежал к ней и вздохнул с облегчением, когда нашел ее на том же месте.

— Соломон!

Соломон резко развернулся, услышав в голосе панику.

- Что-то не так! — воскликнул Джо, пытаясь изо всех сил снять все эти гребаные приспособленные, прикрепленные к ее голове, пока ее тело сотрясалось.

— Судороги! — Соломон спешно подбежал к нему. — У нее судороги, держи ее, помоги мне держать ее. — Соломон навалился всем своим весом на девушку.

— Я не могу ее удержать, — закричал его дядя, выдавая ярость.

Соломон изо всех сил старался удерживать ее тело на месте.

— Давай же, — шептал он у ее лица. — Приди в себя, пожалуйста, только приди в себя. — Казалось, прошла целая вечность, прежде чем ее тело прекратило сотрясаться, и Соломон отстранился, чтобы взглянуть на нее. — Давай, давай же, ну же, — проговорил он, коснувшись ее лица. — Приди в себя, давай же. Очнись, ты сможешь, очнись! — прокричал он, в отчаянии похлопывая ее по лицу. — Эй, давай же, приди в себя, ты сможешь, Господи! — разразился он неистовыми криками. — Пожалуйста, очнись же! Умоляю тебя!

Ничего.

И затем она издала вздох.

— О, черт! Живая! — воскликнул Джо, когда Соломон всхлипнул от облегчения и поторопился освободить ее.

— Освободи другую, — произнес Соломон, убирая всю эту мерзкую дрянь с тела девушки. — Оставайся со мной, милая, — обратился он к ней. — Ты должна выжить, хорошо? У тебя есть родители, которые ищут тебя. Пришло время возвращаться домой, — успокаивающе бормотал он, срезая скотч с ее щиколоток и перерезая провода, находившиеся между ее ног. — Мы можем просто перерезать провода, которые приплавлены к их груди, — бросил он дяде. — А в больнице доктора сами найдут способ их отсоединить.

— Точно! — согласился Джо с облегчением в голосе.

После того как они перерезали все провода, дядя проговорил:

— Я отнесу первую девушку в машину.

— Я возьму вторую, ты останешься с ними, а я принесу последнюю и приведу Хаос.

— А как насчет тех, что в доме? — внезапно вспомнил Джо.

— Мы заберем и их.

Они поспешили вынести женщин из маленького коридора.

— Хаос, следуй за нами к машине.

— Я здесь, я здесь, — ответила она, держась позади Соломона и крепко хватая его за футболку.

— Вот так, Красавица, не отпускай меня. Мы отлично справляемся.

Они осторожно вышли из мерзкого дома, переступая через мертвого доктора. Хаос издала ужасающий вопль, как будто это было самой отвратительной вещью, которую она когда-либо совершала.

Оказавшись внутри небольшого гаража, дядя с досадой в голосе произнес: — Черт, мне нужно было выгнать машину отсюда.

— Сейчас уже слишком поздно, — натянуто проговорил Соломон. — Хаос, открой дверь.

Она держала ее открытой, и Соломон бережно опустил тело едва живой женщины на сиденье и усадил ее в самом конце. — Вот так, давай ее мне, — обратился он к дяде.

Тот передал ему вторую женщину, и Соломон разместил ее тело как можно ближе к

первой, чтобы она не завалилась набок. Выбравшись из машины, он уставился на них, они сидели, словно безжизненные тряпичные куклы. Зрелище было ужасающим.

Соломон развернулся к Хаос, встречаясь с ее взглядом.

— Дядя Джо останется здесь, пока ты и я заберем оттуда последнюю женщину. Хорошо?

Она быстро кивнула, готовая выполнить сказанное им без тени сомнения. На пути обратно, Соломона обуревало сильное желание пристрелить дьявольскую собаку, которая лаяла и лаяла, не затыкаясь. Он поднял на руки последнюю женщину, которая выглядела, как жалкий мешок с костями, и задохнулся, заметив движение внутри ее живота. «Пожалуйста, пусть мать и ребенок выживут, Господи, пожалуйста».

Соломон поместил ее в машину и закрыл дверь, прежде чем они все поспешили вернуться в дом.

— Ты можешь показать, где именно расположено помещение под домом, в котором находятся люди?

Она начала энергично кивать в ответ, но в этот момент дядя Джо остановился перед крыльцом, у которого на привязи находился пес, бросаясь и пытаясь дотянуться до них, с пеной у пасти. Массивная цепь была слишком длинной, чтобы они могли обойти его.

Словно он тоже оценил возникшую проблему, дядя Джо достал пистолет.

— Не смотрите, — пробормотал он.

Соломон быстро прикрыл рукой глаза Хаос, и они вдвоем вздрогнули, когда оружие выстрелило, заставив навсегда замолчать собаку.

— Черт побери! — проскрежетал дядя, торопливо поднимаясь по ступенькам. Все внутри дома этого психопата было пропитано затхлостью, а в нос ударил едкий запах дыма.

— Сюда, — прошептала Хаос. Она продолжала обхватывать свою шею под подбородком, позволив лишь дрожащему пальцу указывать дорогу.

Как только они миновали коридор, она прошептала:

— Здесь!

Тем же оттопыренным пальцем она указала на дверь, и дядя открыл ее. Пошарив вдоль стены ладонью, он нажал на выключатель, осветив тусклым светом шаткий ряд ступенек, спускающихся, вероятно, в преисподнюю. Джо остановился и посмотрел на Соломона.

— Кто-то должен остаться наверху, чтобы проследить, не появится ли у дома кто-нибудь еще. Вы с ней останетесь, а я пойду и взгляну... с чем мы имеем дело.

Соломону захотелось взвыть от облегчения, что не придется идти туда. Просто ему была необходима пара минут, чтобы переварить произошедшее, прежде чем столкнуться с новым.

Джо поспешил спуститься по лестнице, и желудок Соломона сжался от звука шокированных возгласов. Он почувствовал острое желание расспросить Хаос о том, что находится внизу, просто для того чтобы быть подготовленным. Она едва могла находиться в этом месте и еще меньше хотела что-либо рассказывать ему об этом. Хаос стояла у стены в своем измазанном грязью желтом платье, сжав руки под подбородком.

Неспособный устоять на месте он предложил: — Пойдем проверим окна, выходящие во двор дома.

Выглядывая из-за занавески, он посмотрел на улицу. Все было до жути тихим и спокойным. Он не был уверен, где в данный момент находилась та трехлапая собака, возможно, она лаяла лишь для того, чтобы завести дьявольскую собаку.

Внезапно зазвонил телефон.

Соломон подпрыгнул от громкого звука. Черт, до него дошло. Доктор ответить не сможет.

Он поспешил к телефону и уставился на отвратительную черную вещь, стоящую на захлабленном столе, задаваясь вопросом, что же делать. Как только Соломон задумался о том, есть ли у телефона автоответчик, он тут же включился.

— Доктор Мансард? Это сестра Мэри. Мастер попросил меня позвонить и проверить как у вас обстоят дела. Он послал к вам брата Джонсона и брата Ларсона, чтобы убедиться, все ли в порядке.

Соломон поспешил к окнам, выходящим на передний двор, не дослушав сообщение до конца. Он пытался внимательно, насколько это возможно, изучить окружающую местность. Никакого света. Никакого света фар на дороге, которые он мог бы заметить. Его сердце неистово стучало в груди, когда к нему пришло осознание. Они обнаружат доктора мёртвым на земле, как только подъедут к дому. Поэтому нужно убираться отсюда как можно быстрее. Затем направить сюда полицию из другого штата, чтобы они закончили работу.

Нет. Тогда они просто увезут жертв, и полицейские никогда не найдут их.

Соломон схватил Хаос за руку и побежал с ней по коридору, как раз в тот момент, когда дядя Джо поднялся из подвала, держа на руках обнаженную женщину, которая была едва жива и истощена от голода. Соломон поспешил сообщить дяде: — Мастер послал двух мужчин проверить доктора.

— Там внизу заперт еще один пленник, и это ребенок! — запыхавшись, произнес дядя. — Достаньте его из клетки! Он напуган и ведет себя дико, так что будьте осторожны, он уже укусил меня.

— Черт, — с отчаяньем произнес Соломон, глядя на Хаос. — Ты останешься здесь или пойдешь со мной?

— Я пойду, пойду с тобой, — проговорила она, быстро кивая в ответ.

Соломон осторожно спустился по лестнице, так быстро, как только мог, завернул за угол и направился к дюжине клеток вдоль стены. Он прикрыл свой нос и рот от зловония, что исходило оттуда. Запах чего-то загнивающего, и это были не пищевые отходы. Он уставился на единственную клетку в центре комнаты, которая была выставлена на обозрение, словно демонстрационный образец, только одному Господу известно для чего. Но, судя по размазанной крови на белых решетках и другим непонятным предметам на полу, он определенно не желал знать причины этого безумия.

Соломон посмотрел направо и замер. Блять, блять, блять. Его желудок медленно сжался, когда взгляд прошелся по ряду огромных закупоренных банок, заполненных частями тел! Некоторые из них были маленького размера! О, Господи, и даже целые человеческие эмбрионы!

— Ш-ш-ш, успокойся.

Соломон развернулся и обнаружил Хаос, которая стояла на коленях возле клетки мальчика. Он поспешно подошел к ней, стараясь изо всех сил не вдыхать в легкие воздух, пропитанный зловонием, хотя испытывал отчаянное желание сделать вдох.

— Ты помнишь меня? Хочешь покинуть это место и никогда не возвращаться?

От вида запертого в клетке парнишки Соломона чуть не вырвало. Ему на вид было примерно десять или двенадцать лет, но он был настолько худым, что, вероятно, мог быть и старше. Или младше. Огромные карие глаза, запавшие в глазницы черепа, пристально рассматривали ее.

— Я собираюсь открыть клетку, — едва слышно прошептала она. — А ты возьмешь мою руку и уйдешь отсюда вместе со мной. Ты меня помнишь? — вновь спросила она.

Он кивнул, что было хорошим знаком.

Она открыла замок и подняла заслонку, которая открывала вид на узкую койку, затем протянула ему руку.

— Давай, нужно поспешить, — проговорила она с необычайным спокойствием в голосе. Мальчик вложил свою ладонь в ее, смотря на Соломона напуганным взглядом.

— Иди впереди нас, — едва слышно проговорила Хаос, ее слова прозвучали взволнованно.

Соломон поспешил к лестнице, оборачиваясь назад на каждой следующей ступеньке, чтобы убедиться, что они шли прямо за ним. Как только они достигли верхней ступеньки, к ним подошел дядя Джо. Мальчик в тот же момент спрятался за Хаос.

— Он хороший человек, тебе не нужно его бояться, — она сдвинула руку, чтобы помочь ему укрыться за своей спиной.

Казалось, дядя Джо боролся с приступом тошноты, одновременно чувствуя облегчение, видя, что им удалось освободить мальчишку.

— Держитесь как можно ближе друг к другу, давайте поторапливаться.

В дверях гостиной Соломон вспомнил: — Как насчет того, чтобы позвонить отцу?

— Где телефон? — поторопился Джо, осматривая комнату.

— Вон там, — указал Соломон. — На столе.

Дядя подбежал к столу и схватил телефонную трубку, набирая номер, пока Соломон продолжал наблюдать за подъездной дорожкой и основной дорогой.

Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди, когда дядя неожиданно вскрикнул: — Джон!

Он ответил!

— Мы застряли на окраине Уэстона, за нами гонятся сектанты. Это твой брат Джо, сс мной Соломон! Да, твой сын. Они похитили его, я вызволил его из плена. И я застрелил человека, сейчас мы покидаем его дом. Он находится на Митхаус Роуд. Да! Да, это доктор! Прости меня, Джон, — проговорил дядя, отворачиваясь от них и кивая. — Хорошо. Хорошо, ты прав. Я знаю, где это. И если так случится, что мы не появимся... черт побери... мы доберемся. Джон, вместе с нами едва живые люди, которых мы спасли из этого места. Это ужасно, — произнес он, и его голос практически надломился. — Хорошо. Мне нужно идти, они могут появиться в любую минуту, а я бы не хотел тратить попусту пули на этих ублюдков!

Джо положил трубку и поспешил к двери, посмотрев в окно.

— Он будет ждать нас на перекрестке Кросвелл. Мы решим, куда ехать, когда пересечем границу штата.

Они поспешили к машине, мальчик наотрез отказался отходить от Хаос.

— Пусть сядет с тобой впереди, — проговорил Соломон. — Я сяду на заднее сиденье.

Они уселись, и Соломон проверил пульс у четверых женщин, которые должны были быть уже мертвы. Но по какой-то невообразимой причине они были все еще живы.

— Держитесь, только держитесь, мы уже уезжаем отсюда, — прошептал он.

— Ох, черт, — прошептал дядя Джо в ужасе.

Соломон резко повернул голову, наткнувшись взглядом на жуткую решетку радиатора старинного грузовика, который медленно двигался по подъездной дорожке. Фары были выключены.

— Я думаю, они не знают, что мы находимся в этой машине, — прошептал дядя. — Пистолет при тебе?

— Да, — Соломон достал его из кармана, в тот момент, когда мальчик начал издавать взволнованные звуки.

— Ш-ш-ш, тише, все в порядке, — успокаивающе зашептала Хаос.

— Они не смотрят в нашу сторону, — проговорил едва слышно дядя, вглядываясь в зеркало. — В тот момент, когда они будут достаточно далеко от нас, я заведу машину, и мы рванем отсюда. Будь готов стрелять, если потребуется.

— Понял, — Соломон крепко обхватил пистолет двумя руками.

— Ах, мать вашу, он смотрит в нашем направлении, — прошептал дядя Джо.

— Держи их! — прокричал мужской голос.

И мужчина побежал, сворачивая в их сторону.

— Сейчас! — прошипел Соломон.

Дядя Джо повернул ключ зажигания, и автомобиль привычно задрезжал, а затем, наконец, завелся. Перебросив руку через сидение, Джо сдал назад и вжал педаль газа до упора.

Соломон услышал звук удара и заметил краем глаза, как одного из мужчин отбросило, когда машина сбила его на сумасшедшей скорости.

Дядя Джо сдал назад, заезжая в сад, и колеса начали прокручиваться в холостую, забуксировав на месте. Черт, черт, черт, хоть бы они не застряли.

Старый Кадиллак зарычал, словно демон, и рванул в сторону машины, которая находилась на подъездной дорожке. О, Черт. Выезд заблокирован!

— Держитесь, — предупредил дядя, утопив педаль газа в пол, когда устремился в небольшой зазор между задней стороной приехавшего грузовика и спасением. Иисусе, у них не получится!

Не имея другого выхода, дядя Джо протаранил перекрывавшую дорогу машину, оцарапав ее с левой стороны и попав в канаву правым колесом. Их подбросило сильным толчком, потому что автомобиль продолжал двигаться, затем последовал удар, и левое колесо тоже угодило туда же.

— Иисусе! — прокричал Соломон, стараясь изо всех сил удержать едва живых женщин от того, чтобы они не свалились на пол.

Шины, наконец, ударились о бетонное покрытие, с пронзительным победным визгом унося их прочь из преисподней, и Соломон обернулся назад, чтобы посмотреть, как обстоят дела. Черт.

— Они догоняют нас! — прокричал он.

Приблизившись к ним за считанные секунды, передние фары грузовика преследовали их по пятам. Господи Иисусе, они прикончат этих бедных женщин еще до того, как успеют их спасти.

Дядя Джо мчался вниз по проселочной дороге на убийственной скорости, пока Соломон старался изо всех сил удержать женщин и прикрывающие их простыни на месте.

— Где мы должны встретиться с моим отцом? — прокричал Соломон, глядя через плечо.

— Примерно семь миль к северу отсюда.

— Черт, — проговорил Соломон. — Они нагоняют, нагоняют нас.

— Я знаю короткую дорогу.

Соломона охватила паника. Если это смахивало на их предыдущий короткий путь, то они все могли умереть. У них была возможность оторваться от преследователей, но они могли потерять свою машину, а, возможно, и свои жизни в придачу. А эти женщины не способны вынести еще больше увечий, даже если получают их не по вине человека.

— Может, я просто смогу застрелить их, — проговорил Соломон. — Я не хочу подвергать этих женщин еще большей опасности вероятностью столкновения с внезапно возникшими деревьями на дороге.

— Отлично, — бросил ему дядя, глядя в зеркала. — Тогда стреляй в этих мудаков.

— Не снижай скорости, — прокричал Соломон, нажимая кнопку, при помощи которой опускается боковое стекло. Стекло быстро заскользило вниз, затем Соломон прицелился в лобовое стекло преследователей и нажал на курок.

Грузовик вильнул, но вернулся к своему прежнему положению на дороге. Соломон выстрелил еще три раза, целясь в капот грузовика. Пожалуйста, пусть хотя бы одна из пуль попадет в цель!

Капот взлетел вверх, и грузовик пару раз развернуло, прежде чем он, наконец, слетел в кювет!

— Ты попал в него! — прокричал дядя Джо.

Соломон с облегчением опустился обратно на свое место, замечая, что прикрывавшая женщин простыня вновь упала. Он поспешил поправить ее, оглядываясь назад, наблюдая за дорогой. Она была пуста. На данный момент.

Спасибо тебе, Господи.

Хаос продолжала смотреть через плечо на Соломона. Было сложно не замечать едва живых людей рядом с ним, тех, которых она помогала убивать. Она помогала держать этих людей взаперти, и теперь их, наконец, освободили. Несмотря на то, что их тела были едва живыми, все, что находилось внутри, давно мертво.

Мальчишка льнул к ней, как к спасительнице, совершенно не осознавая, что именно она помогла уничтожить его невинность. Они называли это лечением. Но Хаос не могла сейчас игнорировать голос, который звучал внутри нее. Плохие вопросы вырвались на волю, готовые помочь ей разобраться во всем. Только на данный момент не в чем разобраться, каждый из этих вопросов был задан самой себе уже давным-давно. И теперь на них получен ответ. На все разом. Все неправильно. Неправильно. Неправильно. Все, что она делала, было неправильным. Именно к этому осознанию подталкивали ее эти вопросы.

А она заставила их замолчать. Она была послушной. Игнорируя то, что было правильным, совершала то, что делало Мастера счастливым. Она делала это не для того, чтобы поступить правильно. А потому, что... хотела, чтобы ее похвалили. Приняли. Полюбили.

Она позволила многим людям страдать и умереть, лишь бы почувствовать это.

Она гораздо хуже, чем считала. Теперь, когда высвободились вопросы, все остальное, сокрытое в ней, тоже вырвалось на свободу. Как, например, ее способность видеть истину в том, что касалось ее самой. Она была очень мерзкой и злой. Хаос отчаянно желала, чтобы этих женщин вообще не было сейчас в машине, тогда она бы сидела рядом с Соломоном. Она не считала направление своих мыслей ошибочным, не думала о том, где могли бы находиться эти женщины, если бы не находились сейчас в машине. Если честно, ей было абсолютно наплевать, где они могли бы находиться, единственное, что для нее имело значение, — это быть с Соломоном. Прямо сейчас. Она, возможно, выбросила бы их полутрупы на обочину, если бы следовала своему злему умыслу. Именно такой она стала, именно в такого человека превратилась. Ей было абсолютно наплевать на окружающих, за исключением себя. Вероятно, ее волновала только судьба Соломона, ведь он был добр к ней. И сказал, что любит ее. Она так хотела верить в это. Но как она могла познать, что такое любовь? Хитросплетенья проклятья настигли и ее. Вот что происходит, когда вы отвергаете данные вам Богом дары. Проклятье сжирает дух. Она сполна получила то, что заслужила. Сердце дьявола.

Разум напомнил ей об оставшейся в Ордене бабушке, подтверждая эти мысли. Она даже не думала о ней. Вот в какой незначительной степени Хаос волновалась о других. Была ли она вообще жива? Мертва? Подвергалась пыткам? Кто знает. Хаос решила просто не думать о бабушке. Безмолвию наплевать. Хаос безразлично. А Красавице Соломона и подавно.

Сейчас они направлялись на встречу с настоящим отцом Соломона. Нет, приемным отцом. Мистером Крэтчем. Хаос улыбнулась про себя при мысли, что встретится с ним еще раз. Помнил ли он ее? Она была рада узнать, что он являлся отцом Соломона. Нет, приемным отцом, поправила она себя вновь. Кем же тогда были настоящие мать и отец Соломона? Об этом она размышляла на протяжении нескольких дней. Ей было грустно, что он не знал их. Или все же знал?

Наконец, они добрались до места встречи. Но все, что Хаос могла видеть, было лишь

дорогой. Она вновь бросила взгляд через плечо на Соломона. Она скучала по нему. Хотела быть рядом с ним, чувствовать его прикосновения, пока могла. Казалось, в ее теле все еще велся внутренний отсчет. Скоро произойдет нечто плохое, и придет конец благословленному времени для них.

— Свет фар, — прошептал дядя Джо, вглядываясь в зеркало заднего вида.

— Он должен приехать с той стороны? — спросил Соломон, смотря в заднее окно на приближающуюся машину.

— Я не знаю, где он находился, когда мы связались с ним, поэтому точно не уверен, — Джо завел машину и снова поехал. — Я за то, чтобы быть готовыми сорваться с места, в случае неприятностей.

Хаос скользнула взглядом по мальчику. Ей не нравилось то, как он держал ее за руку. Это заставляло ее ощущать себя грязной лгуньей. Она заставила себя взять его за руку, полная решимости делать то, что казалось ей правильным. Она обнаружила, что ей приходилось делать совершенно противоположное тому, что она чувствовала и о чем думала большее количество времени.

— Это он, — пробормотал дядя, припарковав машину и заглушив двигатель.

— Можешь подождать здесь, Красавица? — спросил Соломон.

Она заставила себя кивнуть. Хаос хотела пойти с ним, но это было неправильно. Эгоистично, и она должна быть достаточно умной, чтобы понимать это.

Хаос слушала их голоса, звучащие снаружи. Они обсуждали девушек, что находились в машине, решая, что делать с ними.

— Мы не можем отвезти их в больницу, — она узнала голос мистера Крэтча.

— А что, если мы поедem в Кентукки?

— Черт, нет, — проговорил мистер Крэтч. — В тех краях тоже много такой херни.

— Тогда в Огайо. Доедем до ближайшего медицинского учреждения, оставим их в припаркованном автомобиле возле входа скорой помощи и позвоним в службу 911, чтобы их забрали, — это говорил Соломон.

Хаос улыбнулась тому, насколько он был умен. И тому, каким добрым человеком он являлся. Насколько заботливым был. Она вспомнила, как он продолжал прикрывать этих женщин простыней и всегда заботился о безопасности. Он ангел.

Она больше не могла расслышать их разговор, они понизили голоса. И Хаос пронзила боль. Вероятно, сейчас они беседовали о его Шантиль и том, что им необходимо найти ее. Не желая, чтобы их слышала Хаос, это ее огорчит. Но она не была ребенком. Она могла принять правду. И ей не нравилось, когда от нее утаивали секреты, они сразу же начинали ощущаться как ложь и прочие грязные уловки.

Наконец, мужчины вернулись в машину и поехали дальше. На этот раз Хаос не обернулась на Соломона, она не хотела видеть выражение его лица, когда он думал о Шантиль. С тех пор как в разговорах стали упоминать Шантиль, он начал вести себя как совершенно другой человек. Был Соломон, хорошо знакомый ей, который любил ее, но был и другой Соломон, любивший Шантиль.

Как бы сильно она ни любила его и как бы отчаянно не хотела, чтобы его сердце было наполнено желанием только к ней, но наблюдать за тем, как он думает о Шантиль, было выше ее сил. Но ее мыслям нет места в его счастье. Ему не нужна тупая шлюха с душевными проблемами.

Пока они ехали в тишине, Хаос пыталась найти то место внутри себя, которое бы

помогло ей абстрагироваться от чувств. Соломон не предпринимал попыток проверить ее самочувствие, как всегда делал это. Она не хотела, чтобы это причиняло ей боль, но ничего не могла с собой поделать. Это было подобно случайному порезу, который не переставал кровоточить, как бы сильно она не пережимала его, пытаясь сдавить и закрыть рану. Ей необходимо спрятать все свои глупые израненные части в том месте внутри себя. Но это безопасное местечко в подсознании находилось сейчас вне ее досягаемости. Необходим специальный ключик, чтобы попасть туда, и Мастер был единственным человеком, кого она знала, кто мог поместить ее туда. Он делал это множество раз. Она не знала способа, как попасть туда, казалось, путь в то место известен только Мастеру.

Она должна научиться хотя бы как-то скрывать свои кровоточащие раны. Хаос вспомнила игру в противоположности. Мастер играл в нее огромное количество раз: говорил одно, а делал совершенно другое. Ей не нравилась эта игра, но она была ей хорошо знакома. Она могла использовать эти хитрые уловки, чтобы казаться цельной, в то время как на самом деле была полностью разбита. Выглядеть счастливой, когда была грустной. Притворяться невинной, когда была грязной. И казаться умной, в то время как была глупой.

Ради Соломона.

* * *

Соломон смотрел в окно, когда они подъехали к первой же больнице в Огайо. Одну за другой он проверил у женщин пульс. Каждый раз, когда старался почувствовать биение сердца, внутренний страх нашептывал ему, что он не обнаружит его. Притом отсутствие пульса было вполне оправдано, тогда как совершенно необъяснимой вещью было его наличие. Проверая последних двух, ему пришлось приложить все усилия, чтобы почувствовать хотя бы слабое сердцебиение. Проверка пульса была принудительной пыткой. Потому что каждый раз он успевал прожить их смерть и удивительное воскрешение за какие-то десять секунд.

— Вот она, — проговорил дядя Джо, въезжая на стоянку скорой помощи. Они осмотрелись, убеждаясь, что место было безлюдным.

— Мы оставим женщин здесь, но заберем с собой мальчика? — ещё раз переспросил Соломон.

— И позвоним с телефона-автомата, — сказал Джо. — Затем подождем немного и удостоверимся, что женщин забрали в больницу.

Отец Соломона постучал в окно, и Джо выбрался наружу.

— Шевелитесь, — поторопил он.

Соломон не стал перечить, поэтому тоже вышел и обошел машину, подойдя к месту, где сидела Хаос, и отвел ее и мальчика к автомобилю отца. Он мельком осмотрелся вокруг и усадил их на заднее сиденье. Наконец, они будут сидеть рядом с Хаос.

Он побежал обратно к машине дяди Джо и бросил последний взгляд на девушек, которые были в совершенно безжизненном состоянии. Он с трудом подавил желание вновь проверить их пульс.

— Шевелитесь, им срочно нужен врач.

Они в полном молчании захлопнули двери и поспешили к машине отца. Пару минут

спустя мистер Крэтч стоял у телефона-автомата, делая звонок, который хотел сделать Соломон. Он просто не нашел подходящую причину, чтобы настоять на своем, поэтому позволил отцу сделать это за него. Он сам хотел убедиться, что на том конце провода понимали, насколько серьезна ситуация.

План был следующим: выждать пятнадцать минут и уехать. Затем, покинув штат, они бы посмотрели новости в комнате какого-нибудь отеля, чтобы узнать последнюю информацию о женщинах.

— Сделано, — сказал отец по возвращении в машину. — Теперь ждем. — Он посмотрел на часы, и Соломон почувствовал себя лучше, но, несмотря на это, ему хотелось расспросить, что тому сказали.

Было так странно вновь находиться рядом. Отец постарел. Он никогда не был человеком, открыто проявляющим чувства, но, когда они встретились на дороге, он обнял Соломона так крепко, что это заставило его затаить дыхание. Это было тем объятием, которые отец не позволял себе с ним в течение всех этих лет, поэтому в это единственное вложил все то, что было упущено. И нерушимая стена, что окружала сердце Соломона, рухнула, заставляя его вновь почувствовать отчаянную потребность в отеческой любви.

Сердце Соломона забилося сильнее, когда он вспомнил произнесенные отцом слова при встрече. Соломон заставил себя не думать о них, иначе он просто сойдет с ума. "У меня есть информация о Шантиль".

Они не могли продолжить разговор у дороги, поэтому Соломону оставалось лишь гадать. Гадать, какие именно новости есть у отца по поводу его невесты, пропавшей два года назад.

Было так много вопросов, которые он хотел обсудить с ним сейчас, так много секретов, которые нуждались в том, чтобы ими поделились.

— Пора, — произнес отец, заводя машину и направляясь к больнице. Они объезжали ее с противоположной стороны, и Соломон ахнул, увидев, что их прежняя машина окружена врачами скорой помощи.

— Они нашли их! — прошептал Соломон, слезы застилали его взор, когда облегчение, словно приливная волна, с силой обрушилось на него. — Их забирают, — произнес он, когда дюжина медиков спешно заносили женщин в больницу на носилках. — О них позаботятся.

Хаос обняла его, и он, черт возьми, чуть не подавился от ощущения, будто они только что пережили долгие часы, наполненные адскими муками. Чувствовать ее в своих объятиях, быть в безопасности... его разум пришел к заключению, что сейчас самое подходящее время заплакать. И он даже не пытался сдержать слезы, это было ему не под силу. Он отчаянно рыдал, как мальчишка, от осознания реальности кошмара, который они пережили. Эти женщины выжили. Мальчик выжил. И девушка, сидящая рядом с ним, обнимающая и укачивающая паренька в своих объятиях, смогла выжить.

Поездка в отель, который находился в другом штате, была долгой и тихой. Соломон устало вытянулся на сидении, насколько это было возможно, и откинул голову назад. Он потянулся к руке Хаос, и она переплела свои пальцы с его, ее движения были немного нервными и беспокойными.

Он взглянул на нее в темноте, потянувшись, чтобы прикоснуться к ее лицу. Когда она не отвернулась, Соломон притянул ее ближе. Он склонился и легко коснулся своими губами ее рта, желая проверить, где сейчас пребывал ее разум.

И получил в ответ больше нервной нерешительности. Поглаживая большим пальцем ее

щеку, он прижался к ее лбу своим и прикрыл глаза на пару секунд. Она вновь читала его, словно открытую книгу. Его мысли и эмоции были сосредоточены на отце, и тело вновь охватило оцепенение, как только он вспомнил о Шантиль.

Казалось, словно его мышцы отказывались взаимодействовать с Хаос до того момента, пока они, как полагается, не похоронят Шантиль. В то же время часть его сознания задавалась вопросом: «А что если она жива? Что если она все еще любит тебя? Нуждается ли тебе? Желает тебя? Как ты почувствуешь себя, если увидишь вновь ее?».

Как только он будет знать наверняка, что с ней произошло, он будет свободен. Быть свободным — означает делать то, что ему нужно сделать для Хаос. Он хотел ей все объяснить, но не в тот момент, когда они должны скрываться, для того чтобы спастись.

Возможно, он сделает это в отеле. Может, они возьмут две комнаты, и у него появится шанс заверить ее так, как она в этом нуждается.

Соломон подумал, что этот момент уже никогда не настанет, когда, наконец, запер за собой дверь гостиничного номера на ключ. Закрывая окна, он осмотрел окружающую обстановку, прежде чем плотно задернуть шторы.

Затем он повернулся и посмотрел на Хаос. Она испугано сидела на кровати, выглядя словно Дева Мария, над чьим достоинством надругался сам дьявол.

— Не хочешь принять душ?

Она поднялась на ноги, но ее взгляд не коснулся его лица, он остановился на груди.

— Ты первый. Пожалуйста.

Соломон подошел к ней и заключил в объятия, ненавидя ощущение того, насколько сильно она напряжена. Он крепко стиснул ее и едва слышно произнес:

— Хорошо, Красавица. — Он неподвижно стоял с закрытыми глазами, просто укачивая ее в своих руках, нежно поглаживая спину. Чуть погодя он направился в ванную.

Раздевшись, Соломон уставился немигающим взглядом на душевую шторку. Господи, настоящий душ. Каково это будет? Казалось, прошли годы с того момента, как он настоящему мылся. Он включил душ и отрегулировал поток теплой воды, под который с удовольствием изабрался. Соломон не хотел задерживаться здесь надолго, оставляя Хаос наедине с ее мрачными мыслями. Он быстро ополоснул короткий ежик волос, который теперь был у него вместо прежней длины, медленно двигаясь по заживающим ранам. Налив на мочалку жидкое мыло, он начал осторожно обтирать тело, так как струпья от ожогов зажили еще недостаточно и не очень хорошо реагировали на соприкосновение с водой.

Наконец, он закончил и выключил воду. Схватив полотенце, он обернул его вокруг талии, даже не удосужившись насухо вытереться. Он волновался о Хаос.

Открыв дверь, Соломон свернул за угол, наблюдая за ней тревожным взглядом. Она сидела на том же месте, что и прежде, немного раскачиваясь из стороны в сторону, впившись ногтями в собственную руку. Заметив его, она быстро опустила глаза. Что творилось у нее в голове?

Он подошел к ней и протянул руку, понимая, что ему снова придется исполнять роль доктора и настоять на том, чтобы она вернулась к прежнему верному образу мыслей.

— Я хочу помыть тебя, Красавица.

Она взглянула на его руку, потом ее глаза неспешно прошлись вверх по его обнаженному торсу. Обжигающее ощущение ее жесткого, неистового взгляда заставило его член затвердеть.

Ее губы приоткрылись, когда она вложила свою руку в его раскрытую ладонь, и, Боже, она покорно следовала его приказам, словно была его пленницей.

Он сам себе напомнил, что таковой она и была. Пленницей своего собственного кошмарного прошлого. Ему не следует забывать об этом, он должен быть терпеливым. Двигаться медленно.

Соломон также вспомнил, что удовольствие — чувство, которое она испытывала реже всего. Да, удовольствие. Оно поможет сломать ее внутренний сдерживающий барьер, чем бы тот ни был.

Хаос старалась дышать и думать одновременно. Ее разум буквально взорвался, когда Соломон вышел из ванны в одном полотенце. Его тело было все еще влажным и блестящим от капелек воды, и, Господи, она хотела броситься к нему, упасть на колени и облизать каждый миллиметр его тела.

Но желание ее тела и разум противостояли друг другу, отказываясь взаимодействовать, двигаясь в разных направлениях! Ее тело находилось рядом с ним, готовое исполнить все, что он пожелает. Но ее разум продолжал противиться этому, посылая противоречивые сигналы, заставляя вести себя, словно она безумна.

И теперь он вел ее в душ, а она испытывала страх. Почему? Почему она так испугана? Словно ожидая этого вопроса, в ее голове тут же всплыл ответ на него. Потому что это будет больно. Она испытает невыносимую боль, когда он выберет Шантиль и выбросит Хаос из своей жизни.

Когда они вошли в ванную, девушка ахнула, как только он прикрыл за ними дверь. Она застыла на месте, глупо уставившись на душ. Соломон не произнес ни слова, когда отодвинул ее волосы в сторону и начал расстегивать ее платье. О, Боже. Это ощущалось так, словно ее готовили к погребению. Именно это она и заслужила. Быть растерзанной на части. Она должна запомнить это. Если Хаос сосредоточится, тогда все будет проще.

Его пальцы нежно ласкали ее, когда он спустил платье по плечам. Материя упала к ее ногам лужицей, а теплый воздух ванной комнаты обласкал ее обнаженную кожу, заставляя затвердеть соски.

— Присядь, — проговорил он ей.

Она прикрыла глаза, затем отвела взгляд вправо, посмотрев на сидение унитаза. Она осторожно присела, смотря строго перед собой, не поднимая взгляд, все еще пребывая в состоянии страха.

Он опустился на пол и обхватил ее правую ногу, расшнуровывая ботинок и снимая его. То же самое он проделал с левой ногой, после чего отставил обувь в сторону.

Он поднялся на ноги, и вновь ее тело противоречиво среагировало вразрез ее мыслям, когда она попыталась взглянуть на него. Соломон сбросил с себя полотенце, и с ее губ сорвался вскрик, громкий и стыдливый, когда она уставилась на его красивый член. Он повернулся к душе и отодвинул занавеску, пока ее взгляд неотрывно следовал за источником желания. Включая воду, он вновь протянул ей руку.

Хаос уставилась на нее, зная, что это был последний шаг перед всепоглощающим пламенем. Протягивая свою руку навстречу, она приняла его, вручила ему свою жизнь. Отдала свою душу. Она была уверена, что он даже не подозревал об этом. И это было нормально. Он не должен переживать из-за ее личных страданий. Никогда. Больше никогда она не позволит этому произойти.

Хаос забралась в душ и повернулась лицом к струям воды, прикрывая глаза в ожидании. От влажного пара, сконцентрированного в таком небольшом помещении, кружилась голова, плававшее оставшееся в ней сопротивление.

Соломон развернул девушку лицом к себе, подставляя ее спину под струи воды, и помог ей намочить волосы. Каждое его прикосновение было подобно крошечным языкам пламени, неистово касавшимся ее плоти.

Его пальцы прошлись по всей длине ее волос и устремились к вискам... нежно пробежались по лицу. И двинулись ко рту. Ее губы приоткрылись с отчаянным вздохом, когда он погладил их подушечками пальцев.

Его пальцы исчезли, и она практически захныкала от внезапной болезненной потери его прикосновения. Начиная с ее стоп и поднимаясь выше, он омывал каждую часть ее тела. Такое трепетное внимание к ее плоти воплощалось для Хаос в чистейший акт преклонения. Он неспешно скользил ладонями по каждому дюйму ее тела, прослеживая, поддразнивая, мучая ее. Прикасаясь ко всему, за исключением местечка между ее ног.

Затем он приступил к омовению верхней части ее тела. Притянув Хаос к себе, он обнял ее, его лицо оказалось совсем близко. Хаос наблюдала за его руками, пока те гладили ее по животу, а его твердый член вжимался в нее. Она попыталась втянуть в легкие достаточное количество воздуха, когда почувствовала, как его эрекция набухла и дернулась у ее задницы, а его тяжелое дыхание обожгло ее щеку.

Одной ладонью Соломон прижался к ее лону, притягивая ближе к члену, в то время как другой рукой мыл ее груди.

— О, Боже, — наконец, ахнула она, растворяясь в огне — в огне обжигающих касаний его пальцев, что неспешно поддразнивали вершинки сосков. Ее лono пульсировало с такой яростной силой, что это причиняло боль. Как будто понимая это, его рука опустилась к соединению ее бедер. Он скользнул пальцами, прижав их по обе стороны от пульсирующего желанием места, раздвигая складочки и обнажая клитор, когда сам толкнулся бедрами навстречу.

Хаос старалась заключить его член между своими ягодицами, желая ощутить его внутри себя, почувствовать его таким способом и так долго, как она того хотела. Он издавал те самые звуки, грудные и гортанные, которые заставили ее еще отчаяннее желать этого.

Наконец, Соломон прикоснулся к ее клитору, и Хаос вскрикнула. Она ощущала мыльную пену на его пальцах, идеально скользящих по ее промежности. Почувствовав, что не может устоять на ногах, она потянулась и обвила рукой его за шею, готовая почувствовать всю его длину, больше не задумываясь о смерти, оставляя мысли лишь о том, что происходило здесь и сейчас. О вспыхнувшем между ними пожаре, чье пламя стало невыносимо горячим. Безумно горячим.

Хаос вновь оказалась под душем, и Соломон ополоснул ее. Она стояла, подрагивая, когда он прошелся ладонями по ее волосам, а затем переместил ее таким образом, что струи воды стекали по всему ее телу. Потом она почувствовала, как Соломон вновь приблизился к ней, напоминая собой живую стену огня. Кончики его пальцев сжали ее лицо с двух сторон и, удерживая, прижались к ее подбородку, когда он скользнул ими вниз.

Он истязал ее лишь жаром своего дыхания, которое она ощущала на своих губах в течение долгих и томительных мгновений, пока Соломон не начал ее поглощать в буквальном смысле слова. Сначала, нежно лизнув, он чувственно прошелся языком по всей ее нижней губе, затем проделал то же самое с верхней. В ответ Хаос крепко схватилась за его запястья, чтобы предотвратить свое падение, так как ее колени едва не подогнулись.

Все, на что она была способна, это отчаянно хныкать и принимать энергию, которой он насыщал ее тело.

— Красавица, — прохрипел он, прежде чем глубоко погрузить язык в ее рот и лизнуть. Его полные губы чувственно посасывали и глубоко целовали ее.

— Соломон! — всхлипнула она, погружаясь в происходящее, погружаясь в него самого.

В одно мгновение ситуация изменилась, и Хаос оказалась прижата спиной к стенке. Соломон сокрушал ее своими губами и языком, скользя по шее, затем по груди. Она прошла пальцами по короткому, бархатному на ощупь ежику его волос, умоляя уничтожить ее любым способом, который он выберет, только бы он сделал это. И сделал это как следует.

Зарычав, Соломон издавал те самые звуки, что сводили Хаос с ума. Она проводила ногтями везде, куда могла дотянуться. Затем он оставил ее грудь и начал целовать ниже. Спускаясь еще ниже. Когда он не остановился, она ахнула и взглянула вниз.

— О, Господи, — всхлипнула Хаос, когда он опустил перед ней на колени.

Он положил сильную руку на ее живот и приподнял ногу, поставив стопу на бортик ванны.

— Соломон! — тяжело дышала она, отчаянно желая, чтобы он сделал то, что намеревался. — Ты собираешься... ты собираешься...

Склонившись, он поцеловал ее в укромное местечко между ног, затем поднял на нее взгляд.

— Да, именно это я и собираюсь сделать, — прошептал он, оставляя еще один поцелуй на чувствительной плоти. Затем, склонив голову, он вновь прикоснулся к ней приоткрытыми губами. Каждый поцелуй заставлял девушку всхлипывать, и каждый раз Соломон прикасался недостаточно близко к клитору.

— Я так хочу этого, — хныкала она, упираясь ладонями в стену, сжимая металлический поручень в ванной.

Он издал низкий, пронзительный гортанный звук, который подтверждал, что именно этого он и хотел — чтобы она изнывала от желания.

— Ты хочешь, чтобы я поцеловал тебя здесь? — спросил он, оставляя крошечный дразнящий поцелуй, не сводя с Хаос глаз.

— О, Господи, я... да. А ты мог бы? — молила она, не заботясь о том, говорила ли она правильные вещи.

— Мог бы, — он продолжил истязать ее легкими и чувственными поцелуями. Она вскрикивала и подавалась бедрами ему на встречу, придвигая их к нему при каждом движении.

Он сильнее прижал ладонь к ее животу, и она была благодарна за это, так как ее ноги становились слабее с каждой секундой. Затем он, наконец, оставил первый поцелуй прямо на ее клиторе, заставляя все ее тело содрогаться, издавать непрекращающиеся стоны. Сначала его губы были нежны. О, Господи, он прижался раскрытыми губами, не отрывая их в этот раз, а просто продолжая прижиматься ими к тому местечку. Потом она ощутила нечто невероятное — обжигающую шелковистость его языка, который искусно кружил по клитору.

— О, Боже мой! — она вновь издала всхлип. — Соломон! — захныкала она, неистово желая его прикосновений.

Его дыхание было тяжелым, когда он посмотрел на нее.

— Оближи, пососи меня, — молила она в отчаяние.

Его брови сошлись вместе, но ей не было никакого дела до того, что он мог быть зол, единственное, что ее волновало, это необходимость, чтобы он продолжил творить чудеса губами и языком точно так же и без остановки.

Положив руку под ее ногу, Соломон высоко поднял ее, еще сильнее раскрывая Хаос, полностью обнажая ее перед собой.

Он глухо застонал, когда посмотрел на ее лоно, склонив голову и продолжив пытаться ее поцелуями, покрывая каждый миллиметр плоти.

Хаос ошеломленно вскрикнула, когда его язык проник внутрь, а затем неспешно скользнул вверх, к идеальной жемчужине клитора.

— Пожалуйста, пожалуйста. Умоляю тебя.

— Господи, — прошептал он, — ты ангел.

Огонь, который пылал внутри нее, заставлял ощущать происходящее по-настоящему, делая все это реальным. Она могла стать кем угодно для него, как бы он ее не называл.

— Боже, я обожаю этот звук — то, как ты умоляешь меня поласкать твою киску.

Ее киску. Это слово и то, с какой интонацией он его произносил, — все распалило пламя ее желания еще сильнее.

— Я собираюсь ласкать ее до тех пор, пока ты не кончишь, Красавица. Ты готова к этому? — спросил он, касаясь губами ее клитора.

— Оближи мою киску, оближи ее, Соломон.

Он издал звук нетерпения, когда раскрыл ее шире и всосал нежные складочки в рот, так же как делал это с ее губами. Его язык скользил по клитору, затем жестко прижался и он вобрал губами женское потаенное местечко, охваченное жаром. Раздалось еще больше отчаянных голодных стонов, в тот момент, когда он переместился, стараясь втянуть в рот еще больше ее плоти.

— Я... Соломон, пожалуйста.

— Ты кончишь мне в рот, Красавица, — проговорил он прямо у ее клитора.

Его ладонь покинула ее живот, и пальцы глубоко вонзились в нее, когда он вновь вернулся к пульсирующему клитору. Он посасывал его с такой идеальной жёсткостью, что это ввергло ее в состояние удивительной пытки. Это было неистовой бурей удовольствия, с силой захватившей ее и заключившей в ловушку, из которой она не хотела сбежать.

Даже когда она боролась за то, чтобы остаться в объятьях своего сладостного наваждения, он поднял ее. Куда-то понес. Положил на что-то мягкое. Он был в ней: его пальцы глубоко исследовали ее, его язык, губы и рваные вздохи наполняли ее рот. Она с готовностью проглатывала их, поглощая его и в то же время отдавая ему то, что, как казалось ей, он требовал. Получить ее всю без остатка. Сокрушить, сломить и обладать ею.

И она дала ему это.

«Прими все, что я отдаю тебе, всю меня. Спрячь меня от самой себя, спрячь так, чтобы я была не в состоянии думать или знать что-либо, помимо тебя. Подготовь мое тело своей любовью. Оскверни мою душу своей страстью. Уничтожь меня».

Соломон переместил ее таким образом, что теперь она лежала на нем сверху, в то время как он продолжал целовать Хаос. Его сильные руки скользили по изгибам ее тела и остановились на бедрах, сжимая их в жесткой хватке.

— Займись со мной любовью, Красавица, — произнес он хрипло, передвигаясь так, чтобы его член вошел в ее тело.

Она могла лишь прикрыть глаза и раствориться в том, как он ощущался внутри нее, окунуться в бесконечные стоны, которые слетали с губ в этой восхитительной агонии.

Хаос привстала, чтобы оседлать Соломона и его пульсирующую наполняющую ее тело эрекцию. Его сильные руки все еще крепко удерживали ее бедра, едва позволяя ей двигаться на нем, он двигался сам, достигая этим проникновением самой сути ее души.

Она не могла ни думать, ни говорить, она могла лишь испытывать бесконечное

стремление. Стремление к тому, что он обещал ей дать, если она откроет перед ним эту потаённую дверцу своей души.

Она так отчаянно хотела раскрыть перед ним те самые тайные места внутри нее. Она бы открыла эту дверь. Ее пальцы впились в твердые мышцы его груди, пока она вторила его движениям. Отвечала на потребность, что исходила от его пальцев, потребность, что грохотала в его груди с каждым обжигающим вздохом, с трудом срывающихся с губ. Она двигала бедрами и неистово сжимала его в ответ, вторя его хриплым "О, Боже, да".

Настала ее очередь возжелать большего, и она была готова требовать это в ответ.

Хаос идеально двигалась на нем, неспешно и всецело отдаваясь действию, глубоко вбирая его в себя. Она вращала бедрами, заставляя головку его восхитительного члена ласкать ее самые чувствительные точки. Она хотела, чтобы он навсегда остался внутри нее. Хаос желала этого так неистово, что это заставляло ее испытывать еще больший голод и большее отчаяние. Ее ногти сильнее вонзились в Соломон, когда она ускорила темп.

Стоны, которые он издавал, говорили, что он желал того же. Большого, он желал большего, точно так же, как и она. Внезапно он притянул ее тело ближе к себе, подминая и укладывая девушку на спину, затем сам встал на колени между ее ног и сжал ее бедра своими сильными руками. Соломон приподнял Хаос и жестко вошел в нее, наблюдая за выражением ее лица, желая, чтобы она знала, что это было именно тем, что он требовал, нуждался в том, чтобы наблюдать за тем, что делает с ней, и как она чувствует себя в этот момент.

Хаос подарила ему настоящую себя. Она подарила ему пронзительный крик подчинения, сминая пальцами простыни, пока он пристально смотрел в ее глаза. Мог ли он видеть то, в чем она нуждалась? О чем молила? Так сильно, как только могла. Так глубоко, как только могла. Так быстро, как только могла. Не останавливаясь. Никогда не останавливаясь.

Его опаляющий взгляд медленно проследовал ниже, задержавшись на ее груди. Он насадил Хаос на свой член, и она еще сильнее скомкала простыни, ее рот широко приоткрылся в крике наслаждения, когда его взгляд устремился от ее груди к лицу, одержимый жаждой видеть и то и другое одновременно.

Соломон вновь дернул девушку на себя, затем снова и еще раз, опустив взгляд на ее груди, когда они подпрыгивали в темпе его движений. Она впервые видела подобное выражение на его лице. Яростная мощь в пристальном взгляде и в твердо сжатой челюсти.

Уставившись на нее, Соломон замедлил толчки. Она не могла отвернуться от взгляда этих темно-зеленых омутов, в которых бурлило неистовое желание. Это украло ее дыхание и заставило сосредоточиться лишь на пульсирующей потребности заполучить его. Заполучить то, что должно случиться. Это яростное обещание в его приоткрытых губах, медленное движение его языка.

— Коснись своего клитора, — прошептал Соломон, издавая хриплые стоны, склонив голову, чтобы наблюдать за тем, как он входил и выходил из нее.

Хаос послушно прикоснулась к пульсирующей жемчужинке.

— Погладь его, — проговорил он, возвращая взгляд обратно к ее груди. — И соски. Прикоснись к ним. Заставь их пылать, Красавица. — Его пристальный похотливый взгляд впился в нее. — Не останавливайся, пока, черт возьми, не кончишь на моем члене, — выдохнул он, и его пальцы вновь жестко схватили ее за бедра.

Ощувив приближение его оргазма, она повиновалась, потирая свои соски, пока не

создала огненный шар, который устремился к клитору.

Соломон продолжал медленно толкаться в нее, его взгляд переместился к пальцам на ее груди, затем спустился между ее ног и вновь устремился к лицу.

Жар стал нарастать с новой силой, пока она описывала круги вокруг охваченной пламенем жемчужинки клитора, делая именно так, как он сказал. Хаос задвигала бедрами, умоляя Соломона о большем, и его руки усилили хватку, удерживая ее в том положении, в котором он хотел ее видеть. Именно так, как он желал, когда его член ускорил темп проникновения.

Его толчки были неспешными, но властными и захватывающими.

— Соломон! Соломон! — она замотала головой, выгибаясь и вторя его движениям.

Мужчина хрипло застонал и вновь насадил Хаос на себя, заставляя всхлипнуть.

— Да! Пожалуйста, да!

Наконец, он решил положить конец ее страданиям. Соломон продолжил насаживать девушку на себя, не выходя из ее лона, характер его проникновений был яростным и глубоким. Она старалась делать так, как он сказал: не останавливаться, пока не кончит на его члене. Взрыв, который произошел внутри, был отличным от всех, что Хаос испытывала до этого. Он заставил ее разразиться криком, когда пронзил ее тело, пригвоздив своей железной волей.

Словно высоко воспарив над землей и покачиваясь на волнах. Потерянная и опьяненная удовольствием. Именно так она чувствовала себя сейчас. А затем его рот приник к ее губам, целуя, обдавая горячим дыханием и еще сильнее опьяняя.

— Красавица, — продолжал шептать он снова и снова у ее губ. — Моя прекрасная жена.

Собираясь к отцу, Соломон не хотел брать с собой Хаос, но оставлять ее одну казалось плохой идеей. После того как они разделили самый умопомрачительный оргазм во всей Вселенной, он был уверен, что она стала с ним еще более отчужденная, чем обычно.

Это вызывало тревогу, но он не мог обратиться с этим к отцу или дяде, которые ожидали окончания его небольшого медового месяца, который едва успел начаться. Он хотел сделать так много всего с Хаос. Попробовать очень и очень многое.

Он боялся больше, чем обычно, направляясь в номер отца и дяди. Ему нужно было внимательно следить за собственными реакциями на услышанное, особенно в присутствии Хаос. Она была очень восприимчива к перемене его настроения и могла неверно истолковать то, что они имели в виду.

Он заключил ее в объятия, прежде чем направиться к двери.

— Ты знаешь, как сильно я тебя люблю? — проговорил Соломон у ее губ.

Она ответила ему резким, но едва заметным кивком, который обозначал "да", подразумевая «Я слышу тебя, но нет, я не знаю этого».

— Мне необходимо поговорить о Шантиль. Мы идем туда обсудить именно ее, и я не хочу, чтобы ты считала, будто сказанное имеет какое-то отношение к тому, какие чувства я испытываю к тебе. Пожалуйста, — взмолился он, — посмотри на меня. В глаза.

Она заставила себя поднять на него взгляд.

— Скажи мне, что знаешь это. Мне необходимо быть уверенным, что ты все правильно понимаешь. По-настоящему понимаешь.

— Я понимаю, — прошептала она.

«Господи, она лгала».

— Мы поговорим об этом позже, хорошо? — он обхватил ладонями ее лицо и задержался у губ, для того чтобы осыпать их медленными поцелуями.

Она поддерживала его игру с поцелуями, но он чувствовал, что Хаос отдаляется от него. Ему захотелось кричать от отчаяния.

Джо открыл им и осмотрелся вокруг, прежде чем впустить их внутрь и быстро запереть дверь. Отец поднялся на ноги с того места, где сидел, — за столом в углу, рассчитанным на двух человек. Он заметил, каким взглядом отец смотрел на Хаос, и задался вопросом, что же ему известно о ней.

В кровати тихо спал мальчик. Он устроил нешуточную истерику, когда Хаос попыталась покинуть комнату без него. Заняло около тридцати минут, чтобы успокоить его и убедить, что с ним все будет хорошо, и что она скоро вернется.

Взгляды на лицах отца и дяди совершенно не помогали развеять плохое предчувствие, которое испытывал Соломон. На краткое мгновение какая-то часть его понадеялась, что новости по поводу Шантиль не были хорошими. Боже, он, скорее всего, болен на голову, раз думал о подобном, но именно в этом направлении текли его мысли. Наконец, она окончательно умерла для него, наконец, он был готов смириться и похоронить ее в своем сознании. Соломон не хотел видеть, как она мучается, если все-таки окажется живой, но, если это действительно так, то ответственные за это люди должны понести наказание.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы она находилась здесь? — едва слышно спросил дядя Джо, когда Соломон оказался рядом с ним.

— Да, — произнес он, хотя у него не было особого выбора. — Могли бы мы поспешить и... наконец, поговорить? Закончить со всем этим?

— Конечно, сынок, — кивнул дядя со спокойным и понимающим лицом.

— У тебя есть новости по поводу Шантиль? — он обратился к отцу, сразу переходя к делу.

Его отец покосился на Хаос, которая сидела на самой дальней кровати от них, развернувшись лицом к окну, словно понимая, что никто из присутствующих не желал, чтобы она слышала этот разговор. Соломон не хотел, чтобы она чувствовала себя лишней, и поэтому ему было необходимо поторопиться и разобраться во всех тревожащих его вопросах, чтобы он мог вернуться в Хаос и доказать ей свою любовь.

— Давай присядем, — проговорил отец, направляясь к небольшому столику и поджидая Соломона.

Соломон поспешил сесть рядом с ним.

— Шантиль жива.

Тошнота скрутила его желудок, и Соломон изо всех сил старался не выдавать свою реакцию.

— Откуда ты знаешь это?

— У меня есть свои источники в Уэстоне, где я провел тщательное расследование. Я бы никогда не принес такую вест, не будь абсолютно уверен в этом.

Соломон приложил все усилия, чтобы заставить свое тело оставаться в спокойном состоянии. О чем ему теперь спрашивать?

— Она в порядке?

— Я... не уверен в этом.

Соломон кратко кивнул.

— Так где же она? — спросил он, взглянув на Хаос.

Последовав за его взглядом, отец тоже посмотрел на девушку, после чего негромко произнес: — В том же месте, откуда и пришла. В том же самом месте... — он взглянул вниз, на свои руки, прежде чем устремить взгляд темно-карих глаз на сына. — В том же месте, откуда пришла твоя мать.

Соломон уставился на дядю.

— Я рассказал ему, что ты мне поведал, — сказал Джо. — Надеюсь, в этом нет ничего такого.

Соломон старался оставаться безразличным к этому факту. Ему было плевать на то, что сказал ему дядя. С чем тяжело смириться — так это со словами отца. В них было трудно поверить.

— Так... — Соломон опустил напряженный, прищуренный взгляд, вперившись в стол, пытаясь подобрать слова. — Ты пытаешься сказать мне, что... моя невеста была... похищена? Ее похитили и насильно удерживали там? Все это время?

— Я говорю тебе, что она находится там, да. Но ее не похищали, сынок.

— Что? — изумленный вопрос вырвался из него до того, как он смог остановить себя.

— Она была...

— Не повторяйся, — разгневанно предупредил Соломон. — Я прекрасно слышал тебя, и я не верю в это. — Он взглянул на дядю: — Ты веришь ему?

Джо опустил голову, чем еще больше разозлил Соломона.

— Да это все чушь собачья, — спокойно и уверенно произнес Соломон. — И без

расследований понятно, — пробормотал он, готовый взорваться от гнева. — Я не знаю, что там у тебя за источники, но они ошибаются. Все просто и очевидно. Ты сам сказал, что не уверен, хорошо ли она себя чувствует.

— Я просто имел в виду, что, находясь здесь на данный момент, я не могу наверняка это утверждать...

— Чушь! — Соломон поднялся на ноги, начиная расхаживать по комнате, не сводя глаз со своего отца. — Это полная хрень, папа. Даже если это и правда, значит, она притворяется, чтобы выжить! Она умная девушка!

Отец выглядел обеспокоенным, когда произнес следующие слова: — Она пришла оттуда до того, как познакомилась с тобой.

— Да мне плевать, когда она пришла оттуда. Я знаю ее, — он посмотрел на дядю. — Я знал ее, знал. Она не такая. — Он нервно рассмеялся и вновь начал мерить шагами комнату. — Ее удерживают там. Откуда тебе знать, что ее не держат там насильно? — обвинил он отца. — Вытворяя с ней, только одному Богу известно, какие вещи, пока кто-нибудь не придет за ней и не освободит из плена этого безумия. Как долго тебе известно об этом? Тебе не приходило на ум, что ее там удерживают силой, и что все ее действия продиктованы желанием выжить? Или ты сразу же пришел к выводу, что она притворялась на протяжении двух лет, пока мы были вместе? Ты ее не знаешь! — Соломон старался снизить тон.

— Я тоже полагал, что знал твою мать.

Соломон взглянул на дядю, когда отец сухо рассмеялся.

— Мы знали ее. Мы знали, что она была гребаным ангелом, о чем вообще ты говоришь?

— После этого она изменилась, — ответил его отец. — Шантиль все еще принадлежит Ордену.

— Хаос, — позвал он, не сводя взгляд с отца. — Она бы знала. Красавица, подойди сюда, пожалуйста. Хаос все время крутилась под ногами у Мастера, она должна все об этом знать, — он старался сохранить голос спокойным, когда Хаос подошла и встала рядом с ним.

— Она должна знать, — повторил Соломон. — И она видела фотографию моей жены, не так ли? — спросил он ее.

Хаос энергично закивала, держа взгляд опущенным.

— Видишь?

— Она, что, знает каждую женщину в Ордене, сынок? — осторожно поинтересовался отец.

Хаос отрицательно покачала головой так, словно он адресовал свой вопрос ей.

— Не имеет значения, — продолжал настаивать на своем Соломон. — Видела она ее или нет, знала или нет, Шантиль могли завербовать в секту.

— Даже не сомневаюсь в этом, — ответил отец. — Или она могла вырасти в том месте.

— Она встретила меня и так же, как и мама, поняла правду.

— Они убили твою мать за то, что она покинула секту.

Соломон покачал головой.

— Возможно, у них не было выбора, может быть, на то были другие причины, я не знаю. Если она там, то только потому, что ее удерживают силой, я могу это утверждать с полной уверенностью!

Взгляд его отца — этот взгляд давал понять Соломону, что тот отказывался признавать его точку зрения, и это заставило его вскипеть от гнева.

— Шантиль любила меня, Джон! Я любил ее в ответ, и то, что происходило между нами, не могло быть фальшивкой! Нельзя подделать настоящую любовь, она либо настоящая, либо подделка! Все между нами было настоящим, и она застряла в аду, вынужденная притворяться, ожидая, пока я спасу ее или пока кто-нибудь — кто угодно — не придет освободить ее. И когда я отчаялся, то попал именно в то самое место, где она находилась? — он посмотрел на отца широко распахнутыми глазами. — И если бы я не закрыл для себя эту главу жизни, то, возможно, догадался об этом раньше.

Дыхание Хаос вырвалось со свистом, и он дернулся в ее сторону. Она улыбалась.

— Что не так, Красавица? — проговорил Соломон, поспешив к ней. — Ты что-то вспомнила?

Она закивала, посмотрев на него со слезами на глазах.

— Я помню. Я помню. Т-там была одна девушка не так давно. Мастер был зол... по какой-то причине. Я не понимала почему, — она покачала головой, выглядя виноватой, и Соломон нежно провел рукой по всей длине волос у ее лица, утешая. — Я не понимала тогда, — она напряглась. — Если бы я только знала, я-я... — Теперь ее лицо скривилось от усилий не заплакать. — Я не думаю... Я бы сделала что угодно, — прошептала она, поднимая на него измученные глаза, полные слез. — В то время я думала лишь том, чтобы помочь снять проклятье, о том, чему учил меня Мастер. Мне так жаль, так жаль! — рыдала она.

Соломон крепко прижал ее к себе.

— Прекрати, — прошептал он. — Это не твоя вина.

— Это моя вина. Я позволила твоей Шантиль страдать, научившись быть слепой ко всему. А она любила тебя, я уверена в этом! Как она могла не любить? — прошептала девушка, яростно возражая ему.

Хаос вырвалась из рук Соломона и повернулась к его отцу.

— Она любила его, мистер Крэтч. Она хотела уйти, я уверена в этом. Многие девушки хотели, но их отправляли на "лечение", если они не раскаивались в своих желаниях, а она была умной, как ты и сказал, — напомнила она Соломону, возвращаясь к нему и хватая за руку. — И она играла в эту игру. Она притворялась, потому что любила тебя, конечно же, любила!

Соломон заключил Хаос в крепкие объятия, всхлипывая в ее волосы. Почему, мать вашу, она была настолько идеальной? Она всегда была такой хорошей, такой доброй к нему.

— Я люблю тебя, Красавица, я люблю тебя.

— Хоть это звучит правдиво, я не могу быть полностью уверенным, — проговорил его отец. — Но вы оба можете оказаться правы. И я надеюсь, что так и есть.

— И как, черт побери, мы собираемся это выяснить? — спросил его дядя.

— Я, наконец, нашел источник информации, — сказал его отец. — Есть пожилая женщина, она сейчас скрывается, но когда-то принадлежала Ордену. Она может сказать нам, что делать, если мы хотим вытащить Шантиль. Конечно, если Шантиль действительно захочет покинуть это место... надеюсь, она будет разумной.

— Мне нужно попасть в Уэстон. Но я не могу и шага ступить без их ведома. Если бы я только мог встретиться с Джимми Рэем...

— С чернокожим Джимми? — вставил вопрос дядя Джо. — Я рассказывал тебе, что он нас спас.

— И позволь предположить, он исчез после этого?

— Нет, он остался с мисс Мэри, судя по ее словам.

— Мэри Артур, за которой ухаживал Соломон?

— Да, — Джо присел за стол. — А что с ним, с этим Джимми? Он тот, кто первый привел их к нам, в тот первый гребаный раз, ну, ты знаешь.

Теперь Соломон внимательно прислушался, интересуясь, что отцу было известно о Джимми.

— Он сирота из приюта. Один из многочисленных детей, рожденный безумной рабыней. Упор на слово «безумной». Служащий, ухаживающий за территорией, взял его себе и растил в лесу, пока не умер. Джимми много чего знает, но по какой-то причине продолжает хранить молчание. И причина, по которой он выдал вас Ордену, тоже является частью головоломки, на которую у меня имеется только одно предположение.

— Какое? — спросил Соломон.

— Он верит, что проклятие реально. И верит, что проклятие не утратит свою силу, пока его не снимут.

— Ну, что ж, нравиться он мне больше от этого не стал, — заключил Соломон.

— Он думает, что ты единственный, кому по силам снять проклятье, — сказал ему отец. — Но Джимми тоже скрывается. Тот факт, что он помог вам выбраться, как вы говорите, вводит меня в заблуждение.

— Не одного тебя, — прокомментировал дядя Джо. — Он — ходячая шкатулка с загадками.

— Он дал мне ключ, — вспомнил Соломон. — Который остался в комнате.

— Джимми выстрогал его из дерева, — вставил дядя Джо. — Сказал, что увидел его во сне, и, конечно, он совершенно не догадывается, для чего тот предназначен.

— Он так же упоминал о кладбище на территории психбольницы. Я сходил туда и осмотрел его, но все, что я обнаружил, представляло собой лишь множество надгробий без указания дат на них. Я провел кое-какое расследование, но единственное, что мне удалось выяснить, так это то, что записи о пациентах совершенно не совпадают с количеством могил.

— У них есть свой крематорий, — подытожил отец.

Именно так он и думал.

— Тогда почему Джимми сказал мне проверить могилы?

— Если бы я знал, — посетовал отец. — У меня такое ощущение, что ему известны ответы.

— О каких мужчине и женщине на фотографии шла речь?

Все повернулись к Хаос, тихо стоящей позади них.

— В доме чернокожего мужчины? Он сказал, что они выбрали нас. Я подумала, это могло быть важно.

— Не уверен, что понимаю, про какую фотографию она говорит, — произнес отец.

— Фотография с изображением людей, очевидно, содержащихся в психиатрической лечебнице, — пояснил Соломон. — Я спросил насчет одного из парней на фотографии, а Хаос поинтересовалась о женщине. Джимми ответил, что они выбрали нас. Якобы люди на фотографии выбрали нас.

— Мне нужно ее увидеть, — произнес отец, выдавая свое нетерпение.

— Почему Орден не связывается с ним? — задал вопрос Соломон отцу. — Хаос сказала, это потому, что они не принуждают людей принимать участие в снятии проклятья, но мы-то

понимаем, что это все дерьмо собачье. За этим кроется другая причина. То же самое касается и мисс Мэри.

— Она также владеет какой-то информацией.

Соломон согласно кивнул.

— Однозначно.

Отец пожал плечами.

— Интуиция подсказывает мне, что им обоим известна информация, которая откроется в случае их смерти. И эта информация может повлечь за собой огромные проблемы для Ордена.

— В таком случае нам стоит нанести быстрый визит мисс Мэри и Джимми, — предложил его дядя.

— Только очень быстрый, — вставил его отец.

— Соломон, Хаос и мальчик могут остаться здесь, — произнес Джо. — Мы не можем позволить, чтобы эти психи схватили его еще раз.

— Ни за что, — запротестовал Соломон. — Что, если они вас схватят?

— Значит, ты пустишься в бега, — спокойно ответил отец.

— И просто брошу вас двоих, оставив подвергаться пыткам? Я так не думаю.

— Значит, найдешь способ привести помощь со стороны. Я верю в тебя, сынок. Но в этот раз ты с нами не поедешь.

Сидя на крышке унитаза в номере отеля и сжимая в пальцах бумагу с ручкой, Хаос тихо вытирала слезы, катившиеся из ее глаз, когда смяла очередной листок. Она старалась дышать, преодолевая боль в груди и сосредоточиваясь на том, что должна сделать.

Она не практиковалась в письме на протяжении долгого времени. Мастер всегда говорил, что она писала, как курица лапой. Сейчас она жалела, что в те времена на занятиях не была более прилежной. Если бы она только знала, что когда-нибудь будет писать письмо ангелу, то отточила бы свою технику каллиграфии до идеала.

Но ее милый Соломон не будет судить ее за это.

Она начала свою четвертую попытку, вновь уповая на то, что излагает мысли умными подходящими словами и пишет их грамотно.

Мой дорогой Соломон.

Пожалуйста, поверь мне.

Знаю, я не всегда вела себя правильно. Я не смогла уйти, когда должна была. Даже когда любила тебя, я, несмотря на это, совершала ошибки. Но ты никогда не обращал внимания на мои плохие поступки, которые на самом деле вывели меня к свету. Ведь они помогли мне понять многие вещи. Я осознала правду. Я знаю, что Шантиль очень сильно любит тебя, даже не зная её лично. Я чувствую всем сердцем, что она застряла в аду, ожидая, когда ее спасет любимый. Но я ни за что не могу позволить тебе вернуться в то место. Если Мастер снова тебя схватит, тебе не удастся уйти живым.

Мне выпала величайшая честь познакомиться с тобой. Узнать тебя. Полюбить тебя. И я никогда не перестану любить тебя, несмотря ни на что.

В самом начале я не была умной. Но я больше не та глупышка. Я вела нечестную игру, в отличие от Шантиль. И потому ты едва не погиб. Я никогда не прошу себе этого.

Но ты многому научил меня. И теперь я знаю, как поступить правильно. Теперь я знаю, как вести честную игру. Поверь мне, мой прекрасный ангел. Пожалуйста, поверь мне. А если не мне, так доверься Господу. Поверь, что он будет со мной, помогая мне вести себя правильно в самом истинном смысле этого слова.

Никогда не сожалей. И не плачь по мне. Не бойся за меня. Господь подготовил меня положить конец этому проклятью. Мне только нужно было понять, в чем оно заключалось.

Поэтому я возвращаюсь, чтобы покончить с Мастером боли. С Мастером пыток. Я возвращаюсь, чтобы покончить с проклятием. И вы с Шантиль снова будете любить друг друга.

Это мой величайший подарок тебе. Пожалуйста, прошу тебя. Прими его. Я вкладываю в него всю себя, это все, что я могу тебе подарить. Мое сердце. Мою душу. И мою жизнь.

С любовью,

Твоя Красавица.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

